

Мотоклуб «Военные Бароны»

ХОУК

Автор бестселлеров по версии «NY Times» и «USA Today»

Р.ДЖ. ЛЬЮИС

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

Annotation

Книга для читателей, достигших 18-летнего возраста. Содержит сцены сексуального характера, насилия и нецензурную лексику.

Хоук Наварро. Преступник. Убийца. Бывший президент самого известного в округе мотоклуба. Власти считают его мертвым, и для него важно, чтобы так и продолжалось.

Но есть одна проблема, и зовут ее Тайлер Уилсон.

Хоук поклялся ее отцу, умершему на его руках, что будет присматривать за ней. Ему хотелось бы, чтобы она покинула клуб и жила нормальной жизнью. Но Тай осталась. Она уже не та маленькая девочка, какой помнит ее Хоук. И очень скоро в его глазах она перестает выглядеть ребенком. Не с этой фигурой. Не с этим лицом. Не с этими греховными на вкус губами.

Хоук твердо намерен держаться от нее подальше и никогда не возвращаться к прежней жизни.

Однако, возникшая на горизонте новая угроза ставит на чашу весов жизнь Тайлер. Доверие подорвано, тайны прошлого угрожают разрушить ее жизнь, и Хоук вынужден вернуться — у него просто не остается другого выбора.

-
- [ХОУК](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Эпилог](#)
-

ХОУК

Автор: Р. Дж. Льюис

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серий

Главы: Пролог+40 глав+Эпилог

Переводчик: Ольга З.

Сверщик: Екатерина Н.

Редактор: Таня Ш.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения, а также указания группы и переводчиков запрещено!

Специально для группы: K.N ★ Переводы книг

(https://vk.com/kn_books)

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Пролог

*Будь осторожен.
Позаботься о ней.
Я предполагал это.
Я предполагал.
Не доверяй.
Не верь.
Не...*

Глава 1

Тайлер

Я часто винила себя за то, что Хоука посадили из-за меня. Если бы можно было изменить тот день — если бы я ушла раньше, а не протянула бы время, он никогда не оказался бы за решеткой.

Мне было тринадцать. Это был теплый осенний день. Деревья только начали терять листву. Дул прохладный ветерок. Я возвращалась из магазина с сэндвичем в руке, направляясь в сторону клуба, и покрывавшие тротуар листья тихо похрустывали у меня под ногами.

Тяжесть на сердце напомнила о себе, и я в очередной раз потеряла грудь, изо всех сил пытаюсь облегчить боль. Прошел ровно год с тех пор, как был убит мой отец, и меня охватила тоска. Лишенная его поддержки, я все еще пыталась разобраться, кто я в этом мире. Пыталась храбриться, но я не такая стойкая, как другие. Я не могла не плакать, и ненавидела, что все свои эмоции вынуждена была вытирать рукавом.

Я не слышала, как он подкрался. И не знала, как долго он находился здесь до тех пор, пока он не заговорил.

— Привет, Тайлер.

Я повернула голову, когда офицер (или таракан, как их называли в клубе) остановил возле меня полицейскую машину. Я узнала его — он не входил в число хороших парней — но не могла вспомнить его фамилию. То ли Брински, то ли Хински, то ли нечто подобное.

— Как ты, милая? — спросил он с неискренней улыбкой.

— Хорошо, — просто ответила я.

— Ты случайно не в клуб «Военных Баронов» направляешься?

Я бросила на него настороженный взгляд.

— Да.

— Разве это разумно, ангелочек?

— Это мой дом.

— Ох, милая, ведь это не твой дом, — грубо сказал он. — Твой дом где-то в другом месте, не так ли? Рядом с твоей матерью-шлюхой. Она по-прежнему напивается каждую ночь и спит с кем попало? Как сейчас у нее обстоят с этим дела, когда твой отец умер? Ты ведь знаешь, что он умер действительно ужасной смертью, не так ли? А знаешь, что происходит с людьми, когда они умирают?

Я просто смотрела на него.

Он ухмыльнулся.

— Они превращаются в отвратительное дерьмо. Черви выедают их глазные яблоки, высасывая соки. Не смотри на меня так. Я знаю, о чем говорю, потому что видел это. Тот старик был твоим отцом? Они, наверное, выползали отовсюду: из его глаз, из носа, изо рта, из всех дырок от пуль в его теле. Его кожа сгнила и облезла, и, я думаю, сейчас у него не осталось даже внутренностей, но я не специалист по разложению, поэтому откуда мне нахер знать?

Мой желудок скрутило, руки затряслись.

— Я слышал, он мучился, — продолжал он самодовольно. — То же будет и с тобой, если не перестанешь околачиваться с толпой этих дьяволопоклонников. Ты же понимаешь, что из тебя тоже сделают шлюху. Это все, на что они способны, и я уверен, что у них есть рынок сбыта маленьких наложниц вроде тебя.

Во мне разливалась раскаленная ярость.

— Грустно будет наблюдать, как такую красивую девочку станут использовать в качестве сосуда для спермы. Ты все еще девственница, или этой юной дырочкой уже попользовались?

Совершенно не задумываясь, я швырнула в него сэндвичем, попав прямо в лицо, отчего гад резко ударил по тормозам. Машина с визгом остановилась, и я злобно улыбнулась, когда он начал вытирать с лица ветчину и сыр, оставляющий скользкие следы.

— Хоук сказал, что мужчины, которые слишком много болтают — это ненадежные пиздюки, выискивающие, за счет чего самоутвердиться, — сказала я. — А еще сказал, если кто-то обидит меня, он перережет тому горло и оторвет голову.

Таракан был в ярости.

— Ты, нищевродская сучка, я доберусь до тебя.

— Да, но я не наблюдаю, как ты выходишь из машины. Боишься, понимая, кто я?

Он огляделся по сторонам, а затем, прищурившись, сказал:

— Думаешь, ты такая особенная, потому что ваш *президент*, — он презрительно усмехнулся, — постоянно рядом с тобой? Что же, Хоуку осталось недолго. Одна маленькая птичка шепнула мне, что его посадят в тюрьму. А вот когда его не будет, я приду за тобой, и ты сможешь присоединиться к своему папочке — вы на пару будете кормить червей в могиле.

Я проглотила боль, которую мне причинили его слова, не желая

показывать ее.

— Ты ощущаешь себя великим и ужасным, когда ведешь со мной такие разговоры?

— Закрой свой гребаный рот, девчонка!

— То есть ты сам затеял этот разговор, но мои слова выводят тебя из себя?

— Я сказал, закрой свой ебанный рот!

— Все девушки в округе жалуются на тебя, — продолжала я, не обращая внимания на то, как он покраснел. — Говорят, тебе нравится грубость, потому что за счет нее ты компенсируешь свой крошечный член.

Это было вранье. Я понятия не имела, что говорили девушки. Но когда растешь в окружении матерящихся мужчин, это сказывается, и еще я не хотела, чтобы он понял, какую внутреннюю боль причинили его слова о том, что сейчас моего отца пожирают черви.

К этому моменту он был не просто взбешен — его трясло. Он распахнул водительскую дверь, и на секунду я замерла от неожиданности, потому что не знала, что все это время его ремень безопасности был отстегнут. Развернувшись, я побежала, но он догнал меня, схватил за волосы и одним толчком повалил на землю.

Я неловко упала, подогнув ноги под странным углом, и пыталась вырваться, дико размахивая кулаками. Он приблизил свое лицо, все еще липкое от сэндвича, к моему и прорычал:

— Считаешь себя смелой, не так ли? — он провел руками вниз по моему телу, внезапно протиснул их между ног и сильно надавил, заставив меня вздрогнуть. Он шарил там своими пальцами, принуждая к тому, чего никто никогда не делал по отношению ко мне.

Не плачь. Не умоляй. Не показывай ему свое бессилие.

Я отбивалась, а он с самодовольным видом ломал мое сопротивление. Он был сильным и крупным, его дыхание у моего лица пахло сигаретами. Моя незащищенность кружила ему голову.

— Отпусти меня, — настойчиво потребовала я, понизив голос.

— Почему бы тебе не сказать это немного громче? — возразил он.

Нет. На этот раз я медленно и отдельно повторила свои слова:

— Отпусти. Меня.

Он потянул меня за волосы, вырывая пряди, но я сжала губы, стараясь не дать ему понять, насколько мне больно. Когда он увидел это, его глаза потемнели.

— О, теперь я понял, — сказал он, будто размышляя, — ты одна из их покорных сучек, да?

Я не ответила.

— Таких молчаливых маленьких сучек, как ты, мне подают к обеду, и хочешь знать, чем ты от них отличаешься? — он растянул губы в злобной ухмылке. — Ты кричишь *громче* остальных.

Я втянула носом воздух и плюнула ему в лицо. Он ударил меня в глаз, и моя голова откинулась назад, ударившись об асфальт.

— Чувствуешь эту боль? Ты привыкнешь к ней, пока я, трахая, разорву тебя надвое. Знаешь, что мне нравится, девочка? Знаешь, через какое дерьмо мне пришлось пройти, добывая этот гребаный значок, сучка? Я не боюсь вашего сраного клуба. Блядь, я оприходуя твою маленькую дырку прямо здесь...

Его прервал рев мотоцикла. Перед глазами у меняплыли круги, и, повернув голову, я смутно различила приближающийся к нам «Харлей». Он развернулся, объезжая нас, и остановился прямо перед полицейской машиной. Я заметила быстро соскочившую с мотоцикла фигуру в черном шлеме.

Хоук.

Я мгновенно почувствовала себя в безопасности.

Его лицо было исполнено ярости. Он молча изучал ситуацию, сначала оглядев меня, лежащую на земле, после чего перевел ледяной взгляд на таракана. Тот отпустил мои волосы, поднялся, как ни в чем не бывало отряхнул брюки и сказал:

— Ты должен следить за своими девчонками и проучить ее за нападение на офицера *среди* бела дня.

Некоторое время Хоук разглядывал его, сжав пухлые губы и прищурив темные глаза. Затем повернулся ко мне.

— Он преследовал тебя? — спросил Хоук угрожающе низким голосом.

— Да, — ответила я.

— Он обидел тебя?

— Да, — повторила я, пересекаясь взглядом с тараканом. — Да.

— Он причинил тебе боль?

— Да, он толкнул меня на землю.

Только я произнесла это, как подоспела еще группа мотоциклистов. Они пронеслись по дороге, покружили вокруг нас и остановились. Еще одна фигура в шлеме спрыгнула с мотоцикла.

Это был Гектор — более молодая версия Хоука.

— О, вы посмотрите, это же Хелински, — объявил он. — Снова заявился на территорию «Военных Баронов». Это тот самый мужик, о котором я рассказывал, брат. Он издевается над нашими девчонками.

Прошлой ночью он отметелил Джину и бросил ее в кровати истекать кровью. Реально больной мудака.

Лицо Хоука окаменело. Он посмотрел на меня, а потом на копа.

— Солнышко, он пытался силой усадить тебя в машину?

— Нет.

— Он прикасался к тебе?

Я снова выдохнула.

— Да, — мое лицо покраснело, и губы задрожали от злости и унижения. — Он, — *засунул в меня свои пальцы*, — говорил мне, что меня, как и папу, будут жрать черви, после того, как я запустила ему в лицо свой сэндвич.

— Ты лишилась сэндвича, запустив его ему в лицо?

— Да.

— Сколько ты заплатила за сэндвич?

— Три доллара семьдесят пять центов.

— Ты потеряла почти четыре доллара из-за этого куска дерьма?

Я кивнула.

— И он ударил тебя? Поэтому ты оказалась на земле?

Таракан начал говорить:

— Она напала...

— Заткнись, — оборвал его Хоук, не сводя с меня взгляда.

Я убрала волосы с лица и села, снова тряхнув головой, чтобы зрение прояснилось.

— Я не *напала* на него. Просто словесно *оскорбила* его член, назвав его крошечным.

Все присутствующие засмеялись. Губы Хоука изогнулись, и даже сидя на земле и чувствуя боль, я ощутила трепет в груди. После этой улыбки на сердце стало легче. С ним всегда все становилось лучше — с тех пор, как умер мой отец, и Хоук взял меня на попечение клуба.

Он был моим защитником.

Когда Хоук подошел ко мне, Хелински направился назад к своей машине, не переставая ухмыляться, как будто обладал неприкосновенностью.

— Гектор, — сказал Хоук, останавливаясь передо мной, — не позволяй таракану отойти слишком далеко.

Гектор заблокировал водительскую дверь машины своим телом, и Хелински вынужден был остановиться. Он стрельнул в Хоука взволнованным взглядом.

— Ты не можешь прикоснуться ко мне, — прорычал он. — Я чертов

коп! Ты не имеешь права трогать гребаных копов!

Не обращая на него внимания, Хоук опустилс передо мной на колени и наклонил голову. Его щетина прижалась к моей щеке, когда он прошептал мне на ухо:

— Он трогал тебя там, Тайлер? Потому что ты очень сильно сжимаешь колени и бледная, словно призрак.

Борясь с внезапно навернувшимися на глаза слезами, я медленно кивнула.

Из его горла вырвалось рычание.

— Ты ведь знаешь, что будет с тем, кто тебя обидит, верно?

Я снова медленно кивнула.

Хоук посмотрел на шлем в своей руке, и я заметила, как он усилил хватку.

— Обычно я этого не делаю, Тайлер, но сейчас я действительно взбешен, — холодно пояснил он, раздувая ноздри. — Я пытаюсь сдержаться, но у меня не очень хорошо получается.

Я моргнула и поморщилась, прикрыв рукой подбитый глаз.

— Ты в порядке? — встревожено спросил Хоук.

— В порядке, — ответила я.

— Почему ты держишься за глаз?

— Просто так.

Его лицо потемнело еще больше, и с пугающим выражением он спросил:

— Сюда он тебя тоже ударил?

Я снова моргнула, почувствовав, как запульсировало место удара.

— Хоук, не делай глупостей.

Он сжал челюсть.

— Слишком поздно. В моей голове все сложилось в ту секунду, когда я увидел тебя под ним.

— Но...

— Закрой уши, — приказал он, — и глаза. Ради меня, Тайлер.

Сердце подпрыгнуло к горлу, когда он взял своими большими руками мои ладони и прижал их к ушам. Я посмотрела на него — специально для меня выражение его лица смягчилось. Потом он успокаивающе погладил меня большим пальцем по щеке, после чего я закрыла глаза.

Почти сразу я почувствовала, как он отошел от меня, а потом Хелински начал что-то выкрикивать. Я не удержалась и приоткрыла глаза как раз в тот момент, когда Хоук замахнулся шлемом и размозжил Хелински голову. Внутри меня все сжалось, и я снова закрыла глаза, сильно

сжимая веки и втягивая в себя воздух. В одну секунду все происходящее стало бесконечной барабанной дробью в моей голове.

Не прошло и минуты, как Хоук обнял меня руками за плечи. Опустив мои руки, он поднял меня и повел прочь. Когда я начала оглядываться, пытаюсь взглянуть на произошедшее, он взял меня за подбородок, не позволяя этого сделать, и развернул вперед.

— Смотри перед собой, — сказал он мне.

Усадив на свой «Харлей», он надел на меня другой шлем, а за спиной раздавались мучительные хрипы и звуки чего-то, ударяющегося о плоть.

— Давай раздобудем для тебя новый сэндвич, Тай, — небрежно сказал он.

Хоук запрыгнул на мотоцикл, и я пристроилась за ним, обняв за крепкий торс и сильно прижавшись грудью к его спине. Он завел «Харлей», объехал вокруг машины, и мне больше не было видно Хелински. Остальные парни стояли вокруг него, внимательно наблюдая за kloкочущим дыханием избитого.

Я поняла, что он умрет.

Хоук убил офицера полиции средь бела дня.

Глава 2

Тайлер

Никогда нельзя было понять, что творилось в голове у Хоука — и это была самая большая проблема. Он мог улыбаться, смеяться, наслаждаться едой, и ты никогда не поймешь, что в это время он поглощен построением планов в своей голове. Иногда я ловила у него эту механическую улыбку и отсутствующий взгляд.

Вот и сейчас он смотрел на меня тем же взглядом, пока мы поглощали купленный мне новый сэндвич с ветчиной в гастронOME, принадлежащем байкерам. Я не возражала, потому что сама ела, погруженная в собственные мысли. А еще он попросил на кухне лед, завернул его в салфетку, и в данный момент я прижимала ее к своему глазу.

— Ты в порядке? — немного позже спросил он, заметив, что я не ем.

Я повернулась к нему. Он откинулся на спинку стула и, нежно глядя на меня, утешительно улыбался. За лето он сильно загорел, и на фоне коротких темных волос его скулы стали подчеркнуты еще больше. Мне нравилось сравнивать Хоука с темным принцем из сказок — плохие парни привлекают дьявольски сексуальной улыбкой и глубоким голосом. У него получалось делать так, чтобы вы чувствовали себя нормально в полном хаосе, словно реальность не была изначально примитивной и мерзкой, хотя в глубине души вы понимаете, что это так.

Обычно от этого взгляда у меня подкашивались ноги, но сейчас... Что-то в нем заставило меня оцепенеть.

— Тайлер, — надавил он, в его голосе добавилось настойчивости.

— Я подсматривала, — прошептала я.

Его улыбка исчезла.

— Я же велел тебе закрыть глаза.

— Да. Ну, я подсматривала.

— И?

— Ты ударил его шлемом.

— А потом?

— Потом я закрыла глаза.

Он медленно кивнул.

— Я не должен был делать этого в твоём присутствии. О нём могли позаботиться парни, но...

— Но что?

Он посмотрел на меня, нахмутив лоб.

— Твой отец попросил меня присматривать за тобой.

И на этом он остановился, уместив в предложение из семи слов объяснение причины своего поступка. Мне стало ясно, что разговор на эту тему окончен.

— Он был полицейским, — сказала я. — В твоём клубе есть правило — никогда не убивать полицейских. Дело дрянь.

— Я знаю о своих правилах, Тайлер. Не надо повторять их мне.

Я вцепилась пальцами в сэндвич, чувствуя себя полностью смущенной. Какой ему смысл было поступать так безрассудно и глупо. Он всегда был расчетливым человеком и без особых усилий выбирался из ситуаций и похуже этой.

Симпатичная блондинка-официантка подошла забрать наши пустые стаканы и улыбнулась Хоуку.

— Не желаешь чего-нибудь еще, Хоук? — приторным голосом протянула она, и по ее тону я поняла, что речь совсем не о еде.

Он смотрел на нее дольше, чем было необходимо, после чего резко спросил:

— Например, чего? Пытаешься предложить мне свою киску, в то время как я сижу здесь с избитой девушкой?

Ее улыбка исчезла.

— Извини.

Он не ответил ей, что все в порядке, как делал обычно. Хоук был милым с женщинами, но сейчас... был в ярости. Пристально глядя на нее, он ждал, когда она уйдет. Поняв намек, она быстро отошла с оскорбленным видом.

Я нахмурилась. Что-то здесь было не так. И тут меня осенило...

— Таракан сказал, что тебя посадят в тюрьму, — выпалила я и моргнула, чтобы скрыть эмоции во взгляде.

Хоук не ответил.

— Тебя посадят в тюрьму, Хоук? Поэтому тебе стало все равно?

Он потер переносицу и вздохнул.

— Честно говоря, Тайлер, тюрьма создана для таких людей, как я.

— Каких людей?

— Ты знаешь, что я за человек.

— Ты хороший человек.

В его глазах промелькнуло веселье.

— Хороший?

— Ты помог мне, когда умер папа.

— Сегодня ровно год с того дня, как его не стало.

Я с трудом сглотнула и кивнула.

— И поэтому ты сегодня была одна.

— Да, — с трудом произнесла я.

Он кивнул.

— Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это, Тайлер.

— Это не твоя вина. Трусливые твари сдали его, когда он был один. И теперь я боюсь, что с тобой тоже случится что-то плохое.

— Пусть тебя не заботит, что я сяду в тюрьму. Тебе нужно беспокоиться о себе, дорогуша.

— Но это правда?

Он замолчал, как бы сомневаясь, говорить мне или нет, а потом спокойно сказал:

— Есть ордер на мой арест. Они собираются что-то на меня повесить.

— Что-то плохое?

— То, из чего я не смогу выбраться.

Я вытерла слезы, стекающие по щекам.

— Ты уедешь, да? Поэтому ты так поступил с тараканом. Потому что тебе уже все равно.

Нахмурившись, он отвернулся к окну и задумался.

— Этот ублюдок издевался над девушками. Он высматривал их, разъезжая туда-сюда по этой дороге. Я бы разобрался с ним в любом случае. Но... да, я собираюсь уехать.

— Тогда уезжай. Найди безопасное место. Беги.

— Какой смысл бежать? Я устал, Тайлер. Старуха с косой давно присматривается ко мне в ожидании. Куда бы я ни пошел, мои руки по локоть в крови. Возможно... возможно, именно это мне и нужно, именно этого заслуживаю за все, что совершил.

Нет. Нет. Нет.

Внезапно я почувствовала себя испуганной и беззащитной. Этого не произойдет. Я не переживу еще одну потерю в жизни. Нет, мои раны еще слишком свежие.

Я втянула воздух.

— Когда ты вернешься?

Он взглянул на меня с печальной улыбкой.

— Дорогуша, к тому времени, как я смогу увидеть солнечный свет, ты уже станешь бабушкой. Лучшее, что ты можешь сделать, это забыть меня.

Глава 3

Тайлер

Та ночь была спокойной. Хоук не стал проводить ее ни с девушками, ни с братом, ни с другими парнями. Похоже, они понятия не имели об ордере на арест, и позже я узнала, что так и было. Он проводил ночь в одиночестве, вне стен клуба — пил пиво, сидя в садовом кресле и глядя в ночное небо. Я не могла стоять в стороне и позволить ему замкнуться в своем мирке. Я подошла к нему и присела на свободное место рядом с ним. Кажется, мое присутствие его не волновало.

— Можно мне глоточек? — спросила я.

Хоук долго смотрел на меня, вникая в вопрос, а потом передал мне бутылку. Я сделала большой глоток — больше, чем должна была — и все закончилось тем, что жидкость попала не в то горло. Я стала кашлять и отплевываться вытекающим из рта пивом.

Он усмехнулся.

— Гребаный ад, Тайлер. Ты слишком мала для этого.

Я вернула ему пиво.

— Да, я смогу залить это в себя через пару лет.

— Ты слишком нежна для этой отравы, — он прикончил бутылку, швырнул ее на землю и вдруг рассмеялся низким грудным смехом. — Мне двадцать четыре года, и я собираюсь провести остаток жизни за решеткой. В некотором роде это справедливо, не так ли? Для меня во всем этом не будет ничего хорошего. Они выставят меня сущим дьяволом, и я отправлюсь в тюрьму, полную моих же врагов.

— Ты не сможешь обезопасить себя?

— Я способный парень.

Мое сердце пронзила боль.

— Хоук...

— Этот клуб — бомба замедленного действия, — перебил он меня. — В один прекрасный день он развалится, как и все до нас. Я не знаю, как у них пойдут дела без меня и не могу быть уверен, что ты будешь защищена от всей этой грязи. Я хочу, чтобы ты ушла. Уходи к матери или еще куда-нибудь.

— Она даже не замечает меня, и я целыми днями буду совсем одна.

— Это полная херня, Тайлер. Разве ей все равно, здесь ты или с ней?

— Ей все равно. Ее заботит лишь другая «дочь» — текила. Говорит, она придает ей мужества.

— Это погубит ее.

— Она для меня даже больше мертва, чем папа.

— Возможно, она изменится, — но даже он не мог скрыть недоверия в своем голосе.

Я равнодушно уставилась перед собой.

— Мистер Косвей ясно объяснил, что все мы стараемся адаптироваться к своему окружению и меняемся вместе с ним. Это механизм выживания. Большинство изменений происходит не осознанно, а вынужденно. Мамино окружение никогда не изменится. Она будет сидеть в своем роскошном доме, который купил ей отец, и пить, пока не откажут почки.

Хоук снова усмехнулся, но смех вышел сухой, как деревяшка.

— Когда ты успела стать такой мудрой? За прошедший год ты охренеть как изменилась. Его смерть украла у тебя наивность.

— Трусливые твари украла у меня отца, — я посмотрела на свои руки, чувствуя себя как никогда опустошенной. — И теперь закон собирается украсть у меня тебя.

Он поджал губы.

— Хотел бы я увидеть, что из тебя вырастет, Тайлер. Что-то мне подсказывает, это стоит увидеть.

Мне бы тоже этого хотелось. Хоук был для меня источником света в действительно темный период моей жизни. Не уверена, что вообще смогла бы выжить без его поддержки. И я испытываю к нему глубокую привязанность.

— Ты была моим маленьким лучшим другом, правда? Научилась всему, что нужно знать о машинах, да?

— И как стрелять из пушки, — ответила я, и в груди потеплело от воспоминаний.

— Твой отец гордился бы тем, как далеко ты продвинулась всего лишь за год, — сказал Хоук. — Он любил тебя. Ты знаешь об этом? Никогда не говорил, но так и было.

— Да.

Он повернулся к рядом стоящему холодильнику и вытащил еще одну бутылку. Хоук собирался напиться в стельку, что было крайне редким зрелищем. Будучи президентом клуба, он всегда себя контролировал. Это первый и единственный раз за все время, когда я видела, что он так пил.

— Что ты собираешься делать? — спросила я, пытаюсь оживить

разговор.

— Честно? — ответил он, поднимая голову к ночному небу. — Хочу в последний раз просто полюбоваться на звезды.

Я изумленно наблюдала, как он заглатывал содержимое одной бутылки за другой, пока на его лице не отразилось все то напряжение, надежно скрываемое им внутри. Движения его груди замедлились, руки сжались в кулаки, но он никогда не давал выхода своему гневу, как бы зол он ни был в данный конкретный момент.

Выплескивать гнев было ниже его достоинства.

Мое сердце заколотилось от дурного предчувствия. После убийства папы наш клуб был на грани развала, и теперь без Хоука может произойти то же самое. Дождавшись, пока он напился до такого состояния, что едва мог двигаться, я встала и залезла к нему на колени, застав его врасплох.

— Держи дистанцию, Тайлер, — проямил он нечленораздельно.

— Заткнись, — возразила я, прижимаясь головой к его груди и вдыхая его аромат. — Дай мне насладиться этим, Хоук.

Он выдохнул и обнял меня рукой, а я закрыла глаза и вздохнула от удовольствия, когда он осторожно провел своими пальцами по моим волосам. Заполнявший мои ноздри его сандаловый запах действовал успокаивающе. Этот аромат у меня всегда ассоциировался с безопасностью.

— Береги себя, — прошептал он. — Не приходи в клуб, когда там устраивают вечеринки. Не связывайся с наркотиками и не позволяй ни одному тощему члену залезть к тебе в трусы против твоей воли, хорошо? Клянусь, я даже из тюрьмы прикажу убить его. Сохрани себя до тех пор, пока не будешь готова.

Я улыбнулась.

— Не беспокойся.

Даже пьяный, он сумел отнести меня внутрь несколькими часами позже. Я помню, как он уложил меня в кровать — его кровать — после чего побрел обратно. Помню, что открыла глаза и смотрела, как он уходит — его лицо было мрачным, тело напряжено, движения замедлены.

Тогда я еще не знала, что на следующие два года это был последний раз, когда мы виделись с Хоуком.

* * *

Федералы арестовали его на следующее утро, предъявив ему

обвинение в убийстве первой степени какого-то бандита, что стало поводом для отчаяния всех членов клуба. Улики были только косвенные, пока не всплыло убийство Хелински. Хоуку предъявили обвинение в еще одном убийстве. Самым печальным было то, что первое дело еще могло сойти ему с рук, но доказательства по убийству Хелински были настолько весомыми, что, куда ни глянь, все указывало на Хоука — одним из ключевых моментов была видеозапись, на которой Хоук отъезжает от места, где бросили труп Хелински.

Процесс был долгим и изматывающим, но значительно более быстрым, нежели в большинстве случаев, когда обвинители стремились ускорить дело. Он длился полтора года, после чего Хоук был приговорен к пожизненному тюремному заключению без права на условно-досрочное освобождение.

Газеты называли его безжалостным головорезом. Для окружающего мира он был монстром, внушающим ужас психом, без которого на улицах станет безопаснее.

Расследование привлекло излишнее внимание к «Военным Баронам», и с бизнесом пришлось притаяться.

Для меня настали тяжелые времена. Гектор настоял, чтобы большую часть года я оставалась у матери, чтобы тараканы из отдела по борьбе с наркотиками, пасущиеся возле клуба, не имели возможности наблюдать за несовершеннолетней девочкой, живущей с группой байкеров. Гектор должен был следить, чтобы все было шито-крыто. Сделок было много, но на репутации клуба не должно появиться пятен.

Главным образом, он пытался приспособиться к должности Президента, но ему это было не по нутру. Большую часть времени он проводил, пытаясь понять, почему именно Хоука упрятали за решетку, когда к делу причастно столько людей. Скоро он выяснил, что кто-то сдал его брата, но так и не смог узнать, кто именно.

Хуже всего, что в тюрьме Хоуку грозила опасность. Он был окружен своими врагами, и Гектора это сильно напрягало. Он подкупил нескольких охранников, и они перевели Хоука в одиночную камеру, чтобы оградить от тех, кто жаждал его убийства. Но это было всего лишь временное решение проблемы. К тому же, для Хоука это была прямая дорога к сумасшествию. Одиночная камера — это тюрьма в тюрьме, испытание вменяемости любого человека, неважно, насколько он вынослив.

Я не знала, что все это время, пока Хоук находился в тюрьме, Гектор договаривался об организации его побега.

Пока однажды утром он не вломился в мою дверь со словами:

— Тайлер, мать твою, вставай. Мы собираемся прокатиться.

Глава 4

Хоук

— Хочешь девочку? — спросил Гектор.

Очень смешно. Хоук напрягся и взглянул на своего брата. Он всерьез только что спросил эту херню?

Хоук только что выблевал больше, чем сам весит, его кожа покрыта потом, у него отрезан палец и кровь до сих пор бьет фонтаном, хотя прошло уже семь часов с того момента, как его вытащили из тюрьмы, где он гнил целый год. Теперь он в бегах, и это, блядь, потрясающе. Его братец заслуживает награду «Тупейший брат года» за эту грандиозную хуйню.

Хоук оглядел комнату — номер захолустного мотеля в какой-то безопасной части города, названия которого он даже не знал — и почувствовал нарастающий гнев.

— Нет, Гектор, — прошипел он, холодно встречая взгляд брата. — Я не хочу девочку. Меня они *не интересуют*. Не хочу, чтобы какая-то безымянная шлюха сидела у меня на коленях. Все, чего я хочу, это вернуться к своей прежней гребаной жизни, а ты своими действиями уничтожил все чертовы шансы на то, что это когда-нибудь произойдет.

Гектор отвел взгляд от старшего брата, подошел к ободранному стулу напротив и, рухнув на него всем телом, глубоко вздохнул и уставился в потолок.

— А что я должен был делать, Хоук? — резко спросил он. — Ты был окружен врагами, за твою голову была назначена цена. Тебя бы там убили. Там каждый желал твоей смерти! Ты ждал, что я просто так это допущу? Знаешь, какая разруха наступит в клубе, если ты умрешь? Это бы убило нас всех.

Хоук не ответил. Честно говоря, ему было совсем хреново. Рука чертовски сильно пульсировала — боль была настолько острой, что напрочь лишала сил. Вместо этого он опустил на грязный двуспальный матрас и прижал руку к груди, сотрясаясь всем телом. На нем не было ничего, кроме мешковатых спортивных штанов. Тот ебанутый псих, организовавший его побег, настоял на том, чтобы Хоук бросил там свой комбинезон, дабы правдоподобно инсценировать сцену нападения гризли в лесной чаще. Власти в скором времени смогут обнаружить только кровь, изодранный тюремный комбинезон и его гребаный палец (и он страстно

желал, чтобы его гребаный палец вернулся, потому что жизнь с девятью пальцами представлялась полной жопой).

Лично Хоук не был уверен, что это сработает, но тот ублюдок отрезал ему палец, даже не выслушав его мнения. После чего Хоук потерял сознание, и промежуток времени от фургона до этой грязной комнаты в мотеле прошел, как в тумане. Все, что он помнил, это как очнулся в этой дыре и увидел своего красавчика-братца в косухе с нашивкой «ПРЕЗИДЕНТ» на груди — статус, который принадлежал Хоуку в течение многих лет, прежде чем весь мир решил, что он должен вляпаться в гигантскую кучу дерьма.

— Где тот парень, которого вы наняли? — спросил Хоук слабым голосом.

— Зачем тебе это? — ухмыльнулся Гектор. — Хочешь убить его?

— Нет, хочу поблагодарить этого мудака-садиста за то, что он вытащил меня.

Гектор перестал улыбаться.

— Его нанял я, и он уехал, получив оплату.

— Как, блядь, его зовут?

— Маркус Борден, и это имя сейчас становится все более и более известным.

— Он был бы полезен клубу.

Гектор сухо усмехнулся.

— Его это не интересует.

— Какого черта?

— Тебе придется многое узнать. За год, что ты провел в тюрьме, многое изменилось. Расклад сил в Нью-Рэйвене сместился, деятельность банд практически сошла на нет, и я знаю, что этот парень — Борден — причастен ко всему этому. Сейчас он набирает влияние, и у него в прошлом что-то охеренно интересное и страшное, если не сказать больше. Я знал, что он выполнит эту работу, но, откровенно говоря, не хотел бы такого парня в клубе ни при каких раскладах.

Хоук втянул воздух от нового приступа боли и на короткое время прикрыл глаза.

— Тогда не упускай его из виду.

— Мы так и сделаем. Теперь поспи немного, мужик. Ты дерьмово выглядишь.

Хоук не хотел спать. Мысли не давали ему уснуть, а тело изо всех сил боролось с болью. Он попытался утешить себя тем, что лучше быть здесь, чем снова оказаться в той жопе и таращиться на четыре стены, пока не

потеряешь свой гребаный рассудок и эти стены не начнут с тобой разговаривать.

— Что мне теперь делать? — спросил Хоук через некоторое время. Он слышал, каким измученным был его голос, и это его совершенно не устраивало. Совсем. Он был сильным ублюдком, но это... это изменило все.

Гектор пожал плечами.

— Заляжешь на дно, пока страсти не стихнут.

Хоук презрительно усмехнулся.

— Страсти не стихнут никогда. Тебе известно, какую херню я сделал. Если у тараканов появится хоть малейшее подозрение, что я жив, они бесконечно будут прочесывать территорию «Военных Баронов», пока снова не наденут на меня наручники.

— Тогда ты должен быть мертвым, Хоук.

Хоук нахмурился.

— У мертвых нет цели, — прошептал он больше для себя, чем для кого-то еще. Одно дело — не иметь никакой цели, находясь в тюрьме, но на свободе тоже? Нет, это невозможно. Без цели он станет гребаным нулем. Что ему делать? Куда идти? Без мотоцикла и клуба жизнь бессмысленна.

Очередная волна боли прокатилась по его большому телу. Его прошиб пот, и он скрючился, прижимая руку к груди. Хоук сильно сжал зубы, все тело свело судорогой, пока он, тяжело дыша, переживал приступ.

— Когда придет врач? — прохрипел он.

— Уже в пути, — заверил его Гектор.

У клуба был свой хирург по вызову. Гекко был не из города — он нигде не светился и не имел никаких отношений с преступным миром. Приезжал, собирал тебя по кускам и снова уходил восвояси, но на тысячу долларов богаче. Это был мастер своего дела, поэтому стоил таких денег, но сейчас он охренеть как опаздывал, потому что Хоук нуждался в нем еще несколько часов назад.

Комната начала вращаться. Хоук подполз к краю кровати и скрючился в приступе сухой рвоты. Рот наполнился кислотой, и он сплюнул ее на зеленый ковер. Застонав, он ждал ослабления боли. Когда это произошло, он уткнулся лбом в матрас и глубоко вздохнул. Спустя какое-то время тихий звук открываемой двери привлек его внимание.

— Пожалуйста, скажи мне, что это он, — прорычал Хоук. Ему нужен морфин. И снотворное. И новый гребаный палец. Да, ему до хрена всего нужно.

— Хоук, — раздался нежный голос. — О, Боже мой...

Он узнал этот голос.

Боже, это был самый сладкий голос из всех, что он когда-либо слышал. Все его тело застыло, а затем обмякло на матрасе.

— Тайлер, — ровно произнес он. — Что ты здесь делаешь, дорогуша?

— Клуб устраивает вечеринку, чтобы отвлечь внимание тараканов, — вмешался Гектор, прежде чем она успела ответить. — Ты говорил мне, чтобы она никогда не присутствовала на клубных вечеринках. Все это время она ждала в машине, и именно там я велел ей оставаться, — его слова были пронизаны холодом. — И разрешения выйти я ей не давал.

— На улице слишком жарко, а кондиционер не работает, — услышал ее ответ Хоук. — Ты оставил меня, чтобы я там изжарилась. Я могла умереть.

— Не умерла бы.

— Ты не можешь этого знать.

Хоук улыбнулся бы, если бы мог двигать губами. У Тай был острый язычок. Последние два года ни на грамм не изменили ее, и ему это нравилось.

Тихие шаги приблизились к нему. Он попытался сдвинуть свое тело, чтобы повернуться к ней, но даже дышать было тяжело. Хоук почувствовал, как за его спиной немного просел матрас. Немного, потому что Тайлер была крошечной, да к тому же тихой. Он находил ее под столами или прячущейся в шкафах, подслушивающей разговоры, о которых не должна была знать все те годы, начиная с пятилетнего возраста. Сейчас ей уже сколько, пятнадцать?

Десять лет подобного дерьма до сих пор ничему ее не научили, и чего еще она успела насмотреться, пока его не было? С кем проводила время? Он надеялся, что не с Гектором. Гребаный ад, если с Гектором, то тот уже трахнул ее. Он не был примером для подражания, чтобы рядом с ним была такая восприимчивая цыпочка. Эта мысль взволновала его. *Сильно.*

Прохладная ладонь коснулась его руки.

— Хоук, ты плохо выглядишь, — сказала она печально. — Весь в крови. Ты умираешь?

— Ничего страшного, Тай.

— Не похоже.

— Ну, так и есть. Ничего страшного.

Она выдохнула, будто на какое-то время задерживала дыхание.

— Ты умираешь. Все умирающие люди так говорят.

— Он не умирает, — раздраженно сказал Гектор. — Мы говорим о Хоуке. Он просто здорово порезался. И лишился пальца.

— Как он лишился пальца?
— Парень, который вытаскивал Хоука из тюрьмы, отрезал его.
— Зачем кто-то, *вытаскивая* Хоука из тюрьмы, отрезал ему палец?
— Ты не поймешь. Это взрослые дела, Тайлер.
— Не думаю, что ты сам это понимаешь, Гектор, поэтому перестань обращаться со мной, как с десятилетней. Я более взрослая, чем ты большую часть времени.

Раздражение Гектора возросло.

— Послушай, ты на самом деле не должна здесь находиться. Это делает тебя соучастницей. Пойди погуляй. Тебе надо понять, что Хоук теперь мертв, и ты больше никогда его не увидишь. Теперь уходи.

Конечно, она проигнорировала его. Тайлер схватила Хоука за плечо и потянула назад, но он едва ли сдвинулся с места. Предприняв вторую попытку, она ухватила двумя руками и, сделав глубокий вдох, приложила все силы, чтобы перевернуть его на спину. От яркого света в глазах Хоука все расплылось, потом пошло пятнами, а затем обрело четкие очертания. Сверху на него смотрело лицо и...

Черт возьми. Хоук задумался. Разве он пробыл в тюрьме дольше? Ей не может быть пятнадцать. Или может?

Пара глаз насыщенного карего цвета исследовала его, пока он силился опознать девушку. Нет, это точно она. И похожа на гребаного ангела.

Он улыбнулся близости ее лица: маленького, круглого, со сжатыми губами и нахмуренными бровями. Она выглядела далеко не на свой возраст. Теперь черты ее лица стали такими яркими и симметричными. Он знал, что однажды она превратится в невероятную красавицу. Черт, она уже ею стала.

— Ты получал мои письма? — спросила она.

— Да, я получил их, — ответил он.

Тайлер отправила ему за год двенадцать писем, рассказывая в них обо всем на свете. Он понимал, почему она это делала. Тай была влюблена в него — всегда — и даже теперь смотрела на него с обожанием. По правде говоря, ему было приятно получать эти письма. Он ждал их всякий раз, когда в долбаную тюрьму привозили почту. Он даже сохранил их — засунул в комбинезон перед побегом.

Наверное, сейчас их уже нет.

— Они хорошо с тобой обращались? — спросил он у девушки.

Она кивнула.

— Теперь мы снова сможем заниматься ремонтом машин, и... стрельбой из пистолета. Все будет, как раньше.

На мгновение его охватили эмоции, и он сглотнул тугой ком в горле. Блядь, она такая милая, разве нет? Самые для него обычные вещи у нее вызывают волнение.

— Не так просто вернуться к тому, что было раньше, — тихо объяснил он, поморщившись на секунду от непрекращающейся пульсирующей боли в руке. — Я не могу открыто вернуться, Тайлер. Не смогу быть рядом, чтобы оберегать тебя снова, а ты заслуживаешь нормальной жизни. Твой старик хотел этого для тебя. Ты должна пообещать, что больше не появишься здесь. На этот раз по-настоящему, потому что мне известно — в мое отсутствие ты жила в клубе. Тебе надо жить со своей мамой и заботиться о ней.

Взгляд Тайлер застыл.

— Ты знаешь, какая у меня мать, и, кроме того, я не хочу уезжать. Это мой дом. Так же, как и твой. И только то, что ты лишился его, не означает, что и я тоже должна его потерять.

— Для тебя там небезопасно.

— Что именно небезопасно? Это только твои домыслы. Я понимаю. Папа взял с тебя обещание, и теперь ты одержим этим и не видишь того, что есть на самом деле.

— Мне нужно напомнить, что сделал бы тот офицер, не пояись я?

— Для этого есть Гектор. Он держит все под контролем и отлично справляется с этой работой, не спуская с меня глаз. Он делал это весь год и ни разу не пытался выставить меня за дверь.

Вена на виске Хоука запульсировала. На мгновение в нем вспыхнул гнев, когда он представил, как Гектор учит ее жизни. Что, блядь, Гектор знает о жизни?

— Тайлер, — начал Хоук предостерегающим тоном.

Она нахмурилась и медленно отодвинулась от него.

— Думаю, мне лучше вернуться в машину.

— Остайся, — сказал он строго. — Забыла, что там ты можешь умереть от жары?

— Предпочту умереть от жары, чем слышать, что не принадлежу клубу.

— Я этого не говорил.

— Тебе и не нужно было.

Проклятье, она была такой упрямой. Не дав уйти ей из зоны досягаемости, он здоровой рукой крепко схватил ее за руку и резко потянул к себе, заставив упасть на его обнаженную грудь. От столкновения тел у них обоих перехватило дыхание. Их лица разделяло несколько

сантиметров. Хоук пристально смотрел в ее испуганные карие глаза, стараясь не показать, какая боль пронзает все его тело.

— Тот факт, что технически я мертв, не означает, что у меня не будет возможности следить за тобой, — спокойно сказал он. — Теперь я твой призрак, дорогуша, и ты удивишься, насколько сильно призрак все еще может контролировать даже из могилы.

Она поджала губы и прищурилась.

— Еще посмотрим, Хоук Наварро.

Несмотря на то, что потерял палец, стал мертвым беглецом и потерял смысл жизни, он усмехнулся.

— Не сомневайся, Тайлер Уилсон. Я слежу за тобой.

С этими словами он отпустил и оттолкнул ее. Она упала спиной на матрас. Резко выдохнув, она раздраженно зарычала и сползла с кровати.

— Вижу, что в тюрьме он стал грубее, — сказала она Гектору, поправляя еле заметные розовые шорты и майку. — Ты должен был устроить ему побег раньше — до того, как он превратился в полного мудака.

Даже не оглянувшись, она выбежала из комнаты. Хоук мечтательно улыбнулся, уже испытывая желание вернуться в клуб, чтобы превратить ее жизнь в настоящий ад.

Господи, на самом деле ему хотелось гораздо большего.

— Знаешь, она скучала по тебе, — сказал со своего места Гектор, уставившись на дверь, словно мог видеть сквозь нее. — Ей было тяжело. Сначала она потеряла своего старика, а потом и тебя на целый год. Мы делали все, что в наших силах. Все любят ее. Она хорошая девочка.

Улыбка Хоука моментально исчезла. Он перевел взгляд на брата, и в груди появилось ощущение тяжести. Все, что волновало Гектора — это девки и пиво. Он не был гребаным идеалом. И Хоука раздражало, что тот будет наблюдать, как взрослеет Тай — главным образом потому, что сам считал ее особенной. Всю жизнь она сталкивалась с насилием, и это никогда не волновало ее. Она охренеть как удивляла — стоит здесь в своей розовой девчачьей одежде, с вечно, блядь, уложенными волосами, и даже глазом не моргнет, если начнется драка, полетят выбитые зубы и польется кровь.

— Через пару лет Тайлер превратится в настоящую красавицу, — резко сказал Хоук. — Если ты тронешь ее, я приду и убью тебя, Гектор.

Лицо Гектора вытянулось — он выглядел ошеломленным. Несколько мгновений они сверлили друг друга взглядами, и с каждой секундой напряжение между ними возрастало.

— Вау, — наконец-то изумленно произнес Гектор. — Это охуенно мощно!

— Тайлер не нужно, чтобы к ней относились, как к одной из твоих шлюх.

— Какого хера ты думаешь, что я буду относиться к Тайлер, как к шлюхе?

— Потому что ты не уважаешь женщин.

— Я люблю трахаться, ну и что?

Хоук стиснул зубы.

— Она не одна из них.

— Я забочусь о Тайлер, — твердо возразил Гектор. — И не смотрю на нее так. Она мне как сестра.

Хоук склонил голову набок, чуя за версту, когда братец начинал врать.

— Что-то раньше я такого не слышал.

— Сейчас все по-другому. Я серьезно...

— Просто не делай этого.

Гектор поскреб зубами нижнюю губу — он делал так, когда был взбешен.

— Ты видишь ее пять секунд и сразу начинаешь мне читать мораль? Она выросла, Хоук, и, когда станет достаточно взрослой, я не смогу нести ответственность за ее выбор.

Голова Хоука раскалывалась от злости, и он резко выпалил:

— Она под запретом, и ты, блядь, знаешь, почему ей нужно уйти.

— Я знаю, почему. Но она этого не делает.

— Она думает, что это только из-за ее старика, и должна продолжать так думать.

— Отлично, но этой причины недостаточно, чтобы держать ее в стороне. Это ее гребаный дом, Хоук. Она любит его.

— Из-за клуба она на самом виду, и люди будут присматриваться к ней.

— Они ничего не узнают.

— Просто не прикасайся к ней.

— Хоук, ты не можешь этого требовать, не заявив на нее своих прав!

— Тогда я заявляю на нее свои права! — импульсивно воскликнул Хоук. — Никто из клуба никогда не прикоснется к ней.

— А не из клуба?

— Не из клуба — это нормально, потому что я хочу, чтобы рядом с ней был кто-то порядочный. Только не из клуба.

Гектор был ошарашен, но лишних вопросов задавать не стал.

Отвернувшись от старшего брата, он откинулся на спинку стула. После этого между ними воцарилось молчание. Так всегда было. Как-то неестественно. И всегда трудно. Они были совершенно разными людьми, волей судьбы оказавшихся братьями, но никогда не испытывающими друг к другу привязанности. Хоук понимал, что так не должно быть. Брат был слишком свободолобивым, и он до сих пор не доверял его решениям. Их взаимоотношения изначально были обречены.

Когда, наконец, прибыл врач, Гектор извинился, выдав какую-то отмазку про срочный телефонный звонок, но Хоук знал, что это полная херня.

Через несколько минут снова появилась Тайлер и присела на угол кровати, когда Гекко принялся за работу. Маленький лысый человечек не задавал лишних вопросов. Честно говоря, Гекко не интересовало, что произошло или хотя бы то, почему Хоук не в тюрьме. Он был немногословным и предпочел просто осмотреть раны и позаботиться о них.

Умный малый.

Он обработал порезы на руках Хоука и начал зашивать открытую рану. Все это время Тайлер смотрела на него, ничуть не взволнованная ужасным зрелищем. Боже, она стала выглядеть совсем по-другому. Два прошедших года изменили ее. Тело приобрело изгибы. Пока небольшие, но тем не менее. Она уже не была маленькой девочкой.

— Он не должен был ранить тебя, — прошептала она ему.

Хоук не ответил, но твердо взглянул на нее, и этот взгляд пробрал ее до самых костей. Он был острым, как бритва. Его невозможно было игнорировать, потому что, когда Хоук смотрит на тебя — он действительно смотрит.

Встретившись с ним взглядом, Тайлер слегка занервничала. Так они и смотрели друг на друга. Хоук заметил, что ее грудь стала вздыматься сильнее, и наблюдал, как приоткрылись ее губы. Он понял — она до сих пор смотрит на него по-прежнему. Словно он какой-то бог. Он никогда не понимал, почему она так очарована им, но ему это нравилось. Он скучал по этому и чертовски сильно надеялся, что больше ни на кого в клубе она так не смотрит.

Тайлер. Опять же, всегда... всегда есть что-то, связанное с ней. Хоук не мог осознать, что. И словами объяснить тоже не мог.

Гекко закончил, вкатив Хоуку такую дозу болеутоляющих, которая свалила бы и лошадь. Потом собрал свои вещи, и первым его вопросом было:

— Где оплата?

— Гектор в соседней комнате, — ответила Тайлер, избегая взгляда Хоука. — Он ждет тебя.

— Что он там делает? — вмешался Хоук.

Тайлер смутилась.

— Он... с девушкой.

— Ты прикалываешься надо мной?

Она медленно покачала головой.

— По дороге сюда он остановился у какого-то стрип-бара и снял нескольких девушек. Он думал, что ты тоже проникнешься этой идеей.

— Господи, — Хоук стиснул зубы. Он здесь, в этой помойке, скрывается от закона, а его братец уже парит свой член. Именно поэтому он сомневался, что Гектор сможет справиться, если все пойдет под откос. Брат думает только о своем члене.

Гекко, почувствовав витающее в комнате напряжение, коротко кивнул и очень быстро покинул комнату, тихо прикрыв за собой дверь. Тайлер несколько секунд смотрела ему вслед, а потом вернулась к Хоуку. Он был уже сонным, в голове все плыло, а тело удовлетворенно обмякло после обезболивающих. В комнате царила тяжелая тишина. Хоук начал чувствовать себя беспомощным, конечности перестали его слушаться. Медленно моргая, он наблюдал, как Тайлер откинула на кровати одеяло, потом взобралась на матрас и прижалась к Хоуку всем телом. Опустив голову ему на грудь, она прижалась щекой к запекшейся крови, но это ее совершенно не напрягало.

— Что ты делаешь, Тайлер? — спросил он, и голос его был вялым и тягучим.

— Ты сбежал из тюрьмы, — тихо ответила она. — Я снова долго тебя не увижу. Все эти месяцы наслоились один на другой, превратившись в беспросветную тьму. Не знаю, смогу ли снова справиться с этим, Хоук.

— У тебя все будет хорошо.

— У тебя отстойные замашки лежачего больного.

— Говоришь так, будто это ты истекаешь кровью.

У нее вырвался дрожащий вздох.

— Так и есть.

Он вздохнул и застонал в попытке приподнять руку. До этой минуты он не чувствовал себя таким беспомощным, и это его не устраивало.

— Что ты делаешь? — спросила Тайлер.

— Пытаюсь поднять свою гребаную руку. А на что еще это похоже? — проворчал он.

— Тебе помочь?

— Нет.

Ему потребовалось несколько неуклюжих попыток, прежде чем он поднял руку и опустил ее на тело Тайлер, а здоровую ладонь уютно устроил на ее маленьком плечике. Тело Тайлер расслабилось, и она, глубоко вздохнув, обхватила рукой его крепкий торс.

— Все будет в порядке, — сказал он ей. — Не беспокойся обо мне, Тайлер. Беспокойся о себе. Я увижусь с тобой, как только смогу.

— Когда?

— Не знаю.

— Это не очень хорошо, — ее голос дрогнул. — Без тебя клуб не будет прежним, Хоук. Ты должен найти способ вернуться.

— Ты просто расскажи, каких косяков натворил Гектор.

— Да, но *в его присутствии*. Чтобы это не выглядело так, будто я поливаю его грязью, пока он находится в трех шагах от меня. Я имею в виду, не пойми меня неправильно, он действительно сильно старается, и я не хочу преуменьшать его усилия, но их недостаточно, и ему трудно. Ты — настоящий президент, и мы нуждаемся в тебе.

С трудом удерживая себя в сознании, Хоук закрыл глаза.

— Это больше не для меня, дорогуша. Я не могу вернуться. Никогда не смогу, и ты должна с этим смириться.

— Это несправедливо.

— Да, ну, Тай, тебе пятнадцать, и скоро ты узнаешь, насколько несправедлива жизнь. И вместо того, чтобы распускать нюни по этому поводу, ты должна принять это и научиться подстраиваться. А это значит, смириться с тем, что я очень долго не появлюсь в клубе.

— Возьми меня с собой.

— Я не знаю даже, куда отправлюсь.

— Мне все равно. Забери меня.

— Нет.

Он почувствовал, что она злится. Тайлер попыталась вырваться из его рук, но он усилил хватку, удерживая ее на месте.

— Перестань сопротивляться, — сказал он ей сурово.

— Тогда возьми меня с собой, — умоляла она. — Я хочу быть с тобой.

— Тай...

— Я люблю тебя! — она опять обмякла и всхлипнула, прижимаясь лицом к его груди. После этого признания она не могла смотреть ему в лицо. Вместо этого она плотно сжала губы и покрыла его кожу своими слезами.

Застигнутый врасплох, Хоук замер.

— Тай, — сказал он, — что, черт возьми, ты знаешь о любви?

— Знаю, что любовь — это дом, и сильнее всего я чувствую это рядом с тобой.

Он вздохнул и покачал головой. Эта девочка так чертовски наивна. И до смешного мила. Какого черта он сделал, заявив на нее свои права, чтобы об этом знали остальные парни? Он не хотел ее, но мысль о том, что она повзрослеет и будет трахаться с кем-то из клуба, терзала его. Они просто запрут ее в милом маленьком домике на другом конце города, пока будут трахать других женщин. Это будет та же жизнь, что и у ее матери, и он не мог этого допустить. Но... любовь?

Она подросток. И наверняка каждую неделю влюбляется в нового парня.

— То, что ты чувствуешь — это не любовь, — сказал он ей. — Это фантазии. Ты слишком юна и не знаешь, о чем говоришь.

— И что мне делать?

— Найди себе кого-нибудь, — невнятно проговорил он. — Охмури симпатичного прыщавого паренька из своей школы. Развлекайся с ним на заднем сиденье его тридцатилетнего пикапа. Попробуй разные приключения, Тайлер. Сильно не обольщайся, что тебе просто нужно дождаться меня, потому что, я уверен, все эти приключения не станут ждать, пока ты вырастешь. Ты должна выбросить из головы все свои мысли обо мне и чувства, потому что это не всерьез.

— А что, если в один прекрасный день ты захочешь меня? — спросила она. — И что, если будет уже слишком поздно?

— Тайлер, обычно ты не говоришь загадками.

— Что делать, если ты захочешь меня? Просто *ответь*.

— Тайлер, в один прекрасный день каждый гребаный мужик будет хотеть тебя. И к тому времени, даже если я посмотрю на тебя и захочу оказаться между этими ножками, у тебя откроются глаза на мир и появится хренова туча развлечений помимо того, чтобы остановиться и захотеть какого-то мертвого беглеца.

Тайлер была не согласна с его словами, но спорить не стала. Она была такой напряженной в его объятиях, но, несмотря на то, что почти отключился, Хоук пытался успокоить ее, поглаживая по плечу и прижимая к себе. Это ощущалось так здорово. Он понимал — все потому, что ему так долго не хватало чьего-то тепла. Но было приятно.

Ему чертовски это нравилось.

— Твои письма помогли, — пробормотал он, не в силах держать свои мысли при себе. В основном, потому, что хотел заставить ее почувствовать

себя лучше. — Они сильно помогали, Тайлер. Мне никто больше не писал. Только ты...

Всякий раз, читая их, он чувствовал, что все еще был частью ее жизни, но не понимал, насколько важна была эта часть в его отсутствие. Эти письма для него значили нечто большее. Что она не забыла о нем, что крепко связана с ним. И это удерживало его от самых мрачных мыслей.

— Это помогало мне писать их, — прошептала она.

Хоук закрыл глаза, и его тело постепенно сдалось. Объятия ослабли, и он почувствовал, как Тайлер подвинулась и переместилась чуть выше. Прохладными руками она коснулась его щек, пальчиками пробежалась по лбу, вдоль переносицы, очертила контур губ.

— Ты ошибаешься, — прошептала она, — во всем.

Она прошептала еще что-то, но он был слишком далеко, чтобы понять, что именно. А потом почувствовал, как что-то... мягко коснулось его губ, и понял, что это — понял до того, как провалиться во тьму — она поцеловала его.

* * *

Его сны были, как всегда, беспокойными. И одинаковыми. Блядь, они всегда были одинаковыми. Он снова был там, в одиночной камере, под светом люминесцентной лампы, и разглядывал рисунки, оставленные прежними заключенными кровью на стенах. Он слышал вопли и крики боли, заполнявшие эту крошечную камеру, в которой он застрял.

Они были в клетке, как и он.

Они были чудовищами, как и он.

Голодные, брошенные, наблюдающие, как уходит их рассудок в месте, где часы стираются и время перестает существовать.

Он почувствовал, как сдавило грудь, и изо всех сил старался вдохнуть. Это безумие. Словно быть похороненным заживо, только еще хуже, потому что это будет продолжаться, и продолжаться, и... продолжаться.

Он с легкостью убил бы себя, чтобы избавиться от этого, и хотел так сделать. Господи, он хотел этого, потому что не видел в продолжении никакого гребаного смысла. В своих снах он впивался ногтями себе в горло, разрывал его и умирал в луже собственной крови. Но в реальной жизни он просто смотрел на рисунки и до боли кулаками бил себя по голове.

Потому что боль... боль была лучше, чем ощущение себя в этой яме

небытия.

Глава 5

Хоук

Спустя несколько часов Хоук проснулся. Мирно спящая Тайлер свернулась калачиком у него под боком. Он долго разглядывал ее, поражаясь теплу ее тела. Кажется, целую вечность он не ощущал такого тепла. И внешнего, и внутреннего.

Тайлер нежная.

До боли красивая.

И теплая.

Или, может, это долгая изоляция заставила его увидеть мир и ее в новом свете. Осторожно, чтобы не потревожить, он сполз с кровати и направился в ванную отмыться. Даже такое простое действие требовало усилий. Но это место, каким бы дерьмовым оно ни казалось, было раем по сравнению с тем, откуда он выбрался. Горячая вода — настоящее блаженство. Он закрыл глаза, наслаждаясь стекающими по телу теплыми струями.

Закончив, он уставился на свое отражение в зеркале, изучая его и потирая ладонями выбритые щеки. Ему нужна маскировка. Может быть, отрастить бороду. У него слишком приметное лицо — резко очерченные скулы и идеально вылепленный подбородок — как у гребаных моделей. Если не соблюдать осторожность, его узнают с первого взгляда.

Он вздохнул и опустил голову. Во всем теле до сих пор ощущалась слабость, но не это беспокоило его. А теплое тело, спящее на кровати в шаге от него, и вся та херня, что творится в его голове после слов, сказанных прошлой ночью.

Любовь — это дом, и сильнее всего я чувствую это рядом с тобой.

Через открытую дверь ванной он смотрел на нее, раскаиваясь в том, что вчера в разговоре с Гектором объявил ее своей. Ему просто нужно было лишить ее всяких шансов быть с кем-то из членов клуба.

В глубине души ты доволен. Посмотри, какой потрясающей она стала за два года. А представь ее еще через три?

От таких мыслей Хоук нахмурился, но уже не мог взять свои слова обратно, как сделал бы раньше. Он стал беспомощным. По-настоящему беспомощным и чертовски уязвимым. Вся правда заключается в том, что тюрьма — это отвратительное место, которое любого доведет до отчаяния.

И Хоук испытал это отчаяние и... одиночество. Охуенное одиночество. До такой степени, что даже мужик, вроде него, начинал до боли желать чего-то настоящего.

И этим настоящим были те письма.

Тайлер затронула в его душе какие-то струны. Он не ожидал такого, но ей удалось. Хоук знал, что она сохнет по нему. Она такая невинная и, одновременно, по-прежнему нескладная. Это стоило ожиданий. Но потом он почувствовал пульсирующую боль в руке и понял, что в обозримом будущем ему не светит ничего настоящего. Возможно, уже никогда.

Он снова вздохнул и отшвырнул свои грязные штаны, а потом вышел из номера мотеля под утреннее солнце. Первый взгляд на него привел Хоука в смятение. Подняв глаза к небу, он глубоко вдохнул.

Свобода.

Так почему же он не *чувствует* себя свободным?

Опустив взгляд, он направился к соседней двери. Не утруждая себя тем, чтобы постучать, открыл ее, нисколько не удивленный тем, что она не заперта. Гектор лежал в постели в объятиях голой девицы. Другая девчонка не спала и продолжила натягивать на себя джинсы, совсем не удивленная его появлением. Взгляд ее был туманным, и Хоук понял почему, увидев бесчисленное количество пустых бутылок на полу. Откинув черные локоны, безымянная девушка улыбнулась ему. Хоук окинул быстрым взглядом ее большую грудь и широкие бедра, украшенные цветными татуировками. Твердая десятка из десяти возможных. Он должен был ощутить внутри себя знакомый выброс адреналина. Перед ним обнаженная девушка. Он так давно не видел их наяву. Это воплощенная мечта каждого ээка. Но его член даже не шелохнулся. Вот так странная неожиданность, неужели он совсем омертвел?

Девушка замедлила движения и повернулась к нему лицом, ожидая, когда он хоть что-то скажет. Знакомое поведение. Байкерская девица, привыкшая выполнять приказы. Она не ожидала отсутствия реакции.

Хоук отвернулся и закрыл дверь. Он уже собирался вернуться в свою комнату, когда его внимание привлек рев мотоцикла. Увидев черный «Харлей», въезжающий на стоянку мотеля, Хоук сразу понял, кто это.

Гас.

Вице-президент «Военных Баронов» с тех пор, как сам Хоук был еще ребенком. Он заменил ему отца, когда его старика убили. И снова в нем не шевельнулось никаких чувств. Стена, которой он оградил себя в тюрьме, не скоро рухнет.

Гас сорвал с головы шлем и помчался по дорожке с облегчением и

волнением на лице.

— Блядь, не могу поверить, но этот псих все-таки сбежал! — крикнул он.

Несколько секунд они обнимались, а потом Гас обхватил ладонями лицо Хоука и слегка похлопал по щеке.

— Посмотри на себя, — сказал он хриплым голосом. — Ты словно чертов оживший призрак. Разве Гекко тебе ничего не вколол? Выглядишь, словно уже на смертном одре.

— Со мной все будет нормально, старик, — ответил Хоук.

— Нормально — это увидеть твоё возвращение, а не бегство.

Хоук вздохнул.

— Видимо, у него не было выбора.

Гас многозначительно кивнул.

— Знаешь, сколько бабла стоила твоя драгоценная тюремная башка, пока ты сидел? Можно было бы кого-нибудь озолотить.

— Это была ежедневная битва.

Гас взглянул на обнажённую грудь Хоука и увидел свежие шрамы, появившиеся за время заключения.

— Уверен, так и было. Ну и пусть мы не увидели твоего возвращения. У меня достаточно денег, и ты довольно долго сможешь держаться на плаву. Этот мотель — черная дыра, так что ты не увидишь прочесывающих округу тараканов. Можешь пока остаться здесь, взять тайм-аут и подлечиться, а потом уже решишь, куда податься.

— Я хочу уехать как можно быстрее, — твердым голосом прервал его Хоук.

Гас удивленно посмотрел на него.

— Почему?

— Чем дольше я пробуду здесь, тем больше озверею.

— Куда ты отправишься?

— Пока не решил.

Какое-то время Гас всматривался в равнодушное лицо Хоука, пытаясь что-то понять, а потом спросил:

— Где твой брат?

Хоук указал на ближайшую комнату.

— Уверен, он будет в отключке ещё пару часов.

— До сих пор спит?

— У нашего мальчика была бурная ночь, — с горечью пояснил Хоук.

— Решил трахнуть нескольких девок, и одну прихватил для меня. Значит, он все-таки думал обо мне, пока я истекал кровью, да?

— Ты шутишь.

И, словно по заказу, из открывшейся двери появилась безымянная девица. Шатаясь, она прошла мимо них и, взглянув на Хоука, одарила его очередной улыбкой.

— Какого хрена пялишься? — рявкнул Гас с налитым кровью лицом.
— Отвернись или будет хуже!

Улыбка девицы исчезла, и она просто выполнила приказ.

— Об этой мне придется позаботиться, — сказал Гас Хоуку, когда девица, спотыкаясь, ушла с парковки. — Не могу позволить никому сболтнуть, что видели тебя.

— За нее не волнуйся. Она до сих пор такая пьяная, что даже не вспомнит меня, — ответил Хоук.

— Твою мать, а Гектор о чем думал?

— Когда это Гектор о чем-нибудь думал?

Гас выругался себе под нос.

— Пока ты был в тюрьме, он только и делал, что трахал баб, бухал и спал. И после твоего ухода вряд ли что-то изменится. Ты ведь понимаешь это, да?

Хоук не ответил. Он уже не мог это контролировать. Теперь ему нужно думать о себе и решить, что делать дальше.

— Он даже особо не пытался докопаться, кто сдал нас с тем видео...
— мрачно добавил Гас. — Между парнями идут разговоры, и это может оказаться интересным... — он замолчал, но Хоук и так понял, куда тот клонит.

— Между нами могут быть разногласия и ссоры, но мой брат никогда меня не продаст, — сказал Хоук, уверенный в своих словах.

— А ради твоего места?

— Нет.

В течение нескольких месяцев Хоука тоже посещали подобные мысли, но они быстро стирались воспоминаниями о тех редких моментах, когда проявлялась их преданность друг другу. Гектор никогда не продал бы брата. Пост президента клуба его совершенно не заботил.

Гас не выглядел убежденным, но, тем не менее, закрыл тему.

— Если хочешь уехать немедленно, можешь взять мой байк.

— Мне и рубашка твоя понадобится. Не могу же я ехать с эмблемой клуба на спине.

Гас не возражал, но взгляд его помрачнел. А чему радоваться? Еще слишком рано, Хоук нуждается в отдыхе.

— Бери все, что нужно, — сказал старик, похлопав его по плечу. —

Пойду раздобуду нам что-нибудь позавтракать, да?

Он ушел, а Хоук вернулся в свою комнату. К этому моменту Тайлер уже проснулась и, сидя на кровати, потухшим взглядом смотрела на него. Он остановился и взглянул на нее, вопросительно приподняв брови.

— Ты уезжаешь, — прошептала она, кивнув головой в сторону окна.
— Я все слышала.

— Ты всегда все слышишь, — шутливо ответил Хоук. — Вечно подслушиваешь.

Она не улыбнулась.

— Останься, пожалуйста.

Хоук медленно выдохнул и снова рухнул на кровать, откинув голову на подушку. Глаза слипаются. Состояние совершенно разбитое.

— Не могу, — сказал он ей. — Я не могу подвергать всех риску. Чем скорее уеду, тем лучше.

В ее глазах вспыхнула злость. Раздраженно откинув одеяло, она скрестила руки и уставилась в окно.

— Папа говорил, что ты всегда будешь рядом со мной, — тихо заметила она.

— Вряд ли твой отец знал, что я сбегу из тюрьмы.

— А ты не можешь откупиться от тараканов?

— Какими деньгами? Гектор выпотрошил все запасы клуба, чтобы оплатить мой побег.

Тайлер зажмурилась, смагивая непрошенные слезы.

— Это так несправедливо. Только что ты был со мной, и уже опять уезжаешь. Все, что мне остается теперь — это Гектор и Джесс.

— Какой нахер Джесс?

— Он кандидат в члены клуба.

Взгляд Хоука потемнел.

— Ты много времени проводишь с ним?

Она рассеянно кивнула.

— Он тоже любит возиться с машинами. Недавно ему достался от отца гараж. Он сказал, что переведет его в актив клуба, поэтому быстро прошел проверку.

— Клуб может ему доверять?

— Да, он хорошо проявил себя. Помог сжечь новый магазин Одинокого Всадника.

Хоук напрягся, скрипнул зубами и спросил:

— Тай, в Норвич переезжает другой мотоклуб?

Она медленно покачала головой.

— Не сразу, но... в любом случае, скоро. Но ничего страшного. За это отвечал Джонни. Он постоянно ездил туда и удостоверился, что до настоящего времени с ними никто не вел дел.

Хоук расслабился. Блядь, обидно за то, сколько он вложил в этот клуб, но новеньких любым способом нужно сравнивать с землей. Потому что именно так и поступают с источником угрозы — отрывают голову, не дав возможности раскрыть рот.

Гектор не сможет. Он слишком мягкий.

— Я буду рядом, — сказал Хоук, серьезно глядя на нее. — Когда страсти поутихнут, я время от времени буду появляться, чтобы выручать Гектора.

Тайлер только кивнула, так усиленно вглядываясь в него, будто старалась сделать отпечаток лица в своей памяти. Пустота в его душе заполнилась болью. Он хотел бы дать ей больше несбыточных обещаний, чтобы она успокоилась. Но не стал. В любом случае, Тай уже достаточно взрослая, чтобы понимать — не надо в него влюбляться.

Вернулся Гас, но Хоуку было не до еды. Он просто посмотрел на старика, стоящего в дверях с завтраком в руке, и Гас понял — понял с первого взгляда — Хоук ни минуты здесь больше не останется. Тайлер тоже это поняла, и по ее щекам заструились слезы.

Такой Хоук и оставил ее — опустошенную, с разбитым сердцем, провожающую его взглядом. Одевшись, он вышел за дверь навстречу неизвестности, сгреб оставленные ему Гасом деньги, запрыгнул на байк и, в конечном итоге, решил присоединиться к человеку, который организовал его побег. Он будет работать на него, скрываясь от мира. Научится существовать, а не жить, пока все, наконец, не забудут о беглом зэке.

Да, именно так он и поступит.

Только вот... жизнь имеет свойство подбрасывать проблем, поэтому...

В итоге, все это не сработало.

Глава 6

Тайлер

Пять лет спустя

— Твою мать, Тайлер, а ты сексуальная малышка, — прозвучал сзади голос Гектора. Рукой он коснулся моей обнаженной спины, мягко принуждая наклониться вперед. Я закрыла глаза и задержала дыхание, когда включилась тату-машинка и ее игла пронзила кожу моей спины. Я прикусила губу и сконцентрировалась на музыке, грохочущей на весь тату-салон, но боль была довольно сильной. Я скорчилась и стиснула зубы. Ощущения такие, словно раскаленным пером рисуют по коже.

Ауч!

— Нормально себя чувствуешь, куколка? — спросил Гектор, почувствовав мое недовольство.

— Нет, — проскулила я сквозь зубы. — Я чувствую себя дерьмово.

— Терпи, принцесса.

Я подняла руку и помахала ему средним пальцем. Негромко рассмеявшись, он продолжил издеваться над моей кожей.

— Теперь я понимаю, почему тебя называют мясником! — провопила я.

— Добро пожаловать в мясную лавку! — прогудел он.

Черт, ну и хамло. Вчера я наслушалась ужасных историй о людях, побывавших в татуированных руках Гектора Наварро. Но в городе ему нет равных. И хотя он больше не работает в тату-салоне «Военных Баронов», потому что принял на себя обязанности президента мотоклуба, все же, время от времени, оказывает эту услугу. Когда он узнал, что именно я хочу наколоть на спине, то выразил охотную готовность сделать это для меня. Сейчас шел четвертый — слава господи! — заключительный сеанс, и мне очень хотелось увидеть результат и свалить ко всем чертям. Я закрыла глаза. Единственными звуками в комнате были жужжание машинки и громкая музыка, орущая из стереосистемы. Иногда Гектор прерывался и успокаивающе похлопывал меня по плечу. Но от подобного утешения легче не становилось.

В какой-то момент я вытащила свой телефон, пытаясь отвлечь себя чтением входящих сообщений.

Мама: Я встретила мужчину и почти уверена, что он — тот самый.

Я закатила глаза. *Естественно, тот самый, мам.*

Одно сообщение. Достаточно чтения на сегодня. Я отложила телефон и начала считать свои вдохи.

Когда Гектор, наконец, закончил, я готова была расплакаться от облегчения. Он выключил музыку и велел мне оставаться в кресле, пока не принесет что-то из задней комнаты. Вернувшись через пару минут, он намазал мне спину какой-то мазью. Его движения были, как обычно, нежными — такая уж у него натура.

— Я буду обрабатывать твою кожу, — мягко сказал он. — Приходи ко мне утром.

— Кто бы сомневался, — пробормотала я, не имея сил сопротивляться.

Он сгреб в кулак мои волосы, завязанные в конский хвост, и резко дернул.

— Не умничай. За татуировкой нужно ухаживать. Это не шутки.

Я протянула ему свой телефон.

— Да-да, конечно. А теперь сделай для меня фотографию. Я хочу увидеть то, ради чего прошла все круги ада, и не свернуть при этом шею перед зеркалом.

— Поверь мне, на тебе это смотрится охуенно сексуально. Тебе понравится.

Он сделал снимок и передал телефон мне. Я разглядывала фото татуировки, покрывающей мою спину, изучая каждую деталь, нанесенную за последние два часа. Кожа красная и воспаленная, но я знала, что через какое-то время это пройдет. Однако Гектор был прав, мне понравилось. Широко улыбаясь, я оглянулась через плечо, когда он начал накладывать повязку.

— Спасибо, — искренне сказала я. — Потрясающе смотрится. Лучше, чем я могла себе представить.

В ответ на мой комплимент его губы изогнулись в довольной улыбке. В этот момент мне вдруг захотелось, чтобы все было по-старому. Чтобы Гектор, как раньше, работал здесь и был счастлив, и ему не приходилось бы волноваться о выполнении обязанностей, в которых он полный профан (например, о клубе).

Он кивнул и начал приводить в порядок оборудование.

— Нет проблем. Теперь же, пока кожа не восстановится, я рекомендую тебе ходить топлесс так долго, как это возможно. Эта малышка должна дышать.

Я рассмеялась, выпрямилась и, прикрыв грудь рукой, схватила с соседнего кресла рубашку и лифчик.

— Значит, ты хочешь, чтобы я разгуливала по клубу с голыми сиськами? — спросила я, оглядываясь на него через плечо.

— Почему бы и нет? — ответил он, подмигивая. — У тебя отличные сиськи.

— Ты их никогда не видел!

— Тай, я видел тебя в обтягивающих топах. И уверен, они представляют собой охуительное зрелище. Опустит руку и дай мне посмотреть.

— Этого не случится.

— С каких пор ты стала беспокоиться о собственной скромности? Ты живешь среди нас, где телки постоянно ходят в чем мать родила.

— Может, моему телу неплохо иметь маленькую тайну? — нахально ответила я.

Он прервал свое занятие и оглядел меня с ног до головы.

— Это правда. Думаю, ты единственная девчонка, которая так давно рядом со мной и которую я ни разу не видел голой.

— Так оно и останется, — прошептала я про себя.

Гектор, вероятно, перетрахал женщин больше, чем смог бы Чингисхан за все время своего правления. Но мне не хочется становиться очередной зарубкой на его кровати. Хотя, врать не буду, такая мысль, нет-нет, да и закрадывалась мне в голову пару раз. Ведь я всего лишь девушка, а одиночество — та еще сука. Плюс, Гектор все-таки великолепен. От его темных волос, татуировок на загорелой коже и глубоких карих глаз любая девушка потеряет голову. И если бы поменьше трепался и держал свой член в штанах, он был бы просто идеальным. Но в обозримом будущем не предвидится ни того, ни другого. Кроме того, он не Хоук.

А Хоук? Он лучше во всех отношениях.

Я повернулась к нему спиной и начала надевать лифчик. Гектор выругался себе под нос и вырвал его у меня из рук.

— Лямка лифчика будет давить на татуировку, Тай, — сказал он. — Набрось на себя рубашку. Больше ничего не нужно. Серьезно, расслабься.

— Хорошо, не отрывай мне голову. Я просто забыла.

Я схватила свою белую свободную рубашку без рукавов и натянула на себя. У меня небольшая грудь, поэтому должно быть не так заметно, что я без лифчика. Но все равно я сомневалась. Как сказал Гектор, в баре полно доступных женщин, одетых куда откровеннее меня.

— Сегодня у нас намечается компания, — сказал Гектор.

— Кто?

— Юрий и его братва. Они будут швырять деньгами и после вечеринок останутся на ночь.

Я поежилась.

— Господи, Гектор. Юрий реально вспыльчивый и настырный.

— Как и наши парни.

— Но они держат свои руки подальше от меня. Юрий же наглый.

Гектор пожал плечами.

— Что я могу с этим поделать? Он брат Абрама. Я никак не могу послать его на хрен. Абрам любит этого маленького засранца.

— Тогда я должна смотреть в оба.

— Значит, ты останешься выпить? — спросил он меня.

— Не знаю. Зависит от того, насколько плохо они себя будут вести.

— Они будут плохо себя вести.

— И ты?

Он усмехнулся и взял ключ от мотоцикла.

— Особенно я. У меня свидание с «Джеком Дэниелсом» и парой аппетитных попок.

Разве это новость?

Я снова пожала плечами.

— Хорошо, посмотрим на поведение этого придурка. Ты не представляешь себе, как он обидел меня в прошлый раз.

Юрий и его братва были частью российского филиала, с которым клуб вел дела. Они не были постоянными покупателями, но если заключали сделку, то не заметить этого было невозможно. Стоило им появиться, и содержимое бара выпивалось до последней капли. А Юрий — полный придурок. Реально отвратительный парень с ужасным характером и наглыми руками. Когда он появлялся последние несколько раз, то пытался облапать меня, словно я какая-то клубная шлюха, готовая под него лечь. Я терпела до последнего. При каждом его приближении вежливо отходила. Но в самый последний раз он схватил меня за задницу, и мое терпение лопнуло. Пьяный мудака получил коленом по яйцам, но был слишком пьян, чтобы вспомнить.

Я вытащила из кошелька стопку денег и повернулась к Гектору.

— Кстати, это за два последних сеанса.

Он посмотрел на деньги.

— Убери это, Тайлер.

Я покачала головой.

— На самом деле, я действительно работаю на совесть и специально

копила, поэтому ты должен взять их. Я не одна из твоих шлюх, которых ты осыпаешь подарками, а потом желаешь им счастливого пути. Я могла бы передать их через кого-нибудь другого. Здесь вторая половина от объявленной тобой суммы.

Он несколько секунд смотрел на деньги, почесывая небритый подбородок, а потом со вздохом выхватил их из моих рук. Проходя мимо стойки регистрации, он бросил на нее деньги и открыл дверь.

— Идем.

В приподнятом настроении я улыбнулась ему и вышла на улицу в теплый душный воздух. Начинало моросить, и не пройдет и пяти минут, как я попрощаюсь со своей прической. Гектор встал под навес перекурить, а я подняла взгляд к звездам.

В такие ночи я вспоминала о Хоуке. О той нашей ночи, когда он пил и смотрел на звезды, словно понимал, что такой возможности у него больше не будет.

Гектор докурил, мы дошли до его «Харлея», и я села ему за спину, обхватив руками за талию. Мой взгляд уперся в его жилет, и я обвела пальцем эмблему на спине: два скрещенных боевых топора, меч между ними и пылающий череп. Над эмблемой крупными белыми буквами слово «ПРЕЗИДЕНТ». Это тот самый жилет, который носил Хоук. Улыбка дрогнула, и меня охватила тоска.

Я скучала по нему.

Гектор завел двигатель, отвлекая меня от мыслей о его старшем брате, и мы помчались по тихим улицам обратно в клуб.

Домой.

Глава 7

Тайлер

Снаружи клуб был ничем не примечательным зданием из красного кирпича с флагом «Военных Баронов» над входом. Лет десять назад «Бароны» выкупили и отремонтировали его. Изначально это был бар с парой апартаментов наверху. К настоящему времени бар практически не изменился, а вот на двух других этажах квартиры разделили перегородками на комнаты, в которых могли разместиться практически все члены клуба. И больше ничего особенного. Никаких трехметровых крепостных стен вокруг — именно так представляют себе обыватели цитадель мотоклуба. Никакого криминала, никакого оружия массового уничтожения, вопреки распускаемым горожанами слухам. Нет, все было надежно спрятано на каких-то складах за пределами города. Об этом мне рассказал по секрету Гектор.

А наш клуб предназначался для повседневной жизни. Именно здесь я росла и творила все, что хотела. И никто ничего не мог с этим поделать. Мой отец был Вице-президентом «Баронов», и это давало мне среди них привилегированное положение. Я была маленькой принцессой. Парни обожали меня, даже когда я доставала их своими выходками.

У меня было прекрасное детство, наполненное чудесными воспоминаниями, а потом... Как подумаю о том дне, когда умер папа... Случайное нападение какого-то безымянного труса. Тот таракан-полицейский сказал правду — его смерть была жестокой, потому что однажды я услышала, как то же самое говорили парни между собой. Они шептались, что папа истек кровью. Умирая у Хоука на руках, отец взял с него обещание присматривать за его семьей. Мы остались вдвоем с мамой. В то время моя мать была содержанкой, а мне было всего двенадцать лет, и Хоук стал для нас главным. Он был Президентом почти четыре года и самым молодым лидером за всю историю клуба, но сильно отличался от своих предшественников. Хоук пообещал, что клуб будет заботиться о нас, а он сам лично проследит, чтобы я ни в чем не нуждалась. Но все это при соблюдении определенных условий. Он хотел, чтобы я отдалась от клуба и жила нормальной жизнью. И даже сейчас, спустя почти девять лет со смерти моего отца, он настаивает на той же фигне.

Естественно, я не подчинилась. В конце концов, я была ребенком

клуба. Совсем непросто выставить девушку за дверь, когда такой образ жизни стал для нее родным, и она с раннего детства вдыхает запах черной кожи и мотоциклов. Это просто бессердечно. «Военные Бароны» были моей семьей, а этот клуб — моим домом, и ни один бывший Президент, отрастивший бороду до пупа, не сможет убедить меня в обратном.

В баре было очень шумно. Громкий смех и крики слышались даже через закрытую дверь. Войдя внутрь, я быстро осмотрелась. Помещение превратилось в сборище дебоширов. Любые звуки перекрывались громким смехом и музыкой. К бильярду не протолкнуться, но не из-за игры, а из-за парней, слизывающих выпивку с пупка полуголой девицы, лежащей на столе. Другие девушки с оголенной грудью бродили от одного парня к другому, разнося напитки.

Полный хаос, но в этом клубе по-другому и быть не может. Гектор уже рыскал в поисках женщины. Он остановил свой выбор на Холли — нашей новой официантке, нанятой в прошлом месяце. В данный момент она склонилась над столом, подавая пиво одному из парней. Едва Гектор шагнул в ее сторону, я крепко схватила его за руку.

— Не трахай персонал, Гектор, — резко сказала я ему.

Он ухмыльнулся.

— А если я уволю ее, а завтра приму обратно?

Я нахмурилась.

— Я серьезно. Каждый раз, когда ты так делаешь, Гас бесится и потом вынужден нанимать кого-то другого. Кажется, тебе невдомек, что, забирая девушку в постель и обхаживая ее в своем стиле, ты просто запудриваешь ей мозги.

Гектор не был эгоистичным любовником — по крайней мере, я так слышала. Бесчисленное количество раз. Говоря «слышала», я имею в виду прямой смысл слова. Еще тогда, будучи ребенком, я слышала его с женщинами и понимала, что в постели он какой-то гребаный гуру. Он не торопил девушку, обхаживал ее, шептал на ушко трепетные слова, и в результате бедная глупышка чувствовала себя желанной и окруженной заботой. Гектор был чертовски испорчен. У парня были достаточно серьезные проблемы, но он, кажется, не понимал, что не решит их сексом со случайными девчонками. Но я не доктор Фил. *(Примеч.: Филипп Кэлвин «Фил» Макгроу — американский психолог, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил»).*

Его ухмылка стала шире.

— Она не пожалеет об этом.

— У Холли есть ребенок, — ответила я. — Она мать, и борется за

выживание. Это единственная работа, которую ей удалось найти. Не делай этой херни, Гектор.

Его улыбка мгновенно исчезла, и он, с любопытством взглянув на Холли, пробормотал:

— Хорошо. Я поймею ее как-нибудь в другой раз.

Мы подошли к бару, где пил пиво Гас. Он был Вице-президентом. Гас был близок с моим отцом и после его смерти почему-то решил, что должен взять на себя его роль. Мы примостились рядом, но он едва взглянул на нас. Его взгляд был прикован к группе лиц, сидящих в противоположной стороне бара. Мне потребовалось всего мгновение, чтобы узнать их.

Бригада Юрия, за исключением самого Юрия.

Гектор тяжело хлопнул Гаса по спине.

— Что происходит, мужик?

— Пока не понял, — ответил Гас, нахмурившись. — Сделка так и не состоялась. Юрий сказал, что на этот раз у него особые обстоятельства, за которые он готов немного доплатить.

Гектор перевел взгляд на группу из четырех мужчин, которые приставали со своими ласками к нескольким девушкам, стоявшим рядом. Он задумчиво прищурил глаза.

— Не понимаю. У нас нихрена не кондитерская. Мы торгуем единственным гребаным товаром, который будет доставлен к условленному времени. Чего он еще хочет?

Гас покачал головой.

— Не злись, но в разговоре с Джессом он сказал, что хочет поговорить с настоящим Президентом клуба.

Я увидела, как помрачнело лицо Гектора, и сразу насторожилась. Гектор мгновенно начинал быковать, когда его лидерство подвергалось сомнению.

— Как, блядь, это понимать? — требовательно спросил он низким голосом.

Гас просто указал на соседний стол, где Джесс с Маршаллом играли в карты.

— Тебе лучше спросить у него.

Гектор немедленно двинулся в их сторону, и я за ним, но Гас неожиданно схватил меня за руку и покачал своей седой головой.

— Не надо, Тайлер, — устало произнес он. — Тебе лучше подняться наверх в комнату Хоука.

— В мою комнату, — в миллионный раз поправила я, не сводя глаз с Гектора. — Она больше не Хоука. С тех пор, как он ушел, Гас.

— Ты поняла, о чем я. Тебе лучше скрыться с глаз долой.

— Что происходит?

— Ничего такого, о чем тебе следовало бы знать.

Но мне нужно было знать. Царящая в воздухе атмосфера напрягала, словно что-то шло не так. Я наблюдала, как Гектор, схватив стул, сел рядом с Джессом. Тот, как обычно, был в черном костюме. Очень странный мужик. Единственный член клуба, предпочитавший своему жилету костюм от Армани. Это был такой невероятный диссонанс — белые накрахмаленные рукава подвернуты, открывая покрытые татуировками руки. Русые волосы длиной до плеч, да еще и пирсинг в ухе и губе. Обычно с такими людьми костюм не ассоциировался, но, должна признать, на нем он сидел безупречно. К тому же, я не могла сказать об этом парне ничего плохого. После Гаса и Гектора, Джесс был самым моим близким другом в клубе.

Маршалл быстро извинился, когда его отозвали, и начал осторожно прокрадываться мимо девушек. Подойдя к нам, он остановился и взъерошил мне волосы, за что и получил от меня шлепок. Ему было слегка за тридцать, и это был единственный парень, который не лапал женщин, а наоборот, сторонился их. С тех пор, как два года назад его подруга Брэнда, с которой они то сходились, то расходились, родила ребенка, у него пропала страсть трахать девок. И это мне в нем очень нравилось. Было здорово видеть преданного мужчину в обществе, не поддерживающем философию верности одной женщине.

Я села на стул, и повернулась к ним всем телом:

— Юрий хочет говорить с Хоуком, да? — тихо спросила я, стараясь не обращать внимания на то, как сжалось сердце в груди. Хоук. Хоук. Хоук. Мне нравилось мысленно повторять его имя.

Гас тяжело вздохнул.

— Сейчас я знаю не больше твоего, Тай.

Я взглянула на него, изучая его морщинистое лицо.

— Он придет?

Время от времени я видела Хоука, но его визиты были очень краткими, разговоры с членами клуба носили исключительно деловой характер и проводились за закрытыми дверями. У него всегда находилась минутка поговорить со мной, но Хоук сильно изменился. Стал более серьезным и скрытным. Больше наблюдал, чем говорил, и, когда его взгляд останавливался на мне, я чувствовала, будто меня рассматривали под микроскопом. С тех пор, как он приютил меня, я никогда не могла понять, какие мысли крутились у него в голове. Внимательно изучив меня взглядом

с головы до ног, он в итоге не говорил ни слова. Эти взгляды пугали меня.

А потом следовал допрос. Первый вопрос был всегда один и тот же.

— *В чьей ты постели?* — *требовательно спрашивал он.*

— *Ни в чьей,* — *отвечала я.*

— *Но ты по-прежнему здесь, не так ли?*

— *Да.*

— *Тогда в чьей постели ты спишь?*

— *В твоей.*

А потом снова молчание.

Человек, которого я считала своим лучшим другом, исчез. Вместо него появилась непробиваемая каменная статуя, едва ли способная на эмоции. Кроме того, он оброс. *Сильно.* Чувственные черты лица, которыми я восхищалась, теперь скрывались под длинными волосами и бородой. Это было трагедией и проклятием одновременно. Потому что, чем меньше Хоука я могла видеть, тем больше жаждала его.

Гас не потрудился ответить на мой вопрос и вместо этого сказал:

— Проблема Гектора в его излишней открытости. Он не умеет притворяться и не может держать свои эмоции под контролем. Он слишком откровенный, и это может стать опасным для клуба. И опасным для бизнеса.

Я понимала, к чему он клонил. Хоук был самым закрытым из всех знакомых мне людей. И пугающим. Гектор же был непостоянным, его эмоции легко предсказуемы. И, в сравнении со старшим братом, производил впечатление бесхребетного.

Короче, лидерских качеств у Гектора не было, и все об этом знали. К счастью, он оказался чертовски хорошим бизнесменом и отлично разбирался в цифрах. Гектор безукоризненно вел дела по всему городу. Вдобавок, благодаря хорошо подвешенному языку, ему самостоятельно удавалось налаживать большинство нужных связей (однако, в деле их сохранения он был уже не так хорош). Кроме того, у него случались приступы жестокости. Мне не рассказывали, как именно это происходило, но я слышала, он умело использует свои руки.

— Хоук приехал бы, если бы его попросили? — спросила я, не в силах сдержаться. Я должна была знать. Боже, мне отчаянно хотелось увидеть его.

— Его уже попросили, — нахмурившись, ответил Гас.

У меня перехватило дыхание.

— И? — взволнованно продолжала давить я.

— Сможет или нет — он никогда конкретно не отвечает. Он работает

на Бордена, а это связано с большой ответственностью.

Борден. При звуке этого имени я съежилась. Маркус Борден был страшным человеком, прижавшим к ногтю весь Нью-Рэйвен. Он приобрел дурную славу, когда сначала исчез, а потом через несколько лет вернулся разбогатевшим при загадочных обстоятельствах и совершенно неприкасаемым. Потом захватил власть на улицах, избавился от банд и воздвиг себя на вершину пищевой цепочки.

И Хоук был его правой рукой — не думаю, что своей жизнью здесь он заслужил такую роль. Но эти двое были очень близки, и, по-моему, вряд ли Хоук откажется от этой работы в обозримом будущем.

Гас дважды хлопнул рукой по барной стойке и слез со стула, не сводя глаз с людей Юрия.

— Я собираюсь пойти осмотреться, дорогуша. Если тебе что-то понадобится, просто сразу подойди ко мне. Да, и держись подальше от русских.

Я прищурилась.

— Даже не собиралась приближаться к ним, Гас. Это было бы в высшей степени глупостью, совершенно несвойственной моему характеру.

Приподняв бровь, он как-то по-особенному взглянул на меня.

— Я понял.

— Но, судя по твоим словам, у меня хватит дурости захотеть этого.

— Я не в этом смысле.

— Но по твоему тону выходит, что это так, Гас.

— Знаю, это просто... — он поморщился, — нам не нужны проблемы, и я хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Я здесь. Со мной все будет в порядке.

Он коротко кивнул и ушел. Несколько минут я сидела в одиночестве, наблюдая за погруженными в беседу Гектором и Джессом. Шей — бармен клуба — подвинула в мою сторону бутылку пива. Я взяла ее в руку и принялась ковырять этикетку. Когда в клубе были посторонние, я старалась не пить.

К тому же, я не хотела быть навеселе, если здесь появится Хоук.

Господи, давно я не чувствовала такого внутреннего возбуждения.

— Ты доделала татуировку? — спросила Шей, вырывая меня из мыслей о Хоуке.

Я улыбнулась.

— Да, но это было ХЗ как больно.

— ХЗ?

— Ну, ты же понимаешь, ХРЕН ЗНАЕТ, как больно.

— Я знаю, что такое ХЗ. Просто давно не слышала, чтобы кто-то так выражался.

Я подавила вздох.

— Нормально.

— Приятно было, когда Гектор касался тебя?

— Он... отлично выполнил свою работу.

Она застыла и несколько мгновений таращилась на меня немигающим взглядом. А потом, как ни в чем не бывало, отвернулась, словно это не она битых двадцать секунд глазела на меня, как удав на кролика.

— Что ты думаешь о Холли? — спросила она со сквозящим в голосе интересом.

— А что насчет нее? — удивленно спросила я, возвращаясь в разговор. Кажется, Холли добавила пикантности сегодняшнему дню.

Шей через всю комнату посмотрела на Холли. Ее зеленые глаза неотступно следовали за девушкой, пока та плавно перемещалась по бару и разносила напитки, держась от байкеров на почтительном расстоянии, но дружелюбно улыбаясь им.

— Она не вписывается, — сказала Шей. — Мне просто непонятно, за что ее так любят парни. А тебе?

— Честно говоря, Шей, я об этом даже не задумывалась, — я пожала плечами и стала еще тщательнее ковырять этикетку.

— Но она тебе нравится?

— Я недостаточно хорошо ее знаю.

— Гектор не сводит с нее глаз, и мне это не нравится.

Ах, вот оно что. Гектор. Теперь суть проблемы была ясна.

— Гектор смотрит на каждую девчонку с «рабочей» вагиной.

— Но он *слишком* пристально смотрит на нее. Они трахались? Тебе что-нибудь известно? Ты случайно не знаешь, они трахались?

— Ты уже второй раз спрашиваешь меня об этом.

— Знаю, но ведь это очевидно, да? Такое ощущение, что он смотрит на нее как на свою, словно знает, как она выглядит голой. Она все-таки гребаная шлюха, да?

— Я не...

— Только посмотри на нее. Бродит по всему бару и строит из себя недотрогу. Я насквозь вижу эту херню. Как считаешь?

Какого хрена?

Я удивленно моргнула, пытаясь понять, какая муха укусила Шей, что она стала... сама не своя.

— Шей, я уже говорила, что ничего о ней не знаю. Но мне совершенно

точно известно, что она ни разу не устраивала таких драм, как ты сейчас.

Шей перевела на меня взгляд и приподняла брови. Честно говоря, видок у нее был еще тот. Брови совершенно черные, вероятно, как и натуральный цвет волос. Но волосы она выкрасила в такой невозможно белый цвет, что при взгляде на нее глазам было больно. Кроме того, от густого слоя тонального крема ее лицо казалось оранжевым на фоне бледной шеи. Никогда не понимала, зачем девушки так издеваются над собой.

— Я не устраиваю драму, — сказала она, защищаясь. — Я просто спросила тебя, Тайлер. А если у тебя ПМС, то так и скажи, чтобы моя драма тебя не раздражала.

— Тогда можешь считать, что у меня ПМС каждый божий день.

— Это невозможно, Тайлер. Ты истекла бы кровью.

— Это было образное выражение.

Она с подозрением посмотрела на меня.

— Почему ты не можешь быть просто нормальной девчонкой?

— Что в твоем понятии «нормальная»?

— Та, с кем можно просто поболтать.

Я слегка пожала плечами.

— Не знаю, почему, Шей. У меня явно есть проблемы.

— Теперь я это вижу.

— Если ты ищешь себе подругу, подумай о том, чтобы присоединиться к местным шлюхам. Уверена, они поддержат тебя в твоей любви к Гектору, ведь вы все обменялись с ним жидкостями организма, поэтому у вас будет много общих тем для того, чтобы поболтать.

— Хотя твое предложение больше похоже на издевательство, я все равно ценю его, но не стану этого делать, Тайлер. Я не такая, как эти шлюхи. Гектор не значит для них столько, сколько значит для меня.

Прямо впору поклониться ей, но вместо этого я холодно кивнула, и она продолжила ходить вдоль стойки бара, прожигая Холли взглядом, после чего расплылась в улыбке перед ближайшим парнем.

Шей было около тридцати. Если исключить проблемы с бровями и морковным цветом кожи, она была очень красивой женщиной, но до одури помешанной на Гекторе. И то, что он всю неделю не сводил с Холли глаз, чертовски сильно бесило Шей.

Я избегала этих драм. Едва почуяв их, я тут же отстранялась. Девчонкам было сложно поладить со мной. В одну минуту они могут быть тебе лучшими подругами, интересоваться личной жизнью и общаться двадцать четыре часа в сутки, а потом, когда им больше ничего от тебя не

нужно, переключаются на что-то другое, а ты чувствуешь себя использованным куском туалетной бумаги. Я достаточно обожглась на этом, так что при столкновении с подобной херней мне сразу хочется скрыться.

Именно поэтому сейчас я работала в гараже помощником механика по ремонту мотоциклов. Там не было девушек. Никакой стервозной конкуренции. Меня окружали парни, которые рассказывали пошлые анекдоты и в перерывах рассматривали «Плейбой». И это именно то, чего мне хотелось.

Краем глаза я заметила, как Холли с испуганным лицом внезапно бросилась в мою сторону. Мой взгляд тут же отметил ее белый топ, совершенно мокрый в области груди. *Твою мать, опять.*

— Серьезно? — сказала я, нахмурившись. — Какой мудака тебя облил? Она остановилась рядом со мной и только покачала головой.

— Все в порядке, правда, но...

— Знаю, тебе нужна новая майка, — вмешалась я.

Это было уже не в первый раз. Фактически, это происходило постоянно, когда она отходила от столика Кирка. Я бросила на него взгляд через плечо — он сидел в дальнем углу, уставившись в свою кружку. Я всегда ненавидела Кирка. Я была еще ребенком, а он уже был мудаком. Однажды он снял переднее колесо с моего трехколесного велосипеда Барби, чтобы я не могла кататься вокруг них, и спрятал его в свой ящик для инструментов. Отец пришел в ярость и, в конце концов, зарядил ему по яйцам и заставил починить мой велосипед. Но, когда колесо было поставлено на место, гребаные личики Барби были изгажены царапинами. Мудака.

Я никогда не понимала, зачем его держали в клубе. Просто каждый человек в положенное время должен умереть, а этому, кажется, уже лет сто, и он превратился в обычного несчастного старого козла. Цепляющегося к Холли. Часто. Без малейших причин.

Как и всегда, мы прошли по коридору и поднялись по лестнице на второй этаж. Я тут же услышала стоны и заглянула в гостиную. Она была достаточно просторной для размещения большинства из нас и граничила с кухней, в которой я частенько заваривала чай.

На диване сидел примерный семьянин Джонни и без зазрения совести получал минет от какой-то полуголой цыпочки, которая совсем не была его женой.

— Твою мать, Джонни, ты серьезно? — проворчала я с отвращением. — Еще вчера на этом диване я смотрела «Гарри Поттера»!

Джонни схватил диванную подушку и прикрыл ею свой член.

— Просто иди, куда шла, Тайлер, — рассеянно сказал он.

Мне по-прежнему была видна подпрыгивающая вверх-вниз голова цыпочки, которую ни капли не смутил мой наезд на Джонни. Черт, у него не было права так поступать! У меня в гостиной было особое положение.

— *Где угодно, Гектор, только не на этом диване,* — настаивала я. И Гектор сделал это правилом. Ни один из парней не возражал. Вот, что мне здесь нравилось — они готовы были идти на компромисс. Все, кроме гребаного Джонни.

Я с отвращением фыркнула и направилась дальше по коридору, не обращая внимания на то, как идущая рядом Холли напряглась всем телом и опустила глаза в пол.

— Не понимаю, как тебе удалось привыкнуть к этому, — поморщившись, прошептала она.

— Честно говоря, это ерунда, — ответила я.

Это ведь действительно была ерунда. Господи, в детстве я видела такое, отчего покраснела бы даже порнозвезда. А потом все просто превратилось в фон. Я довольно быстро стала невосприимчивой к этому, ни одна клеточка во мне не испытывала ни капли смущения. Такие люди, как Холли, вероятно, воспитывались в благопристойных домах, где при виде целующейся пары на экране телевизора было принято отворачиваться. Тем сложнее ей приспособливаться здесь. Я была уверена, что она надолго здесь не задержится, но ее отчаянное положение с работой помогло продержаться дольше, чем я предполагала. Это производило впечатление.

— Но ты не такая, — заметила она. — Насколько мне известно, ты никогда не была ни с одним из парней...

Я кивнула, когда мы остановились перед моей комнатой в самом конце коридора.

— Да, я не трахаюсь там, где сплю, Холли. Но в таком месте подобное довольно сложно проворачивать.

Я никогда не хотела, чтобы парни видели во мне лишь сексуальный объект. И до сих пор неплохо с этим справлялась. Единственный байкер, которого я подпустила к себе — Джесс. Он довольно давно клеился ко мне — почти три года с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать. Но я упорно его отшивала (и до сих пор продолжаю отшивать). Я не горела желанием стать клубной женушкой, которую сторонятся все остальные и поэтому отправляют жить в каком-нибудь миленьком домике на другом конце города, а здесь разрешают появляться только по случаю семейных приемов. Это было бы похоже на то, как жила моя мать, а я ненавидела ее

образ жизни. Все, что ее волновало — это прическа и маникюр, а еще конкуренция с сучкой Пэм, живущей дальше по улице, которая всегда носит туфли от Miu Miu и серьги с розовыми бриллиантами — какая-то шалава, промышляющая где-то на задворках.

Открыв дверь, я вошла и сразу направилась к комоду. Холли ушла в ванную, сняла топ и оставшейся сухой его частью начала вытирать грудь. Я вытащила из ящика черную майку и бросила ей. Она поймала ее на лету и сразу же надела, спрятав под ней внушительного размера грудь. Холли была на зависть фигуристкой девицей с узкой талией и пышными бедрами. В сравнении с ней я была просто доской. Бедра у меня узкие, а грудь помещается в ладошку. Но недостаток груди более чем компенсировала задница, поэтому все было не так уж плохо.

— Спасибо, Тайлер, — любезно сказала она с улыбкой. — Знаешь, ты одна из немногих, кто по-настоящему добр ко мне.

Я улыбнулась в ответ.

— Ну, ты не давала мне повода для другого отношения.

Вместо того, чтобы просто уйти, она, словно в затруднении, стояла и пристально смотрела на меня. Я собралась было спросить, не нужно ли ей еще чего-нибудь, когда она произнесла:

— Хм... вы ведь близки с Гектором, да?

Я настороженно кивнула.

— Да.

— Он часто смотрит на меня.

— Неужели? — пробормотала я, оглядываясь на дверь. Мне действительно хотелось уйти. И совершенно не хотелось вести разговоры о подобном. Я в полной жопе, дорогие друзья. И уже чую, как запахло очередной драмой.

— Я не знаю, как мне поступить. Но чувствую, что если откажу ему, то могу потерять работу. А мне действительно нужна эта работа, понимаешь?

Я со вздохом повернулась к ней.

— Как вариант, ты можешь уступить и просто трахнуться с ним. Он сразу оставит тебя в покое, вот увидишь.

— Я не хочу спать с ним.

Вау, я была поражена ее стойкостью. Девчонка была явно не похожа на всех тех, кто входил в эти двери.

— Ты можешь отказать ему, Холли, — сказала я. — Честно говоря, такое будет впервые, и, вероятно, окажется неплохим ударом по его самолюбию.

Она слегка усмехнулась и кивнула.

— Да, но... он Президент.

— И что?

— А то... Я имею в виду, что кое-что слышала. Это правда?

— Если ты и слышала что-то, держи это при себе, Холли.

Она поспешно кивнула.

— Нет, это понятно, конечно. Просто я имела в виду, что он не из тех парней, которые спокойно принимают отказы.

— Ты права, он действительно не из тех.

— Вот это меня и пугает.

— Холли, Гектор не Сталин. Ну, в смысле, он из тех мудаков, которые не всегда добры к людям, но, уверяю, голову отрезать тебе не станет, — я сделала паузу, размышляя. — Ну, если только ты не поругаешься с ним. По-настоящему сильно. Но я не представляю, из-за чего. Если только он не пойдет на *серьезное* преступление из-за твоего отказа.

Она в шоке побледнела.

Твою мать, Тайлер, ты перегнула палку.

— Выше нос, все в порядке, — уверенно сказала я и поспешила к двери. Пора сматываться. — Серьезно, Холли, тебе нечего бояться, ясно? А теперь идем.

Медленным нерешительным шагом она вышла за мной из комнаты. Она искала поддержки, чтобы немного успокоиться, но я была уверена, что сделала ей только хуже. Я не большой мастер успокаивать людей. Временами я сама себя с трудом могла успокоить. Мы вернулись в бар, и она продолжила работу, бросая на Гектора испуганные взгляды.

Гектор же совсем не обращал на нее внимания, как, впрочем, и на остальных девушек. Он все еще разговаривал с Джессом, и к этому моменту я действительно была не в силах больше сдерживаться. Мне нужно было знать, что происходит.

Подкравшись к ним на цыпочках, я начала осматривать помещение, отлично имитируя полное равнодушие во взгляде. Остановившись в паре метров от Гектора, я склонила голову в его сторону.

— Абрам делает это только потому, что у него были успешные деловые отношения с Хоуком, мужик, — шептал Джесс. — Не парься.

— Это оскорбительно, Джесс, — ответил Гектор. — Как я добьюсь уважения клуба, если Хоук будет продолжать приходить сюда, чтобы помогать мне выполнять мои обязанности? Он водил меня на поводке первые два года, но больше я не нуждаюсь в этом.

— Послушай... все, что я знаю... Тайлер — ты гребаный шпион, и в данный момент очень меня смущаешь.

Я напряглась, когда они оба повернули свои головы ко мне. Джесс ухмылялся, а Гектор качал головой.

— Знаешь, Тай, — сказал Джесс, — если ты хочешь, чтобы тебя не узнали, можешь просто сесть мне на колени и накручивать на пальчик мои волосы.

— Пошел на хрен, Джесс, — ответила я.

Он загоготал.

— Люблю твой грязный рот, Тайлер.

— Тогда я лучше пришлю к тебе Регину. Уверена, за сегодняшний вечер ее рот обслуживает уже шестой член.

Гектор рассмеялся.

— Тайлер, ты не должна так выражаться. У тебя это получается охуенно смешно.

— Ага. Она, как детеныш единорога из мультика, да? — добавил Джесс, оглядев меня, и прикусил губу. — Посмотри на нее, когда она злится. Вся такая сердитая и покрасневшая. Так и хочется пожать ее за щечки.

Я прищурила глаза.

— Если не заткнешься, я поймаю твои яйца.

— О-о-о-о, детка, пожалуйста, сделай это, — прорычал он, поднимаясь со стула и надвигаясь на меня. Я стояла неподвижно, как статуя, и не собиралась уворачиваться, потому что именно этого он и хотел. Ему хотелось, чтобы я застеснялась и оттолкнула его. Прижавшись, он окутал меня запахом дорогого одеколона. Я закатила глаза, когда он заправил мне волосы за уши.

— Твою мать, Тай, я все еще неподходящая для тебя кандидатура? — спросил он с весельем в голосе. — Дай мне шанс изменить твоё мнение, детка. Поверь, ты не пожалеешь.

Я заглянула в его светло-голубые глаза и выдала:

— Да, Джесс, дай мне шанс откусить твой член и засунуть его тебе в задницу. Это сделает мою ночь.

— Извращенка.

Он отстранился, и они заржали, когда Гектор возразил ему:

— Тайлер — самое лучшее, что есть в этом клубе. Когда я ругаюсь со своим адвокатом, то представляю маленький ротик Тайлер. Она такой радужный котенок.

— К слову о радуге, она похожа на одну из тех гребаных пони, с которыми играет дочка Маршалла. Как их там зовут?

— Бля, кажется, Глоток Радуги или какая-то похожая херня.

— Капелька, — резко поправила я. — Не глоток, а Капелька, идиот.

Джесс подмигнул мне.

— Хочешь мою белую капельку, дорогуша?

Я оттолкнула его, чем доставила им удовольствие. Тьфу. Такие засранцы.

Оставив их продолжать смеяться надо мной, я села обратно на свой стул. Взяв бутылку пива и продолжив обдирать этикетку, я обдумывала информацию, которую они невольно скормили мне.

Хоук придет. Должен прийти.

От этой мысли я ощутила восхитительный трепет. Мне нельзя путаться с парнями здесь, но Хоук технически больше не являлся частью клуба. И это значило, что он был территорией, которую мне позволено осваивать. Видит Бог, я этого всегда хотела.

Да, и однажды ты ясно дала ему понять, чего хочешь.

Я съежилась при воспоминании о том, как объяснилась ему в любви, словно гребаный подросток-идиот. Кто так делает? О чем я только думала? Ответ был прост: я вообще не думала. Я просто до чертиков была счастлива его видеть и так невероятно боялась потерять, что слова просто сами слетели с языка. И я до сих пор жалею об этом каждой клеточкой своего тела.

Как будто... Чего я ожидала от него? Объяснения в любви к пятнадцатилетней идиотке?

А может, ты думала, что у тебя с ним есть шанс?

В отличие от Гектора — вечного плейбоя — Хоук был более сдержанным. Я только однажды видела девушку, выходящую из его комнаты. Это было много лет назад, и она была из разряда тех роскошных блондинок с километровыми ногами. Ноги запомнились мне больше, чем ее лицо, потому что я наблюдала, как она надевала эти свои сексуальные туфли на платформе и высоком каблуке, когда уходила после бурной ночи. Хотя, она явно была довольна — судя по улыбке и сияющему взгляду.

Хотела бы я, чтобы это сияние было в моих глазах.

У меня такого никогда не было. Моя сексуальная жизнь была отвратительной из-за полного ее отсутствия, а мне, черт возьми, нужен был мужчина. Здесь их целый батальон — есть, из чего выбрать.

А с Хоуком... возможно, он считал, что я еще не доросла. Как будто был шанс, что он заметит меня на фоне тех женщин, с которыми спал, пока был здесь. Конечно, могло быть и по-другому. Может, у него есть девушки на стороне, как и у его брата.

Мысль об этом угнетала меня.

Я уже собиралась оглянуться, чтобы понаблюдать за Гектором и Джессом, как вдруг кто-то неожиданно прижался грудью к моей спине. Я вздрогнула от боли из-за прикосновения к воспаленной после татуировки коже, а затем почувствовала чьи-то губы возле своего уха.

— Сегодня ночью ты поедешь ко мне домой, Тайлер.

Я сердито нахмурилась, узнав этот голос. *Юрий*. Твою мать, что-то быстро он меня нашел.

— И все твои маленькие секреты станут моими.

Он отстранился, и я с отвращением наблюдала, как он садился рядом, всем телом поворачиваясь ко мне. Серые глаза налиты кровью, словно он обнюхался коксом — а нюхал он, как сумасшедший — поэтому, скорее всего, делал это совершенно недавно. Сальные волосы и рожа (которая выглядела бы похожей на лицо, если бы он умылся), заляпанная у рта и подбородка чем-то красным. В нем все было грязным, но больше всего меня раздражала его улыбка — самовлюбленная и словно говорящая: «Я получу все, что захочу, и ты ничего не сможешь с этим сделать».

Я отвернулась от него в сторону Гектора с Джессом. Отказ только подтолкнет Юрия к дальнейшим действиям. Я начала яростнее ковырять этикетку бутылки, отрывая от нее по куску, пока мой розовый ноготь не начал царапать стекло.

— Хочешь узнать самое приятное? — продолжал он, вырывая у меня из рук пиво и делая большой глоток. Капли стекали по его подбородку и терялись в складках жирной шеи. С грохотом поставив бутылку обратно, он оскалился. — Самое приятное в том, что у тебя не будет выбора.

Господи, сегодня вечером он выглядел очень странно — раздраженным и дерганым — словно нуждался в очередной дозе.

— Что ты на это скажешь? — спросил он с гадкой ухмылкой.

Я не ответила. По нескольким причинам.

Во-первых, я, вероятно, могла бы послать его подальше, и он бы взбесился. Но вряд ли кому-нибудь захочется доводить полупьяного русского бандита до бешенства.

Во-вторых, теоретически, я была свободна. Мурашки побежали по всему телу от уверенности, звучащей в его голосе — и для такой уверенности у него были все основания.

И, в-третьих, я не ответила Юрию, потому что входная дверь открылась, и вошел Хоук.

Глава 8

Тайлер

Увидев его, я почувствовала себя в безопасности.

Он пришел.

Он... действительно пришел.

Я не была к этому готова. Никак не могу привыкнуть к его виду.

Стоя в дверях, он медленно осмотрел помещение, ощупывая внимательным взглядом каждый сантиметр. А затем этот взгляд остановился на моем лице. Он довольно долго и внимательно разглядывал меня: лицо, одежду, неудобную позу, в которой я сидела — после чего заметил Юрия. Темная тень пробежала по его лицу, но он тут же мастерски скрыл свои эмоции.

А потом шагнул в зал.

Парни сразу заметили его, и в помещении воцарилась тишина. Гектор и Джесс вскочили со своих мест. Между тем, Юрий со спокойным и расслабленным видом улыбался Хоуку. Ублюдок выглядел до безобразия самодовольным, и что-то в его виде выводило меня из себя.

Хоук был совершенно мокрым, ботинки оставляли лужи на полу. Я догадалась, что из города он ехал на мотоцикле, а сорокаминутная поездка под ливнем вряд ли может быть комфортной. На нем была черная кожаная куртка и потертые джинсы. Борода по-прежнему была слишком длинная, волосы спадали на спину. Тем не менее, я могла видеть то, что не скрывали эти заросли — длинный прямой нос, высокие скулы, выдающиеся над бородой. Темные — темнее, чем у Гектора — глаза. Бронзовая кожа и виднеющийся из-под воротника черной рубашки край татуировки на груди.

Скажу вам честно, он идеален, хотя и не красив в классическом понимании этого слова. Шрамы, татуировки и глаза загнанного в клетку и мечтающего вырваться на свободу зверя. Но он умел держать себя в руках, мастерски скрывая все эмоции, и производил впечатление сурового байкера, о котором страстно мечтает каждая девушка. В конце концов, возможно, это только я находила в нем красоту — немного грубоватую, но отчетливо видную лишь тогда, когда в его лице не было напряжения или когда он улыбался.

Господи, когда он улыбался...

Его улыбка все так же действовала на меня, как и тогда — в

тринадцать лет. Сердце грохотало в груди, и, по сравнению с последними несколькими минутами, я практически ожила. Я выпрямила спину и тут внезапно поняла, во что одета. Проклятье, на мне отстойная рубашка. Он не видел меня одиннадцать месяцев, и теперь я перед ним и выгляжу, как бомж: коротенькие розовые шортики, мешковатая рубашка и, скорее всего, просвечивающие через белую ткань голые сиськи.

— Ты быстро появился, — заметил с улыбкой Юрий подошедшему Хоуку.

Не глядя на меня, он сел на стул рядом с Юрием и повернулся к нему лицом.

— Это было непросто, — холодно ответил Хоук. — Так что пусть лучше причина окажется серьезной.

— Так и есть.

Гектор с Джессом встали по бокам от Хоука, и Джесс что-то шепнул ему на ухо. На лице Хоука не отразилось никаких эмоций, и он лишь тихо сказал:

— Очисти помещение, Джесс.

Он бросился исполнять приказ, а Хоук, сжав губы в суровую линию, пристально смотрел на Юрия. За пять минут Джесс выгнал женщин. Персонал скрылся в подсобке, а половина членов клуба — пьяная и бесполезная — уползла на второй этаж. Остались только несколько человек, в том числе и Гас, который уже стоял за барной стойкой перед нами. Он настороженно поглядывал на Юрия ничего не выражающим взглядом. Гектор и Джесс быстро переместились к входной двери, недалеко от которой все еще сидели парни Юрия. И я понимала, что это умышленный ход.

Чувствуя себя не в своей тарелке, я начала сползать со стула, когда Юрий удержал меня.

— Ты останешься, малышка. Тебя это тоже касается.

Я замерла и в замешательстве посмотрела в его отвратительное лицо, после чего перевела взгляд на Хоука. Он даже не посмотрел на меня, по-прежнему удерживая взгляд на Юрии. Похоже, его ни капли не возмутило, что мне приказали остаться, как будто я частная собственность. В баре, еще несколько мгновений назад оживленном и шумном, теперь стояла гробовая тишина. И в этом нарастающем безмолвии Хоук, лениво облизнув верхнюю губу, сказал:

— Давай перейдем к делу. Ты отказался от сделки и попросил меня приехать. Что происходит, Юрий?

— Абрам хочет внести изменения в наши поставки и желает обсудить

это с тобой, — пояснил Юрий, нервно дергая коленом, а может... ему нужна очередная доза. — Он хочет утроить наш заказ. Доставка должна производиться не раз в два месяца, а ежемесячно и по выгодной цене — вот и вся суть вопроса.

— В таком случае, вы должны полностью оплатить товар до того момента, как будет организована доставка.

— Как насчет половины до и половины после?

— Так не пойдет. Организуя такую крупную поставку, я должен быть уверен, что у меня есть деньги. Я не могу проводить сделку, не прикрыв собственную задницу. Ты же ставишь нас перед фактом в последнюю минуту.

— Абрам ставит, — резко поправил его Юрий. — Не я.

Хоук просто устало взглянул на него.

— Хорошо, Абрам поставил нас перед фактом. Это не имеет значения. Нам нужна предоплата.

Юрий издал долгий раздраженный вздох.

— Охренеть! Мы оплачиваем все заранее, но это лежит на моих плечах. Мне нахрен не нужен дерьмовый товар.

— А товар когда-то был дерьмовым?

— Ну, нет.

— Значит, и сейчас не будет. На том и порешили. Что-нибудь еще?

— С этого момента передача товара будет производиться в случайно выбранных местах. Нам нельзя провоцировать полицию, забирая товар со склада или разгружая его у нас.

— Резонно. В этом есть своя логика, если в наши планы входит участить поставки.

— Абрам еще хотел обсудить с тобой вопрос об ограничении поставок нашим конкурентам, посягающим на наши территории.

Хоук задумался.

— А вот тут сложнее. Это один из основных источников нашего дохода, и мы ведем дела с несколькими ключевыми игроками. Исключение кого-то из них повлечет за собой определенное возмездие.

— Лучше от них, чем от нас.

— Это я должен обсудить с Абрамом лично.

Юрий пожал плечами.

— Ладно, решай сам, но у Абрама есть нехорошая черта, помнишь? Не стоит ему слишком сильно перечить. Понимаешь, о чем я?

Судя по виду Хоука, это его нихрена не волновало.

— Конечно. Что-нибудь еще?

Юрий кивнул и указал на меня головой.

— Я хочу, чтобы эта сегодня поехала со мной.

Стоп. Стоп. Стоп.

В сердце словно кольнули иглой. Черт, с какой стати? Я сжала кулаки и открыла рот, чтобы ответить, но краем глаза заметила Гаса, яростно трясущего головой. Он что, серьезно приказывает мне прикусить язык?

Хоук по-прежнему не обращал на меня внимания. Во всяком случае, его, похоже, совсем не волновало запредельное возмущение, плещущееся в моих глазах, которые стали размером с блюдца. Почти со скучающим видом он в упор посмотрел на Юрия и сказал:

— Кто? Тайлер?

Юрий засопел и снова кивнул.

— Да, я хочу ее.

На этот раз Хоук кивнул в мою сторону, не сводя глаз с Юрия.

— Давай уточним. *Ее?*

— Да.

— Тогда ты неправильно понял.

— Неправильно понял что?

— Тайлер здесь не для того, чтобы предлагать себя.

Юрий просто пожал плечами.

— И что? Я хочу ее.

— У нас есть другие.

— Послушай, я здесь не в первый раз. У меня были другие, и я не хочу их. Если бы захотел, то так бы и сказал. Но я не сказал, верно? Я хочу *ее*, и точка.

В этот раз Хоук бросил на меня быстрый взгляд. Всего на полсекунды, но мне этого хватило, чтобы по венам заструилось тепло и гнев поутих. Черта с два Хоук отдаст меня, как какую-то проститутку. Черта с два.

Я заметила, как, почувствовав нарастающее напряжение, Джесс и Гектор обменялись короткими взглядами и переместились ближе ко входу, словно планировали не дать кому-то уйти. Их движения были настолько слаженными, словно они уже проделывали это миллион раз.

— Послушай, — спокойно ответил Хоук, — я не собираюсь возвращаться к этому и вступать с тобой в полемику, Юрий. Да, действительно, она — часть клуба. Но не из тех, кто ищет, с кем бы спутаться.

— Я это знаю, — уверенно возразил Юрий.

Хоук бросил на него странный взгляд.

— Значит, тебе известно, что она не продается. Она свободна

приходить и уходить, и имеет возможность самой решать, с кем проводить ночи. Ты не можешь вот так запросто прийти сюда и предъявить на нее свои права, верно? Это не обычная ситуация.

Юрий несколько раз покачал головой.

— Нет, нет. Кажется, ты не понял меня, Хоук. Это... это мои гребаные условия, ясно?

— Ясно. И я слушаю...

— Нет-нет. Не надо слушать, надо *слышать*. Это большая разница.

— Как бы то ни было, и речи быть не может, чтобы вмешивать людей в наши дела. Будем называть вещи своими именами — в нашу торговлю наркотиками. Это не торговля людьми. Я не могу сказать: «Да, конечно, бери девчонку и делай с ней, что хочешь». Блядь, ты же не сигарету у меня стреляешь. Я не могу закрыть на это глаза. Это ведь принуждение, правильно? Я много чего делал в своей жизни, но насиловать? Точно не в этом списке.

— Это не насилие. Она сама хочет.

— Она хочет?

— Да.

Хоук поморщился.

— Правда?

Юрий задержался.

— Да, правда.

— Тогда повернись и спроси у нее, хочет ли она этого. Если она скажет, что да, то все нормально и нам даже не стоило заводить разговор об этом. Поэтому давай. Спроси ее, Юрий...

— Послушай, не указывай, что мне делать, понял? — огрызнулся Юрий, оскалив зубы. — Никто не в праве мне указывать! Я нихрена не прислуга, мужик! И стою так же высоко, как и ты. Так же высоко. Я, блядь, двоюродный брат Абрама, забыл? Думаешь, он спокойно воспримет то, что ты мне указываешь?

Хоук уверенно кивнул, сохраняя совершенно невозмутимый вид.

— Ладно, я не буду указывать, что тебе делать, но хочу услышать, как она сама это скажет. Хочу знать, что она добровольно хочет пойти с тобой.

Юрий снова засопел и несколько минут оглядывал бар. Взглянул на Гаса и ухмыльнулся, отчего тот еще больше разозлился. Я все это время ждала, когда же Юрий повернется ко мне и спросит, но он не сделал этого. Потому что точно знал, каков будет ответ. Вместо этого он по очереди хрустнул костяшками пальцев. Потом, схватив бутылку пива, сделал еще один большой глоток. Хоук пристально наблюдал за ним, как и все

остальные. Не могу поверить, что они еще и угощают этого безбашенного ублюдка. Он со стуком поставил бутылку и громко рыгнул.

— Хоук, — начал он, прочистив горло, — сколько ты хочешь денег? Потому что их у нас много, мужик.

Хоук наморщил лоб.

— Ты о чем?

— Назови цену.

— Зачем?

— Затем, что я заплачу, и мы пойдем восвояси.

— Мне не нужны твои деньги, Юрий.

— Ну, *мы* хотим девчонку.

— Мы? Я думал, что речь только о тебе.

Юрий напрягся и нетерпеливо провел рукой по волосам.

— Блядь, это просто смешно. Ты слишком упрямый, Хоук, и меня это сильно бесит!

— Ты бешишься, потому что не вышло по-твоему.

— Нет-нет. Не поэтому.

— Юрий...

— Знаешь, не хотелось бы доводить до такого, но, если ты этого не сделаешь, мы найдем кого-нибудь другого, у кого будем покупать товар.

Хоук выглядел абсолютно равнодушным. Он постучал указательным пальцем покалеченной руки по барной стойке и пожал плечами.

— Тогда иди искать другого поставщика.

— Ты потеряешь большой бизнес.

— Мы потеряем *что-то*, но не слишком много.

— Просто отдай мне девку, Хоук. Твою мать, это всего лишь девка, мужик.

Меня поразило отчаяние, звучавшее в голосе Юрия. И это было непонятно. На самом деле, оно нагнало на меня страху. Вдруг этот гад следил за мной, а я и не подозревала? Внутреннее беспокойство нарастало, и я изо всех сил пыталась сдержать дрожь во всем теле.

Сохраняя спокойствие, Хоук медленно ответил:

— Не надо оскорблять меня, приходя на мою территорию и не принимая отказ за ответ. Касательно девушки, Юрий, все это очень интересно, но, честно говоря, начинает меня утомлять. Сейчас мы можем договориться о скидке на нашу поставку, и ты уберешься восвояси... или узнаешь меня с другой стороны и очень пожалеешь об этом.

— Сука, не угрожай мне! — рявкнул Юрий, полностью потеряв контроль и тыча пальцем в лицо Хоуку. — Ты нихуя здесь не решаешь! Ты

даже уже не часть этого гребаного клуба! Думаешь, когда вернусь к Абраму, я не расскажу ему, что ты не дал мне того, чего я хотел? Сука, ты думаешь, что я всего лишь на вторых ролях? Ты не запугаешь меня, Хоук! Чего мне бояться потерявшего все бывшего байкера?

Хоук не ответил. Он просто смотрел отсутствующим взглядом, как беснуется Юрий. Я быстро поняла, что сейчас Хоук в своей самой опасной ипостаси.

— Вот, как все будет, — продолжал Юрий. — Ты соглашаешься на скидку и доставку каждый месяц и позволяешь мне уйти отсюда под руку с этой сучкой.

Хоук еще немного постучал пальцем по стойке бара. Он долго смотрел на Юрия тяжелым напряженным взглядом, после чего спокойно ответил:

— Но так не получится, Юрий.

— Нет? Так не получится?

— Нет.

Внезапно Юрий выхватил из-за пояса джинсов пистолет и направил его в мою сторону. Сердце в груди сжалось, и я рванулась в попытке спрыгнуть со стула, но свободной рукой он вцепился мне в волосы. Я резко вдохнула, когда он придавил мою голову к барной стойке. В глазах все поплыло. Тело словно пронзила молния из-за болезненного удара по переносице и скуле. Глаза наполнились слезами, и я вскрикнула, когда мое лицо прижали к бару с такой силой, что не было возможности повернуть голову.

— И даже теперь не получится? — выкрикнул Юрий и прижал ствол пистолета к моему виску. — Теперь ты *услышал* меня, Хоук?

— Ох, твою мать, — прошептал Хоук, — тебе действительно не следовало этого делать.

— Или что?

Я не видела, что происходит. Просто почувствовала резкий рывок за волосы, когда Юрий слетел со своего стула, и пуля, вылетевшая из его пистолета, едва не задела меня. Он упал вместе со мной, и я рухнула на пол, лишившись от удара воздуха в легких. Услышав звуки драки, я повернула голову в сторону потасовки. Они были на полу — не дальше пары метров от меня. Хоук сидел верхом на Юрии. Одной рукой сжав горло мудака, он быстро вырвал из его пальцев пистолет и отшвырнул его куда-то в сторону. Затем перевел свой потемневший взгляд на Юрия и шарахнул его кулаком в лицо. Голова русского откинулась назад и с отвратительным треском ударилась об пол.

— А все ведь могло быть гораздо проще, — спокойно пробормотал

Хоук, свободной рукой доставая из кармана нож. — Ты мог бы пойти восвояси, и ничего из этого не произошло бы.

Сердце в груди бешено колотилось, отчаянно нуждаясь в кислороде, но я не могла даже вдохнуть. Вокруг все было, как в замедленной съемке. К моему ужасу, тело отказывалось двигаться. Взгляд был прикован к ним. Это было настоящим проклятием — моя неспособность отвести взгляд. Вытаращив глаза, я наблюдала чудовищную сцену. Видела, как Хоук, еще что-то пробормотав, кончиком ножа выколол Юрию глаза. Быстро и уверенно он вырезал их один за другим. Юрий пронзительно визжал, всем телом сотрясаясь от дрожи под огромной фигурой Хоука.

— Я не беспредельщик, — продолжал Хоук, спокойно вонзая клинок в горло мужика. Кровь брызнула во все стороны. На его куртку. На мое лицо. На свободное пространство пола, разделяющее нас. — Я просто окружен ебнутыми беспредельщиками, которые воспользовались моим гостеприимством.

Затем он поднялся, весь залитый кровью Юрия, и внимательно наблюдал, как хрипящий и захлебывающийся человек боролся за свою жизнь. Покачав головой, Хоук брезгливо сплюнул.

— Только посмотри, как теперь из-за тебя грязно.

Глава 9

Тайлер

О, Господи.

О, Господи.

О, Господи.

Я... просто окаменела. Превратилась в предмет обстановки с безумным взглядом.

Спустя долгую минуту Юрий перестал булькать кровью и биться в конвульсиях, после чего Хоук через весь зал посмотрел на Гектора и Джесса. Его лицо было перекошено от гнева. Я физически ощущала излучаемую им злость, но по его отстраненному виду не могла понять, собирается ли он покалечить кого-то еще.

— Как здорово, что мы позволяем людям, не являющимся членами клуба, вот так запросто приходить сюда с оружием, — прорычал он.

Не отводя взгляда от кровавой сцены, Гектор нахмурился.

— Меня здесь не было.

— Отличительная черта хорошего президента — брать на себя ответственность за действия всех членов клуба, — возразил Хоук. — И не важно, за какие.

Гектор отвернулся от взгляда брата и скованно кивнул. Хоук повернулся к людям Юрия — пьяным, с покрасневшими от ужаса лицами — и, разведя руки в стороны, спросил:

— У кого-нибудь еще есть гребаные проблемы?

Все четверо покачали головами.

— Уверены? А то, если есть желание, мы можем продолжить дискуссию по поводу этой девушки.

Они снова покачали головами.

— Чудесно. Вы, ублюдки, можете вернуться к Абраму и сказать ему, что меня устраивает предложенный план. Но для начала вы должны поднять свои пьяные задницы и убрать весь этот бардак. Я хочу, чтобы до восхода солнца полы сверкали, как у кота яйца. И с телом мы не собираемся заморачиваться, так что с этой мертвой мразью разбирайтесь сами.

Все четыре мужика кивнули.

Затем Хоук направился в мою сторону. Небрежно переступив через

неподвижное тело, он склонился ко мне. Не обращая внимания на мое испуганное лицо и ужас в глазах, он просто обхватил меня руками и поднял.

— Пойдем, дорогуша, — тихо пробормотал он, направившись со мной на руках к лестнице в задней части бара. — Давай приведем тебя в порядок.

* * *

Хоук нес меня наверх в нашу комнату. Войдя, он окинул беглым взглядом все мое барахло, заполонившее каждую поверхность того, что технически принадлежало ему. Потом открыл ванную и осторожно посадил меня на бортик раковины, после чего снял куртку и бросил ее на кровать. Вернувшись ко мне, он наклонился, на мгновение сдвинув в сторону мои свисающие ноги своими окровавленными руками, чтобы вытащить розовое полотенце из шкафчика подо мной. Выпрямившись, он открыл кран за моей спиной и намочил теплой водой полотенце.

— У тебя ужасный порез, — заметил он, прижимая мокрую ткань к верхней части моего лба.

Я удивленно подпрыгнула, почувствовав боль. Понятия не имела, что там порез. Меня больше заботило то, как Хоук вырезал Юрию глаза, поэтому было не до того.

Хоук просто взял и убил человека и даже глазом не моргнул.

Я знала, что он был страшен. Черт, я видела, как он разбил шлем о голову того таракана. И ему нужно было, чтобы его боялись, потому что внушать страх — это могущество, и, Господи, в этих краях он был просто олицетворением власти.

Но оказаться свидетелем жестокости, сотворенной его собственными руками — к этому я не была готова. Меня буквально осенило — кажется, будто по позвоночнику провели кубиком льда — с тринадцати лет я была влюблена в убийцу. Он знатно отметелил таракана и наблюдал за его казнью, но мои глаза были закрыты. Я не желала признавать очевидного и успокаивала себя этим отрицанием.

А это? От этого безумия нереально отгородиться, потому что я видела... все.

А сейчас он с нежнейшим взглядом заботился обо мне, обрабатывая рану, словно вместо ссадины я получила выстрел в сердце.

Словно не произошло ничего особенного.

— Больно, да?

Я просто моргнула. Мне трудно было оформить слова в голове, не то что сказать их.

— Гребаная мразь, — пробормотал он, нахмурившись. — Терпеть не могу таких людей, дорогуша. Это отбросы общества, понимаешь? Они не заслужили права дышать.

Я снова моргнула. Господи-Боже, он просто взял и убил кого-то *прямо на моих глазах*.

Здесь все парни — гребаные психи, но не настолько. Не так, как он.

— Я должен был, — наконец серьезно прошептал он, поймав мой перепуганный взгляд. — Внимательно послушай меня, Тайлер, и запомни, что я скажу. Ты *никогда* не должна приближаться к мужчинам, вроде Юрия. Стоит один раз совершить эту ошибку, и они не перестанут возвращаться — с чувством превосходства и запредельным самолюбием. Они *никогда* не отстанут, дорогуша. Они будут здесь до тех пор, пока не натворят такого охеренного дерьма, которое исправить уже будет невозможно. И, кроме того, — он протяжно вздохнул, в очередной раз осматривая мой порез, — он сделал тебе больно.

Пока одной рукой он прижимал полотенце к моему лбу, другая его рука покоилась на моем обнаженном бедре, а пальцами он успокаивающе поглаживал мою кожу. Я все еще находилась в легком оцепенении, чтобы почувствовать его прикосновение, хотя — мне ненавистно было в этом признаться — я хотела этого.

— А что я говорил о тех, кто тебя не уважает? — задумчиво добавил он. — Твое лицо — это храм, а он осквернил его. Моя вина в том, что не среагировал раньше. Я даю людям слишком много шансов. Я позволил ему говорить, а должен был внимательно присмотреться. Должен был заметить, как его колбасило — ведь совершенно ясно, что у этого мудака была ломка.

Хоук все ближе придвигался ко мне, пока я не почувствовала тепло его тела.

— Теперь он мертв, — серьезно сказал Хоук, и я утонула в его темных глазах. — И ты понимаешь, что он должен был умереть, верно?

Я механически кивнула, все еще не в силах прийти в себя, чтобы начать разговаривать. Хоук коснулся моего лба, а потом смочил полотенце водой потеплее. Казалось, он полностью сосредоточился на своей задаче, словно это была операция, требующая его абсолютного внимания. Таким он мне никогда не нравился. Я чувствовала себя фарфоровой куклой, к которой даже прикасаются с осторожностью. Это было странно, особенно в моем положении.

— Ты собираешься всю ночь смотреть на меня этим оленьим взглядом или заговоришь? — спросил он, изучающе глядя на меня и покусывая зубами свою пухлую нижнюю губу.

Разве я в состоянии говорить?

Я онемела.

Окаменела.

И, что еще хуже, меня отчаянно тянуло к этому мужчине, несмотря на то, что он полный отморозок.

И в каком это выставляет меня свете?

Я уставилась на него, не в силах отвести взгляд от его сурового лица и татуировок, выглядывающих из-за ворота рубашки. Господи, в нем все буквально *кричит* о неприятностях. А я просто тупо слушаю.

Он снова положил руку мне на бедро — чуть выше, чем раньше — и начал поглаживать круговыми движениями, пока мое тело не начало согреваться и расслабляться под его прикосновениями. Сердце начало замедлять ритм, а места, которых он касался, покрывались гусиной кожей, наполняя меня легким трепетом.

— Почему он это сделал? — наконец спросила я тихим, но на удивление ровным голосом.

— Сделал что, Тай?

— Почему я? Какой смысл было останавливать свой выбор на мне?

Хоук обвел взглядом мое лицо. Очередной взгляд, которого я не могла понять. Он придвинулся еще ближе — его грудь практически касалась моей. Потом наклонился, и я почувствовала его дыхание на своей щеке. И вскоре его губы коснулись моего уха. Я закрыла глаза, окутанная его запахом, и ощутила разливающееся между ног тепло.

Кончиком носа он пощекотал мне ухо, а затем приоткрыл рот и ответил:

— Возможно, он выбрал тебя, увидев очертания твоих сисек в просвечивающей рубашке. А может быть, подойдя ближе, он заметил, как эти, практически отсутствующие, шорты подчеркивают складки твоей киски? И поэтому, возможно, маленький больной ублюдок, вроде него, не смог устоять перед захватывающим шоу, которое ты устроила чуть позже. Что ты думаешь об этой версии, Тай?

У меня кровь отлила от лица. Хоук отстранился, его глаза были в нескольких сантиметрах от моих. Я увидела в них насмешку, и тепло внутри меня стремительно сменилось гневом.

— Значит, это я виновата? — прошипела я. — Девчонки разгуливают, выставляя напоказ свои сиськи, а я *сама* виновата, потому что сильно

выделялась, надев на себя больше, чем они?

— Ты идиотка, Тайлер.

— Почему это я идиотка?

Он резко схватил меня за подбородок и повернул лицом к висящему сзади зеркалу. По телу пробежала дрожь, когда я увидела капли крови, до сих пор покрывающие мое лицо. Кровь Юрия.

— Взгляни на себя, дорогуша, — сказал Хоук полным ярости голосом, глядя на меня в зеркало. — Посмотри, как охуенно ты красива. Любая из этих девок с болтающимися сиськами ничто по сравнению с тобой. Твою мать, при виде тебя просто дух захватывает.

Отвернувшись всем телом от зеркала, я покачала головой и оттолкнула его руку.

— Он выбрал меня не поэтому, и тебе это известно.

— Знаешь, что мне известно? — огрызнулся он, и недавняя теплота в его голосе улетучилась. — Мне известно, что я тысячу раз говорил тебе держаться от этого клуба подальше. Мне известно, что, если бы ты просто послушалась, ничего этого не произошло бы. Если нам повезет, то Абрам спустит это дело на тормозах, но он не сделает этого, потому что, вероятно, для него это будет проявлением слабости, ведь его придурок-кузен был послан сюда пересмотреть условия сделки, а в результате погиб.

— Тебе не нужно было убивать его!

— Он поранил тебя до крови, — Хоук замолчал. Как будто это было достаточным основанием для того, чтобы вырезать человеку глаза, а потом зарезать, как свинью.

— Ты псих! — вскинулась я, голова после удара кружилась. — Ты гребаный псих!

Хоук бросил полотенце и отвернулся.

— Я и так это знаю, — резко прошептал он.

Отвернувшись, он открыл дверь душевой кабины и включил воду. Очень быстро ванная наполнилась паром. Не поворачиваясь, чтобы я не могла видеть его лица, стоя ко мне вполоборота, он приказал:

— Залезай, Тай! Тебе нужно помыться.

— Я сделаю это, когда ты уйдешь, — спокойно ответила я. Не собираюсь раздеваться на его глазах и вступать с ним в перебранку.

Внезапно он посмотрел на меня.

— Нет. Тебя трясет. Тебя качает. Ты нуждаешься в моей помощи.

— Меня не трясет.

— Тогда слезай.

— Меня не качает, — уверенно повторила я.

Пытаясь это доказать, я с легкостью соскользнула с раковины. Но в ту секунду, когда мои ступни коснулись кафельного пола, ноги внезапно подкосились, я чуть не упала и изо всех сил попыталась ухватиться за край раковины. Меня всю трясло, и это было мне непонятно. Всего пару секунд назад я чувствовала себя нормально. Хоук тут же метнулся ко мне и обхватил руками.

— Я держу тебя, Тай.

— Отпусти меня, — потребовала я.

— Чтобы ты снова упала?

Я сверкнула на него глазами, охваченная смущением.

— Не хочу, чтобы ты прикасался ко мне.

— Ты хочешь, чтобы я к тебе прикасался, — ответил он уверенным тоном, глядя мне в глаза испытывающим взглядом. — Разве не об этом ты умоляла тогда в номере отеля?

— Я была *ребенком*.

Хоук рассмеялся, но веселья в его глазах не было. Снова склонившись ко мне так, что мы едва не соприкасались носами, он спросил:

— Почему же ты по-прежнему смотришь на меня так?

Грудь сдавило, и я покачала головой.

— Я никак не смотрю на тебя, Хоук.

— Нет, но взгляд тот же.

— Нет. Ты псих. Ты только что убил человека.

— Он держал пистолет у твоей головы.

— Ты убил его.

— И это не меняет того, как ты смотришь на меня, — уголки его рта приподнялись в мягкой улыбке. — Ни на грамм. Тебе всегда удастся удивить меня, Тайлер.

Я не ответила. Мне была ненавистна его правота. У меня не получалось перестать смотреть на него этим глупым, блядь, обожающим взглядом. Сколько себя помню, при виде Хоука со мной всегда что-то происходило. Все внутри слабело. Сердце начинало биться быстрее. Он... казалось, мог *дотронуться* до той части меня, которая для других была недоступна.

Как последняя трусиха, я отвернулась от него. Не хотела, чтобы он заметил у меня этот взгляд. Не сейчас.

Он не стал настаивать. Нет, Хоук этого не делал. Он не любил разговоры. Просто *внимательно наблюдал* за происходящим в данный момент.

— Подними руки, — сказал он, хватаясь за подол моей рубашки.

— Хоук...

— Я не хочу видеть тебя, покрытой кровью мертвеца, Тай.

Я вздрогнула от ужаса и паники и немедленно подняла руки, ощущая внутри тошноту. Звуки булькающей крови проникли в сознание. В голове вспыхнул образ лица Юрия. Я почти желала разбить свою голову о стену, чтобы вышибить его из своих мыслей.

— Опустит руки, Тай.

Я даже не поняла, что он уже снял с меня рубашку. Тут же опустив руки, я прикрыла ладонями грудь. В голове просветлело, и я втянула в себя воздух.

Все кончено, да? Я ведь сама напросилась, не так ли? Избалованная клубная сучка, которая чувствовала себя частью этого места. Но всего одна смерть, и я тут же распалась, превратившись в младенца-переростка. Я всегда знала, чем они занимались, но сама же вырыла себе яму и прыгнула в нее, как гребаная идиотка (кем, собственно, и являюсь), верная своему тупому упрямству.

У тебя паника. Просто успокойся.

— Что за херня у тебя на спине? — внезапно спросил Хоук.

Я не ответила, все еще думая о безглазом лице Юрия. Никогда не видела лица без глаз. Мне всегда думалось, что дырки должны быть черными, а не... окровавленными, с торчащим розовым мясом. Как Хоук умудрился вырезать эти глаза меньше, чем за пять секунд? Для этого нужно определенное умение, не так ли? И опыт.

Для такого нужен богатый опыт.

Хоук стоял сзади, положив руки мне на спину, пока я блуждала в своих мрачных мыслях. Он снял повязку и замер. Я бросила взгляд в зеркало, чтобы увидеть его реакцию. Он побледнел, глаза в ужасе округлились.

Ой, из-за этого он так разволновался? Не из-за Юрия, вовсе нет. А из-за... моей татуировки. Моя татуировка пробила защитную стену Хоука. Вашу мать, это просто грандиозно.

— Эмблема клуба, Тайлер, — проговорил он с недоумением. — Зачем?

— Затем, что я часть этого клуба, — просто ответила я, хотя голос прозвучал глухо.

Он выдохнул и провел ладонью по лицу.

— Гребаный ад.

Я ожидала, что он взорвется. Знаю, что по его меркам я зашла слишком далеко, и он вряд ли одобрит это, но, как бы то ни было, в данный момент я стояла рядом с ним с татуированной спиной.

— Когда ты ее сделала? — спросил он.

— Сегодня закончили, — ответила я.

Он нахмурился, пальцами касаясь моей кожи, очерчивая татуировку.

— У тебя есть мазь? Скоро нужно будет нанести новый слой.

Я покачала головой.

— Гектор сказал, что каждое утро сам будет обрабатывать мне спину.

Хоук стиснул зубы.

— Ну, естественно. К тому же, ведь эта тату — его работа, да?

Я кивнула.

— Да. Я хотела, чтобы именно он ее сделал.

Его пальцы замерли, и он на полном серьезе спросил:

— Он прикасался к тебе, Тайлер?

Я поняла, о чем именно он спрашивал, но была потрясена тем, что он мог допустить такую мысль. Гектор — весельчак и любитель пофлиртовать, но ко мне он *никогда* не приставал.

— Нет, — твердо ответила я, не скрывая своего удивления. — В таком понимании никогда.

— Хорошо.

Почему *хорошо*? Не будь я такой трусихой, спросила бы. Но Хоук имел такой устрашающий вид, что даже дышать в его присутствии было достаточно сложной задачей.

Он обошел вокруг и встал прямо передо мной. Едва взглянув в его темные глаза, я почувствовала его руки на своих шортах. Ощутила, как он расстегнул их и спустил на несколько сантиметров вниз. Дальше они съехали сами. Я стояла голая. Перед ним. Но он смотрел не на мое тело, а на лицо, и это делало ситуацию на удивление паршивой.

— Опустит руки, — сказал он мне.

Я смутилась. Не припомню, когда в последний раз какой-нибудь парень видел меня голой. Скорее всего, никогда. В старших классах я пару раз обжималась в темных углах со своим школьным ухажером. Но при свете все становилось слишком интимным, а я просто ни с кем не хотела близости. Во всяком случае, не с таким образом жизни.

Но Хоук...

Я понимала, что ради Хоука готова на все.

Полностью сосредоточенная на попытках дышать, я, до конца не осознавая, как буду выглядеть, опустила руки. Он тут же опустил взгляд на мою грудь. Хоук медленно, сантиметр за сантиметром, внимательно изучал мое тело. Я догадалась, что увиденное понравилось ему, потому что в его глазах вспыхнул огонь, а тело напряглось. В любой другой день я порадовалась бы ощущению маленькой одержанной победы. Однако сейчас

я больше чувствовала себя беззащитной, но не в прямом смысле этого слова. У меня было такое чувство, что Хоук одним только взглядом проникает мне под кожу.

— Когда ты успела стать такой красавицей? — пробормотал он, встречая своими карими глазами мой взгляд.

Я не ответила, но внутри начала возникать волнующая тяжесть. Этого оказалось достаточно, чтобы на несколько мгновений отвлечь свои мысли от жутких образов. В животе все сжималось, пока Хоук голодным взглядом продолжал блуждать по всему моему телу, словно хотел съесть меня.

Мне казалось, что он хотел коснуться меня.

И я знала, что не смогу этому противостоять.

Я чувствовала, что прямо сейчас *нуждалась* именно в этом. Чтобы не думать больше о Юрии, крови и вырезанных глазах, валяющихся на деревянном полу.

Мои мысли были заняты мужественным лицом Хоука, его мягкими полными губами и восхитительно-бронзовой кожей. Хлынувший в кровь адреналин ощущался толчками где-то глубоко внутри. Мне хотелось шагнуть вперед. Хотелось сократить расстояние между нами настолько, чтобы почувствовать, как мои соски прижмутся к его крепкой груди.

Хоук, кажется, понял выражение моего лица. Его челюсть напряглась, а затем... он коротко вздохнул и отступил назад. Его взгляд тут же стал отстраненным, и он приказал мне:

— Отправляйся под душ и вымойся, Тай. Спину не мочи. Я хочу, чтобы ты смыла с себя каждую каплю крови.

Удивленная его реакцией, я замерла.

Он оставлял меня? Вот так запросто? Хотя, чего я ожидала? Что он всю ночь будет *утешать* меня? Что он, наконец, прикоснется ко мне и даст возможность выплеснуть проклятую энергию, бурлящую во всем теле с головокружительной скоростью?

Меня съедало разочарование. Пусть останется на моей совести желание ощутить прикосновение мужчины, только что убившего человека и по чьей вине мы теперь забрызганы кровью. От воспоминаний конечности снова одеревенели, реальность рухнула под натиском вырвавшихся на свободу образов.

Кровь. Везде кровь. Повсюду. До сих пор на мне. Его булькающее дыхание. Предсмертные звуки. Журчание крови.

Проглотив внезапно подкатившее к горлу рыдание, я развернулась и поспешно направилась к душевой кабине. Меня сейчас вырвет. Нужна горячая вода. Нужно все это смыть — я вся покрыта этими красными

кровавыми каплями. Но, едва я открыла дверь, как мои колени подогнулись, и я снова чуть не рухнула на пол.

— Блядь, — выругался Хоук и снова подхватил меня.

— Я в порядке, — с трудом выдохнула я, хотя ощущала, будто стены вокруг меня сжимались.

Что происходит? Почему перед глазами все плывет, а ноги не держат? От затопившего всепоглощающего страха меня затрясло в его объятиях.

— У тебя паническая атака, — прошептал он. — Успокойся, Тай.

Я втянула в себя воздух, и в голове все поплыло. Я пыталась закрыть глаза, но сознание заполнялось все большим количеством кровавых образов, и было чувство, будто я вся покрыта кровью. Вся в крови.

Хоук усадил меня на пол, но у меня не получалось сфокусироваться. Я нашла его руку и вцепилась в нее, боясь, что он может отодвинуться от меня, лишив защиты своего тела.

— Не оставляй меня, — прошептала я.

— Я не оставлю тебя.

Я подняла взгляд, когда он встал и начал раздеваться, снимая с себя всю одежду, пока не остался голым. Затем он наклонился и, обхватив меня своими мощными руками, шагнул в душ. Я обняла его за шею, и мы вместе сели на пол. Он крепко обнимал меня, а я сотрясалась неконтролируемой дрожью под бьющими сверху струями воды.

— Это пройдет, — убеждал он меня тихим голосом. — Ты справишься, потому что сильная. Ты всегда была такой.

Я не отвечала. Просто прижалась лицом к его груди и закрыла глаза. На этот раз я не видела кровавых образов — не сейчас, когда меня окружали объятия Хоука.

Он передвинулся, взял мочалку и провел ею по моим рукам и ногам. Убедившись, что вода не попадает мне на спину, он перекинул мои волосы вперед и промыл их под душем. Постепенно моя хватка вокруг его шеи ослабла, и я, повернувшись, посмотрела на него. Он полностью сосредоточился на своей работе — мочил губку и отжимал горячую воду на мое тело. Это успокаивало, и я начала ощущать, что разрозненные части моего сознания стали медленно воссоединяться.

— Ты... — всхлипнув, я замолчала, блуждая взглядом по его крепкой шее и резко очерченному подбородку. Когда я заговорила, он с ожиданием заглянул мне в глаза. Меня дико трясло, все мышцы болели. Но я приоткрыла дрожащие губы и выдавила: — Ты... ты всегда... заботишься обо мне.

Лицо Хоука расслабилось, и он, практически не моргая, смотрел мне в

глаза. Капли покрывали его лицо, падали с ресниц и скатывались по мягкому изгибу его щеки.

Этот момент.

Этот момент значил для меня все.

— Дыши, Тайлер, — сказал он мне голосом, нежным, как шелк, и наполненным теплом. — Дыши со мной.

Он притянул меня ближе, прижав мою голову к своей груди. В моих ушах был слышен стук его сердца. Я делала вдох вместе с ним. И вместе с ним выдыхала. Продолжая дышать, я окинула взглядом его бицепсы и лениво провела пальцем по татуировкам и грубым шрамам, пересекающим его тело в разных местах.

Я искала безопасности в объятиях чудовища. Он — беспощадный убийца, но при этом опекает меня с неожиданным для такого злодея состраданием.

В Хоуке уживались два разных мужчины, и несмотря на ощущение страха, мое сердце по-прежнему переполняли чувства, потому что я хотела их обоих.

Я всегда хотела их обоих.

Мне стало лучше. Я была в полудреме, веки потяжелели — Хоук укачал меня. Он вынес меня из душа и обтер нас обоих полотенцем. Затем уложил меня на кровать и укрыл.

К тому моменту, когда он закончил, я почти спала.

Я почувствовала, как он прижал ладонь к моей щеке, нежно лаская кожу. А потом сказал:

— Спи, малышка. Тебе это необходимо.

Глава 10

Хоук

Несмотря на все старания, Хоук был вынужден постоянно возвращаться в клуб. У него не было выхода. Он обречен быть призрачным президентом, разгребать неприятности Гектора и стараться каким-то образом держаться в стороне от темных делишек клуба. Гребаный ад, всю эту ночь можно было предотвратить. Как они могли не обыскать посторонних при входе в клуб? Если бы не их распиздяйство, пистолет Юрия был бы обнаружен, и ситуация не обострилась бы. Хотя, Хоук не мог отрицать, его порадовало, что у жалкого говнюка была ломка. Убивать так называемых гнилых торчков — дело несложное. Юрий всегда был неуправляемым. Этот мудака всегда отличался вспыльчивостью, однако Хоук предпочел бы разобраться с ним в каком-нибудь отдаленном лесу. А не перед всем клубом и Тайлер.

Черт возьми, Тайлер.

После того, как он одел ее и оставил в кровати, Хоук мерил шагами коридор за дверью ее комнаты. Нет, его комнаты. Эта пигалица оккупировала ее. Превратила в свою резиденцию. В один прекрасный день стены вдруг стали розовыми. Пиздец какими розовыми. Как... *настоящие* розовые розы. А на стенах появились плакаты с фотографиями полуголых мужиков — это на его-то стенах! — демонстрирующих свои накаченные прессы. Он не мог поверить, что она притащилась со своей этой подростковой хреню в клуб, полный убийц и торговцев наркотой. И ни один из ублюдков внизу не помешал этому. Они просто приняли Тайлер с распростертыми объятиями, типа: «Эй, малышка Тайлер, добро пожаловать! Если на твоём пути в этом жутком клубе попадется труп или мешок с деньгами, просто не обращай внимания».

Идиоты гребаные.

Но теперь — хвала всем гребаным святым — стены больше не розовые. Они серые. И занавески больше не в горошек — просто гладкие и однотонные. Она больше не слушала дисков с записями слезливых певцов — ну, знаете, тех, с безвкусными татуировками, подведенными, как у девушек, глазами и прилизанными гелем волосами — поющих о печальности своего изнеженного существования. На ее комод теперь куча косметики, кисточки всех форм и размеров и — к его ужасу — приличный

запас противозачаточных таблеток.

Тайлер стала взрослой, и это удивительно. Она все еще одевалась, как гребаный подросток, во всякую розовую хрень — промолчим об этом охуенно сексуальном маникюре — но она стала... такой эффектной и более разумной. За последний год у нее прибавилось уверенности в себе. Он заметил это по ее манере держаться. Она знала, что очень красива, но никогда не использовала свою красоту в качестве оружия. Довольно необычно для девушки, но ему это действительно нравилось. В эти комнаты забредало слишком много лживых сучек, стремящихся высосать все из своего несчастного мужика — не только сперму, но и деньги.

Хоук хотел, чтобы она ни от кого не зависела. Он надеялся на это. Черт, он представлял себе, как она вырастет, покинет клуб, найдет себе какого-нибудь придурка, работающего в офисе, и будет жить с ним, устроившись где-нибудь в пригороде, и у них будет пятеро детей и маленькая тощая собачка. Но... такого не произошло. Вместо этого она работает в автомастерской Джесса в качестве подмастерья — кто, блядь, мог предвидеть, что так получится? — и день ото дня все больше сближается с парнями.

Он думал, что ее сумасшедшая одержимость быть частью клуба постепенно исчезнет. Думал, что она перестанет на него смотреть этими влюбленными кошачьими глазами.

Но Тайлер *по-прежнему* смотрела на Хоука с такой глубокой страстью, что он физически ощущал ее каждой мышцей. Всякий раз, появляясь поблизости, он видел этот взгляд. И сегодня, войдя в бар и встретившись с ней взглядом, он снова увидел его. Она тут же выпрямилась, внезапно осознав, как выглядит. Для нее было важно, чтобы ему понравилось то, что он видит. И Хоуку нет смысла врать самому себе — ему это охуенно *нравилось*. Он держал в руках ее обнаженное тело. Ощущал каждый изгиб, пока она дрожала в его объятиях. Она была такой чертовски мягкой. Такой сладкой и красивой. Хоук не мог стереть из памяти то пробирающее до костей желание, когда она прижималась к нему, нуждаясь в нем так, как никогда раньше.

Его надежды относительно Тайлер рухнули. Эта девчонка была настроена остаться здесь и доказывала это изо дня в день, прочно заняв свое место в жизни клуба. Она смеется над ним, да? Блядь, все в ней буквально проверяло его на прочность. Ее сиськи, ноги, легкий темный пушок между ее шелковистыми бедрами, грациозная спина с этой чертовой татуировкой — все это бросало ему вызов.

Я выросла! Об этом практически кричали ее глаза. *Я выросла, и ты*

обещал мне большее.

* * *

Протрезвев только к полуночи, русские ублюдки подняли тело Юрия и вытащили его из бара. Его упаковали в мешок для перевозки трупов — по удачному стечению обстоятельств у них при себе был один такой.

— Ты можешь поверить в это? — пробормотал Джесс, когда увидел, как они расправляют эту чертову штуковину. — Чувак, у них при себе мешок для трупа.

— Неужели тебя действительно это удивляет? — ответил Гектор.

— Самую малость, Гектор, ведь мы не носим такую херню в заднем кармане джинсов, но я начинаю задумываться, не пора ли начать это делать. Интересно, где обычно продают мешки для трупов? Кто-нибудь поблизости торгует оптом? Об этом надо разузнать поподробнее.

Русские подогнали машину ко входу в бар. Они вышли в крошечную тьму и быстро закинули труп в открытый багажник. Когда вернулись, чтобы убрать за собой грязь, Хоук был уже там — он стоял в нескольких сантиметрах от кровавой лужи и постукивал пальцем по часам, предлагая им ускориться.

— Это должно было быть сделано еще час назад, — рявкнул он. — Пошевеливайтесь.

Они так и сделали. Потому что — так же по удачному стечению обстоятельств — у русских ублюдков при себе оказался полный набор чистящих средств.

— Что за херня? — прошептал Джесс Гектору. — Мужик, у них с собой упаковка хлорки.

— Мы всегда ездим подготовленными, — услышав их, пояснил один из русских. — Слишком много крови. Слишком много трупов. Однажды нам пришлось вытирать все туалетной бумагой, потому что ничего другого под рукой не оказалось.

Остальные усмехнулись, словно это было для них приятным воспоминанием. Да, ха-ха-ха, мы грохнули человека и вытирали место преступления туалетной бумагой, ха-ха-ха.

Долбанные идиоты.

Хоук сделал глубокий вдох, чтобы не повторить подобной херни в отношении их. У входной двери стоял Гас и наблюдал за ними, держа в руке дробовик. Они делали свое дело быстро и качественно. За время

уборки ни один из ублюдков не решился встретиться с Хоуком взглядом. Вся эта ситуация давила на них, ведь им предстояло вернуться и неизбежно получить пиздюлей от Абрама, так что им совершенно точно не нужно было раздражать Хоука.

Когда они закончили, Хоук взглянул на Гаса, и тот, осмотрев место происшествия, одобрил работу. В ту же секунду русские выскочили из бара, прыгнули в машину и рванули с такой скоростью, что из-под колес практически искры полетели, когда их авто завернуло за угол и исчезло.

Джесс обошел место смерти Юрия, внимательно глядя себе под ноги. Осмотрев все, он покачал головой.

— Эта пьянь потрудились на славу, Хоук. Думаю, теперь это самое чистое место в баре.

Хоук просто пристально посмотрел на него, не говоря ни слова. Временами с языка этого парня слетает такое... Черт возьми.

Гектор уже прикурил сигарету и присоединился к Джессу — «обзорная экскурсия по месту смерти больного ублюдка». Затем, как ни в чем не бывало — словно это не они облажались по полной программе — эти двое начали разговаривать о девках. Их волновали только киски и ничего, кроме кисок.

— Хочешь девочку, Хоук? — прервавшись, спросил с ухмылкой Джесс. — Эй, тут по-прежнему полно сучек. У нас все еще есть шанс спасти эту ночь. Давай оторвемся с ними.

Хоук глубоко вздохнул и потер лицо. Его руки тряслись от желания избить этих придурков за то, что допустили в клубе подобную херню, но он знал, как важно сохранять хладнокровие. Работая на такого авторитета, как Маркус Борден, этому быстро учишься.

— Хоук? — настаивал Джесс, все еще глядя на него.

Хоук сердито зыркнул на него.

— Ты находишь это забавным, Джесс?

Улыбка Джесса исчезла.

— Нет...

— Я убил человека под нашей общей крышей, — прервал его Хоук голосом, полным презрения. — Я пролил кровь в здании клуба. Поразмысли об этом, прежде чем опять начнешь думать о своих ненаглядных кисках.

Джесс тупо уставился на него непонимающим взглядом. Твою мать, этот клуб растерял порядочно баллов IQ с тех пор, как он ушел. Хоук никогда не встречал таких раздолбаев. В этих стенах полностью отсутствовала организация. Не было единых для всех правил, и было ясно,

что это всего лишь вопрос времени, когда полиция (не купленная) постучится в двери этого клуба. А если не полиция, то враги. А чтобы стереть «Военных Баронов» с лица земли, достаточно всего одного врага.

Джесс отвернулся от Хоука.

— Хоук прав... Нам... лучше разойтись по домам, братья. Увидимся утром, парни.

Когда Джесс убрался, Гектор сел за барную стойку, а Хоук жестом велел Гасу подойти. Гас тут же направился к нему, по пути положив ружье на стойку.

— Это должно сохраниться в строжайшей тайне, — строго сказал ему Хоук. — Никто и никогда за пределами клуба не должен болтать об этой ночи.

Гас решительно кивнул.

— Согласен.

— В любом случае, никто не должен лохануться. Я хочу побеседовать с девочками и персоналом. У нас нет права на ошибку.

— Без проблем.

Безуспешно пытаясь сдерживать гнев, Хоук скрипнул зубами.

— И нужно что-то предпринять, чтобы в клуб никого не допускали без обыска, Гас. Это не шутки. Сегодня облажались по полной. Раньше у нас были правила. Мы никогда не позволяли сюда свободного доступа.

Гас нахмурился.

— Все расслабились. Мы уже несколько лет ни с кем не враждуем.

— Да, проблема в том, что все забыли, каково это находиться на военном положении. Поэтому никто здесь не был готов.

Гас оглянулся через плечо на Гектора, сидевшего к ним спиной. Он лениво потягивал пиво, держась от Хоука на расстоянии. Гас протяжно вздохнул, и Хоук отлично понял, о чем промолчал старик. Парни любили Гектора, и он был полезен в том, что хорошо умел делать, но с должностью президента справлялся хреново.

— Я поговорю с ним, — пообещал Гас, поворачиваясь к Хоуку. — Мы что-нибудь придумаем, не волнуйся. Я ношу свой жилет не для красоты. Ты знаешь, я смогу справиться с этим делом, если он согласится на мое предложение.

Оглядев бар, Хоук медленно выдохнул, думая о том, что всего несколько часов назад здесь было полно народа. По крайней мере, он освободил помещение, прежде чем сцепиться с Юрием. Он подумал о требованиях больного ублюдка и о том, о чем без слов поведал ему Гас — Гектор совсем не справляется с должностью президента — а потом

подумал о Тайлер и... Хоук снова потер лицо — все это выводило его из себя.

— Что происходит с Тайлер? — спросил он, внимательно глядя на Гаса. — Я не могу понять. Неужели у нее есть веская причина торчать тут постоянно?

Гас не смог сдержать улыбку.

— Она... часть всего этого, Хоук.

— Часть чего?

— Клуба. Она с нами уже много лет, ты же знаешь. Мы любим ее. Она напоминает нам ее старика, и мне чертовски не хватает этого раздолбая.

Хоук стиснул челюсти.

— Гас, не надо давить мне на эмоции, ладно? Тайлер — это проблема.

Гас вытаращил глаза.

— Проблема? Нихрена, Хоук. В ней нет ни грамма притворства. От Шей, бармена, проблем больше, поверь мне. Тайлер живет и дышит нашей жизнью. Она преданная и сильная. Господи, она знает все тонкости этой жизни лучше, чем большинство местных женушек.

— А как насчет сегодняшнего вечера?

— Ну, тут я не советчик. Ты же отнес ее наверх. Как она выглядела?

— Потрясенной.

— Потрясенной — в смысле сломленной?

Хоук начал обдумывать ее поведение рядом с ним. Под конец она казалась... возбужденной.

— Нет, не сломленной.

Гас пожал плечами.

— Тогда с ней все будет в порядке, и я точно знаю, что она не проболтается...

Гас расхваливал Тайлер так, словно состоял в ее гребаном фан-клубе. Хоук заткнул его и посмотрел на Гектора — он вертел в руке бутылку и мрачно глядел на стойку бара. Его убивала собственная несостоятельность, а это означало, что он собирается найти какую-нибудь девку, чтобы засунуть в нее свой член и забыться.

Некоторые вещи никогда не изменятся.

— А вообще, когда она вновь приступит к работе, Джессс будет продолжать присматривать за ней, и мы узнаем, все ли с ней в порядке, — закончил Гас.

Хоук напрягся, пристально и серьезно взглянув на него — перед глазами всплыла упаковка противозачаточных таблеток на ее комод.

— Она была с Джесссом?

— Что?

Хоук указал на входную дверь.

— Я вошел в бар и, оглядев всех вокруг, увидел, как Джесс пилился на нее, и пилился непристойно. Чувствуешь, о чем я?

Гас с усмешкой прояснил ситуацию.

— Они просто хорошие друзья.

— Насколько хорошие?

— Ну, честно говоря, он не отказался бы от нее.

— А она? — настаивал Хоук, ненавидя себя за приказной тон, но ему нужно было знать, особенно теперь, когда в его мыслях витал образ ее обнаженного тела. — Она тоже не отказалась бы?

Гас удивленно взглянул на него.

— Она уже давала Джессу от ворот поворот. На самом деле, не один раз. Она не хочет его, и... тебе это и так известно.

— Значит, у нее был только один парень?

Гас медленно кивнул.

— Да, в старшей школе какой-то сопливый хер-недоросток. Не вынуждай меня говорить о нем.

— Почему?

— Скользкий маленький ушлепок хвастался, что напоил ее после выпускного, и теперь у него билет первого класса в клуб «Военные Бароны».

— Мне это известно, и я велел твоим парням разобраться с ним.

— Да, но он до сих пор болтает об этом.

Лицо Хоука потемнело.

— Я думал, ты отдубасишь его задницу до фиолетового цвета.

— Я так и сделал. Но некоторые люди необучаемы, ты же знаешь.

— Он все еще работает на той заправке?

— Ага.

Хоук вздохнул.

— Это не город, а полный пиздец. Этот клуб — полный пиздец. Эта ситуация с Юрием и гребаной бандой, требующей увеличения поставок — полный пиздец.

— Ты знаешь Абрама лучше меня. Думаешь, он будет в ярости?

— Юрий был его кузеном-недоумком, за которого Абрам чувствовал себя ответственным. Он будет в ярости.

Потому что Абрам хуже Юрия. Он не был открытым психопатом, как Юрий, но, блядь, от садистских наклонностей этого мужика даже Хоук мысленно содрогался. Он терпеливо ждал своей мести и наносил удар

тогда, когда этого меньше всего ожидаешь. Если ты числился в его черном списке, то у тебя были все шансы закончить жизнь, оказавшись по кускам набитым в бочку и выброшенным где-нибудь в канаву.

Гас озабоченно потер шею и отвернулся.

— Он настолько безумен, чтобы развязать войну?

— Да, — уверенно сказал Хоук. — Он такой, и именно поэтому нужно подготовиться, и, блядь, как можно быстрее.

— Твою мать, — Гас замолчал, обдумывая все это. — Как бы то ни было, у нас нет выбора. Он пристрелит Тайлер.

— Вот так и объясни Гектору.

— Послушай, Хоук, я не хочу, чтобы ты беспокоился об этом. У тебя своих забот по горло, ведь ты работаешь на Бордена и все такое. Я к тому, что этот парень действительно чертов псих. Просто... возвращайся в город и забудь обо всем об этом. Мы с Гектором разберемся с Абрамом. Расскажем о сумасбродстве Юрия. Для него это не должно стать неожиданностью.

— Это мое дело, — мрачно ответил Хоук. — Юрия убил я. И мне с этим разбираться.

Гас подошел ближе к Хоуку и тихо сказал:

— Мы вместе с этим разберемся. Я не собираюсь подвергать тебя риску быть узнанным, когда ты разъезжаешь повсюду в одиночку. Благодаря нашей деятельности, большинство людей в городе и рта не раскроют, чтобы помочь ему, но... здесь будет достаточно одного, и нам пиздец.

Жители города молчали не столько из-за страха, сколько из-за всего того, что клуб делал для города. Байкеры оказывали любую посильную помощь. Иногда к ним обращались семьи с просьбами о помощи в оплате медицинских счетов, арендной платы — в общем, с любыми проблемами. Клуб был не таким уж ужасным. На самом деле, когда-то у них была чистая репутация, пока старик Хоука — Рыжий — не стал слишком алчным в своем желании попробовать лучшую жизнь. Он начал искать прибыль на стороне, а потом стал еще более жадным до денег, занимаясь только тем, что приносит настоящие деньги. Рыжий решил, что лучше иметь грязный доход, чем жить в нищете и наблюдать, как очередная банда появляется в городе, чтобы снова все нахер изгадить. В конце концов, в городе обосновались «Военные Бароны», которые вели себя намного порядочнее остальных. Как говорится, из двух зол выбирают меньшее. Единственный член клуба, кто фактически выступил против Рыжего — старик Тайлер — Дэннис. Но на тот момент он ничего не мог изменить. Кроме того, он очень

ценил внимание к своей персоне. Дэннис любил баб и не мог удержать свой член в штанах. Власть меняет людей. Она учит их не обращать внимания на моральную чушь и получать максимум удовольствия здесь и сейчас. А самым востребованным удовольствием было наличие пакетика с коксом и минет от какой-нибудь губастой красотки, которая никогда и не взглянула бы на Дэнниса, если бы не этот клуб. Женщины сами по себе обладают властью, особенно когда знают, как обработать простака. А Дэннис был простофилей.

— Поговорим об этом утром, — сказал Гас.

Он оставил стоящего там Хоука и вернулся в свою комнату. Гектор все еще заливал алкоголем свои страдания, и Хоуку даже не нужно было видеть его лица, чтобы ощутить исходящую от него агрессию.

— Ты не можешь находиться здесь, — сказал Гектор через пару секунд и оглянулся через плечо — его остекленевшие глаза, как Хоук и ожидал, были полны ярости. — Тебе пора вернуться к другому брату, верно? К тому, за которого ты с удовольствием словишь пулю, хотя он постоянно отдает тебе приказы, как гребаному щенку.

Хоук не ответил. На самом деле, он даже глазом не моргнул на этот выпад. Гектор всегда был озлоблен на своего старшего брата. Жизнь в постоянной зависти кого угодно сделает таким. Разубедить его было бессмысленно. Какое-то время они смотрели друг на друга — между ними всегда возникало напряжение. Дерьмовые отношения не бывают легкими. Никогда.

— И не смей вмешиваться в жизнь Тайлер, — сердито выпалил Гектор. — Девчонка останется. Мы отлично с ней ладим. Она на всех благотворно влияет.

— Ты играешь с огнем, — тихо ответил Хоук. — Тебе известно, что ей необходимо быть в безопасности.

Внезапно Гектор грохнул кулаком по барной стойке.

— Где еще она может быть в безопасности, если не здесь? А? Ответь мне на этот гребаный вопрос, Хоук. У тебя где-то есть бункер, в котором ты можешь спрятать ее? Ты, мудак, хочешь продержат ее взаперти до совершеннолетия? Ну что ж, мать твою, через несколько недель ей исполняется двадцать один! Если за последние восемь лет с ней ничего не произошло, то и теперь ничего не случится!

Хоук усмехнулся.

— Так вот почему Юрий пришел требовать ее, брат?

Гектор покачал головой.

— Я уже говорил — он никак не мог узнать об этом. Он просто хотел

ее. Вот и все.

— А что, если ты ошибаешься?

Младший брат стиснул зубы.

— Твою мать! Я не ошибаюсь, понятно? Тебе пора уходить. Я охуеть как устал от того, что ты приезжаешь сюда и меня опускаешь. Ты сказал, что оставляешь клуб на меня. Сказал, что не хочешь возвращаться к должности, но всякий раз, появляясь здесь, устраиваешь разборки. Эта тема уже не твое собачье дело. Теперь позволь мне самому со всем разбираться.

Если бы он нормально справлялся, Хоуку не звонили бы с просьбой приехать и разобраться с этим делом. Он мог бы напомнить об этом, но, опять же, в случае с Гектором это бессмысленно. Малейшая херня воспринимается им как удар по его гребаному самолюбию.

— Иди проспись, Гектор, — наконец сказал Хоук. — А я сам решу, когда мне уйти, — с этими словами он развернулся и вышел, направившись обратно в свою комнату. Хоук понятия не имел, как уладить неприятность с Юрием, но знал, что ему необходим сон. Он разберется с этой херней, когда его разум не будет ослеплен яростью из-за мудака, приставившего пистолет к голове Тайлер и решившего, что он вправе предъявлять ему свои дерьмовые требования.

Он открыл дверь спальни и увидел Тайлер, все еще спящую в его кровати. Остановившись на полпути, он уставился на нее. На ней были красные маленькие шортики и белая майка — единственные две вещи, которые ему удалось найти в спешке, чтобы поскорее прикрыть ее сладкое тело. Простыни скомкались между ее стройными ногами, темные волосы упали на лицо. Но это не помешало его дыханию остановиться. Она использовала в качестве подушки его куртку, прижимаясь лицом к коже и вдыхая его запах. Тайлер обнимала его долбаную куртку, как чертового плюшевого медведя. Он не ожидал, что это зрелище ему так понравится, и собственная реакция пиздец как раздражала его.

— Что с тобой произошло? — прошептал он. Как, черт возьми, она смогла вырасти за такое короткое время? Это не укладывалось у него в голове. Она стала такой охуенной красавицей, что яйцам было больно, а в груди все сжималось. Блядь, но ведь раньше при виде девки его яйца не болели и грудь не сжималась. Всю жизнь женщины для него были на одно лицо. Ему настолько надоело просто трахаться, что он мог не прикасаться к женщине месяц... месяцы. Казалось, само желание трахаться в нем умерло. И это не было шуткой. Он жил в клубе и с четырнадцати лет совокуплялся, как кролик, но только став президентом понял, что при всем при этом сам

он — всего лишь бездушная оболочка. Тем не менее, один взгляд на обнаженное тело Тайлер заставил его ощутить сексуальный голод.

Возможно, она напомнила ему о том, чего он себя лишал. А может быть, он так оправдывал свое нежелание признавать, что хочет *ее*.

Иногда человек всю жизнь мелькает у тебя перед глазами, но ты не замечаешь его. А потом однаждыходишь в бар и видишь ее — не ребенка, каким всегда ее помнил, а фигуристую женщину с изгибами во всех нужных местах и таким охуенно красивым лицом, что глазам смотреть больно. Хоук вздохнул и покачал головой. Ночевать в этой спальне, с Тайлер в зоне досягаемости, было плохой идеей.

— Что ты делаешь? — вдруг спросила она тихим голосом.

Он напрягся, с удивлением обнаружив, что она проснулась.

— Ничего, — хрипло ответил он. — Спи.

Вместо того чтобы послушаться, она потянулась и перевернулась на спину. Майка на ней задралась, оголив верхнюю часть бедер и живот. Ее ноги — нереально длинные для ее маленького роста — казались атласными. Твою мать, он представил ее груди — маленькие, вздернутые, легко помещающиеся в ладонь. Подумал о ее бедрах — мягких и в нужных местах округлых. Из головы не шел образ ее влажного обнаженного тела.

Она медленно моргнула.

— Ты можешь спать здесь. Это же твоя кровать.

Хоук покачал головой.

— Сомневаюсь, что после сегодняшнего вечера ты захочешь приближаться ко мне.

— Я не знаю, что думать после сегодняшнего вечера, — прошептала она, серьезно глядя на него. — Я... у меня не идет из головы его лицо, Хоук, — к концу фразы ее голос сорвался, и это пробрало его до самых внутренностей. Блядь, она не сможет справиться с этим. Он быстро подошел к ней и сел на край кровати. Смахнув с ее лица волосы и положив ладонь ей на щеку, он повернул ее лицом к себе.

— Ты ненавидишь меня за то, что я сделал? — спросил он. Ему нужно было это знать.

Тайлер покачала головой.

— Нет.

— Тогда что ты чувствуешь ко мне?

Слеза скатилась по ее щеке.

— Я... я боюсь тебя.

Она *боится* его. Лучше бы ненавидела.

— Знаешь, что я тебе скажу? — тихо ответил он, чувствуя тяжесть в

груди. — Временами я сам себя боюсь.

Тайлер погладила его руку, и он решил, что она хочет убрать ее от своего лица. Вместо этого она крепко сжала ее и заплакала. Он смахнул ее слезы, но они продолжали течь. Второй рукой ухватившись за его свободную руку, Тай потянулась и заползла к нему на колени. А потом уткнулась лицом в его грудь и задрожала.

Он должен был злиться на себя за то, что заставил ее пройти через все это, но не чувствовал гнева. Он сделал то, что, по его мнению, и должен был сделать в тот момент. Этот псих Юрий приставил к ее голове пистолет и мог непроизвольно выстрелить в нее, не среагируй Хоук так быстро.

Хоук обнял ее и начал укачивать. Он до сих пор был грязным — в той самой одежде, заляпанной кровью — но не мог оставить ее. Не сейчас.

— Как мне выбросить все это из головы? — умоляла она, но в голосе звучало напряжение.

— Никак, — спокойно ответил он. — Сопrotивляясь, ты все только усугубляешь. Ты заставляешь себя думать об этом.

— Там было столько крови.

— Да.

— Я чувствую себя полностью вымазанной в ней.

Блядь, сердце Хоука разрывалось за нее.

— Да.

— Как ты справляешься с этим, Хоук?

Он помолчал.

— Я отключаюсь.

В противном случае он сошел бы с ума много лет назад.

Она кивнула и замолчала.

Хоук провел рукой по ее спине, но не стал говорить дежурной фразы, что все будет хорошо. На самом деле, он ничего не сказал. Изувеченной рукой он скользнул по ее ноге вниз и обратно вверх, обвел округлость ее бедра и ягодицы и снова вернулся на спину. Через какое-то время Тайлер расслабилась и тихо вздохнула, наслаждаясь ощущением его близости. Он понял, что это успокаивает ее. По большей части, он хотел показать ей, что руки, убившие кого-то, в то же время могут быть способны помочь ей почувствовать себя лучше. Но Хоук меньше всего ожидал, что ее дыхание станет прерывистым, а тело станет напряженным под его прикосновениями.

Она *отвечала* на его прикосновения, а вовсе не расслаблялась, как он надеялся.

Неожиданно комната стала слишком тесной, а ее тело слишком

явственно ощутимым. Запах ее шампуня — какая-то женственная херня с райским ароматом — проник в его ноздри, заставляя наклониться ближе к ее волосам, чтобы вдохнуть глубже. Он закрыл глаза, продолжая ласкать ее рукой. Но движения были уже не те, что раньше. Они были далеко не успокаивающими. Нет, на этот раз, передвигая руку по ее бедру, он *настоящему* ощущал кожу, запоминал каждый изгиб. Тайлер изогнулась, умоляя о большем, и в эту секунду он замер и открыл глаза.

Блядь.

Хоук резко отстранился и попытался пересадить ее обратно на кровать, но она схватила его руку и направила между своих бедер.

Прямо на киску.

Хоук напрягся и посмотрел на нее — на ее сверкающие умоляющие глаза и приоткрытые губы.

— Хоук... — прошептала она, разрушая тишину.

Она неотрывно смотрела на его губы.

А он — на ее губы.

Твою мать.

— Даже не думай, — сказал он, нахмурившись.

— Я хочу, чтобы ты коснулся меня.

— Ты хочешь, чтобы я отвлек тебя, малышка.

— Я хочу и того, и другого.

Он не понимал, почему не убирал руку.

Нет, мать вашу, он прекрасно понимал.

Ему нравилось ощущать ее киску, едва прикрытую тканью шортов. И, что более важно, ему нравилось ощущать *саму* Тайлер. В результате его член затвердел. В конце концов, он мужчина и против гребаных гормонов бессилён.

Он едва шевелил пальцами, но все же этих движений было достаточно, чтобы почувствовать ее складочки.

Достаточно, чтобы дыхание замерло.

Достаточно, чтобы остановилось *время*.

Проклятье, она так сексуальна.

Тайлер затаила дыхание и на мгновение закрыла глаза, знакомясь с новыми ощущениями. От этого зрелища Хоук моментально завелся. Жар охватил его от макушки до гребаных кончиков пальцев на ногах. Он хотел ее.

Хотел.

Когда в последний раз он так неистово хотел женщину?

Никогда.

Не так.

Блядь. Твою мать. Охуеть.

— Хочешь знать, почему ты так возбуждена? — спросил он, скользнув взглядом по этому сексуальному телу — блядь, у нее шикарная задница! — и прикусил ее нижнюю губу. — Все потому, что в тебе до сих пор бурлит адреналин. Ты на взводе, поэтому чувствительность обострилась. Твоя сладкая киска пульсирует и жаждет освобождения. А хочешь знать, что произойдет после твоего оргазма, малышка?

Она не отвечала. Просто не сводила с него ожидающего взгляда.

— Ты почувствуешь себя грязной, — сказал он. — И будешь жалеть об этом. Потому что не будешь понимать, возбудила ли тебя та гребаная сцена, произошедшая пару часов назад, или она просто лишила тебя рассудка.

— Хоук...

— Возможно, когда ты придешь в себя и будешь уверена.

— Хоук...

— А в данный момент ты не уверена.

Он убрал ладонь, лежавшую между ее ног и пересадил Тайлер на матрас. Она тут же отвернулась, прижав лицо к его куртке. Это было смущение. Или разочарование. Хоук не знал, что именно. Но знал точно, что не станет трахать девчонку после того, как убил какого-то мудака прямо у нее на глазах.

Конечно, Хоук был отморозком.

Но не *до такой* степени.

— Сейчас тебе нужно поспать, Тайлер, — сумел выдавить он.

И, собрав всю силу воли, развернулся и вышел

Глава 11

Хоук

Он восемьдесят семь раз прошел по коридору мимо своей комнаты. Это не предположение — он, блядь, считал.

Восемьдесят. Семь. Раз.

Он был на взводе. Член все еще стоял, а в мыслях все еще мелькали картины ее беззащитных глаз и его руки, трепетно касающейся ее киски.

И это была его *изувеченная* рука.

Никто — а женщины особенно — не выдерживал прикосновения его искалеченной руки без отвращения. А Тайлер даже не вздрогнула... и от этого у него снесло крышу. В этом вся Тайлер.

Черт тебя подери, Тайлер!

Это не какая-нибудь вертихвостка, о которой он потом даже и не вспомнил бы — трахнул и забыл. Ведь им больше ничего и не надо, верно? Секс без обязательств, без лишних вопросов, без надежды на продолжение? Но Тайлер другая. Он привяжется к ней — Хоук понял это по ее гребаному взгляду — и именно поэтому ему нужно немедленно убратся отсюда. Так было каждый раз, когда он видел ее, и каждый раз он приходил в замешательство от того, насколько ошеломляюще красивой она стала. Это сводило с ума, и он вынужден был постоянно придумывать кучу доводов, пытаясь убедить себя уйти, чтобы не поддаться этим нежным умоляющим глазам и не стать настолько слабым, чтобы взять ее.

Но сегодня это оказалось особенно сложно. Потому что сегодня вечером она сама сделала первый шаг. Беззащитная в своем отчаянии, но она все же сделала это, продемонстрировав свое желание так дерзко, что в нем проснулись все низменные инстинкты.

Он пытался мысленно представлять себе это. Каково это будет — попробовать Тайлер? Как далеко он захочет зайти? Но всякий раз, когда думал об этом, Хоук упирался в одну и ту же долбаную преграду. Желать ее — значит остаться, а об этом не может быть и речи.

В итоге, промучившись час, он ушел. Уснуть ему все равно не судьба — не после Юрия и Тайлер. Слишком много адреналина бурлило в его венах. Ему нужно вернуться в Нью-Рэйвен — к Бордену и парням. Может быть, они смогут что-нибудь придумать с Абрамом. У Бордена всегда рождались блестящие идеи.

Но пока ехал по центральной улице, его захлестнули воспоминания. Он проезжал мимо давно и хорошо знакомых ему заведений: вот парикмахерская — он частенько бывал здесь со своим стариком; вот принадлежащий байкерам стриптиз-клуб — здесь Гас организовал для него первый приватный танец с какой-то рыженькой малышкой по имени Черри (а сама Черри умерла через год от передозировки); салон — здесь как-то раз один из ужинов закончился для них перестрелкой, когда владелец нагрел их на часть прибыли (это был первый раз, когда он столкнулся с насилием — четырнадцатилетний пацан, вооруженный пистолетом отца, который вручил ему оружие с напутствием «учись быть мужиком»).

Хоук почувствовал тоску о прошлом. Он вовсе не планировал оставаться здесь. Обычно он появлялся в клубе и сразу уходил. И хотя было ясно, что с Абрамом нужно разобраться, Тайлер чем-то задела его за живое. Хоук чувствовал, что не хочет покидать ее, и не мог понять, что за эмоции его переполняют. Желание узнать ее лучше? Соблазн быть рядом с ней после того, как увидел обнаженной и прикасался в постели к ее киске? Или, может быть, из-за просьбы Юрия у него просто нахер крышу снесло? Он не знал точно, но думал об этом, неспешно проезжая по тихим окрестным улицам.

Современный Норвич стал симпатичным маленьким городком. Он уже не был большой помойкой, хотя Хоук заметил, что южные окраины оккупированы бездомными, спящими в палатках на обочинах дороги.

Хоук не знал, что побудило его остановить свой байк напротив мотеля, где вся его жизнь странным образом перевернулась. Это случилось той самой ночью, о которой он изо всех сил старался забыть, но она всплывала в его памяти всякий раз при мыслях о Тайлер. Откинувшись на сиденье мотоцикла, он глубоко вздохнул и взглянул на комнату, в которой умер Дэннис. Это была та самая ночь, когда он умолял Хоука позаботиться о Тайлер — прямо перед тем, как умер, захлебнувшись в собственной крови.

Будь осторожен.

Позаботься о ней.

Я предполагал это.

Я предполагал.

Не доверяй.

Не верь.

Не...

Не было ни одного дня, чтобы Хоук не думал об этих словах. Тайлер оказалась втянутой в его жизнь — насильно и без лишних обсуждений — но теперь он начал понимать, насколько прочно она выросла корнями в его

мир. Поэтому-то он и не захотел видеть, как совсем недавно ее собирались из этого мира забрать.

Глава 12

Тайлер

Я проснулась в тишине с ощущением, что прошлая ночь осталась за тысячу километров отсюда. У меня возникла уверенность, что это мой разум выстроил стену из безрассудного желания, чтобы отгородить меня от крови и страха, который я испытала. В последний раз такое было, когда умер мой отец, и теперь я чувствую, что еще одно событие прячу в тот же ящик, который никогда не хочу открывать. Неважно, что сделал мой мозг, но это сработало, и я не хотела покидать свое состояние тихого умиротворения. В голове заметно прояснилось. Адреналин и напряжение вымылись из моих конечностей, и я ощущала себя обмякшей и безвольной. Некоторое время я плавала в полудреме, по-прежнему прижимаясь лицом к куртке Хоука.

Хоук.

Хоук отверг тебя.

Это была первая четкая мысль, возникавшая в моей голове, когда я наконец-то открыла глаза.

Второй мыслью была: *«Господи, чем ты думала, заставляя его так тебя трогать?»*

Внезапно возникло смущение. Я не знала, почему сделала это или почему жаждала прикосновений сильнее, чем когда-либо. Забравшись с головой под одеяло, я застонала. Как мне теперь смотреть ему в глаза? От такого легко не отделаешься.

Какое-то время я лежала под одеялом — некая версия черной дыры, в которую мне можно залезть. А потом услышала звук распахнувшейся двери и приближающихся шагов. Тут же открыв глаза, я напряглась, гадая, уж не Хоук ли это?

— Сладкая, ты проснулась?

Напряжение рассеялось. Это был Джесс.

— М-м-м-м, — простонала я в ответ.

Кровать прогнулась, и он нырнул под одеяло рукой, нащупывая мое тело.

— Ты в порядке? — спросил он, поглаживая мою обнаженную руку.

— М-м-м-м, — промычала я, не в настроении разговаривать.

— Ты сегодня собираешься вставать?

— Зачем?

— Тебя ждет работа, — мягко объяснил он. — Но ты можешь взять выходной. Я пойму. Просто хотел узнать, потому что собираюсь туда...

— Я иду, — уже окрепшим голосом прервала его я.

Я почувствовала, как он немного замешкался, а потом стащил с меня одеяло. Его голубые глаза встретились с моими — Господи, они были грустнее обычного. Волосы растрепаны, словно он только что встал с постели и пришел в мою комнату, как будто важнее меня для него ничего не было. На нем были только короткие черные шорты, а накачанная татуированная грудь демонстрировала пирсинг в сосках в нескольких сантиметрах от моего лица. Это было возбуждающее зрелище, но не вызывало того тепла внизу живота, как рядом с Хоуком.

С выражением сомнения на лице Джесс взглянул на меня в упор.

— Ты уверена? — спросил он, прикусывая пирсинг в губе.

Я кивнула.

— Буду готова через полчаса.

Он кивнул.

— Тогда я собираюсь и жду тебя на улице.

Он встал и, медленно выходя из комнаты, оглянулся через плечо.

— Если тебе до этого что-то понадобится, дай знать, — добавил он, после чего исчез.

Обычное дело для Джесса — захотеть побыть здесь со мной, и мне стоило бы попросить его остаться, чтобы иметь возможность высказать всю тяжесть, осевшую в груди после прошлой ночи, но я не хотела грузить его этим. Он просто прикажет мне остаться, а клуб на данный момент — последнее место, где мне хотелось бы находиться.

Мне нужна работа.

Уйти в нее с головой и забыться.

От всех этих мыслей меня отвлек совершенно некстати зазвонивший телефон. Я снова застонала, схватила его с тумбочки и открыла глаза, чтобы прочесть высветившееся на экране имя.

Мама.

Я нахмурилась и сбросила звонок. Через пять секунд телефон снова зазвонил. Господи, она не отвяжется. В этот раз я уже несколько дней уклонялась от нашего ежемесячного телефонного разговора, и, на самом деле, лучше покончить с этим сейчас. Злобно зыркнув на экран, я, наконец, ответила.

— Алло?

— Тайлер, это мама, — сказала она. Ее язык уже заплетался, хотя

было... что, уже в восемь утра?

— Да, мам, я так и поняла. Не знаю, зачем ты каждый раз озвучиваешь мне это.

— На тот случай, если ты забудешь мой голос.

— Поверь, твой голос невозможно забыть.

Она не обратила внимания на мою резкость.

— Ты не отвечала на мои звонки.

— Я была занята.

— Ну, я просто интересуюсь, когда ты сможешь приехать и познакомиться с Полом?

— С кем?

— С моей второй половинкой. Я познакомилась с ним в церкви. Тайлер, это тот единственный.

— Ты ходишь в церковь?

— У них бывают мероприятия с бесплатной выпечкой, а я обожаю кексы этой религиозной сучки из соседнего квартала. Здорово, что туда пускают всех подряд, правда? Нужно всего-навсего перекреститься, и они прощают мне все мои грехи.

— Ты понимаешь, что это безнравственно?

— На хрен нравственность. Ты лучше, чем кто-нибудь другой, знаешь, как мы жили.

— Папа никогда не поперся бы в церковь и не крестился бы ради бесплатной булки.

— Дорогуша, ради таких кексов сам Ганди пошел бы на убийство. Кстати, на самом деле, это твой гребаный папаша испортил мне репутацию.

— Мам, когда вы познакомились, ты была стриптизершей.

— А потом перебралась в Хайгейт, чтобы начать все сначала и зажить достойной жизнью.

— На его деньги, заработанные для клуба.

— Слушай, я не жалуюсь. В этом нет ничего плохого. Красть всегда легче, когда люди делают вид, что не замечают этого, верно? — она закудала в трубку, а я просто... не сказала ни слова. Вроде как... и сказать тут нечего. Люди постоянно называли моего отца развратником и донором спермы, но я слышала, что есть похожий термин для матерей, которым на все плевать.

— «Матка напрокат»? — пробубнила я себе под нос, вспоминая подходящие слова. — Или... «Прокат яйцеклеток»? «Бесплатные трубы»?

— Что? — переспросила она в замешательстве. — Ты напилась?

— Уф-ф, нет, иначе меня сочли бы алкоголиком, если уже в восемь

утра я была бы пьяной, не так ли, мама? — сказала я. — Просто пытаюсь придумать универсальное слово, характеризующее тебя как родителя. Обдумываю, как бы тебя назвать. Например, заочная мама, которую заботит только текила и которая звонит мне, чтобы похвастаться своими радостями, но никогда не интересуется моей жизнью. Что-то в этом роде. У тебя есть какие-нибудь предложения, мам?

— Пошла ты на хер, Тайлер Уилсон, ты такая же, как твой папаша.

Я кивнула.

— Твои комплименты, как всегда, очень приятны.

— Это не комплимент. Он был гулящей скотиной.

— Ты трахалась с моим инструктором по каратэ.

— Откуда, черт возьми, ты это знаешь?

— Потому что в помещении для занятий ты заставляла меня смотреть гребаного Мори, когда уходила с ним в соседнюю комнату! *(Примеч.: скандальное ток-шоу на американском ТВ).*

— Почему ты так со мной разговариваешь? — она резко решила разыграть из себя жертву, понимая, что оказалась загнанной в угол и ответить ей нечего. — Я была матерью-одиночкой. У меня не было крепкого плеча, на которое можно опереться. Как ты смеешь? Ты превратилась в животное, как и все остальные обезьяны в этом клубе.

— Ну и прекрасно. Что ж, мы отлично пообщались. С нетерпением буду ждать нашего разговора в следующем месяце, когда вместо Патрика появится Кристофер.

— Пол! — выкрикнула она.

— Хорошего дня, дорогая мамочка.

Я нажала «отбой» и сердито швырнула телефон на тумбочку. Он проехался по ней и упал на пол. Тьфу! Собравшись с силами, я, наконец, сбросила с себя одеяло и встала с постели. Быстро залезла под душ и, намыливаясь, с ужасом обнаружила, что между ног все еще пульсирует. Я почти поддалась искушению позаботиться о себе самостоятельно, но, стоило моим пальцам коснуться клитора, как удовольствие сменилось тошнотворным чувством. Я не могу этого сделать. Не могу мастурбировать, когда мое тело все еще дрожит после вчерашнего. Немного всплакнув в попытке избавиться от этого парализующего страха, я сделала воду погорячее, чтобы расслабить напряженные мышцы. Закончив, я откопала свой серый рабочий комбинезон и оделась. Стараясь не смотреть на розовое полотенце возле раковины, я взглянула на себя в зеркало и съежилась при виде темных кругов под глазами. Теперь я не только ощущала себя жалкой, но и выглядела так.

Жалкое зрелище.

А все из-за Юрия. Если бы он не вытащил пистолет, то не умер бы, а я не чувствовала бы себя такой измученной. Эгоистичный ублюдок. При воспоминании о нем волосы зашевелились на затылке. Его настойчивое требование заполучить меня не имело смысла, и, я знаю, Хоук это понимал.

И снова мой разум напомнил мне о его отказе. Очень, очень унижительно.

Забей, Тай. Подумаешь, Хоук отверг тебя. Он всего лишь беглый зэк с нелепой бородой.

Эта вдохновляющая речь помогла, и мне немного полегчало. Я попыталась спасти лицо при помощи тонального крема, но через пару секунд бросила это бесполезное занятие. Чего уж тут притворяться — насрать мне, как я выгляжу. Поэтому, пропустив этот этап, я не спеша смыла розовый лак и подстригла ногти практически под корень. Это всегда было самым отстойным — после окончания теоретической части в классе возвращаться в грязь авторемонтной мастерской. Обычно я не появлялась там достаточно долго, чтобы руки успевали снова стать гладкими и шелковистыми. Я накрашилась, завязала волосы и потом еще долго сидела на унитазах, пытаюсь примириться с болью, от которой сжималось сердце и сбивалось дыхание.

Юрий умер, а ты жива. Так случилось. Все закончилось. Двигайся вперед.

Я вышла из спальни. В клубе царила тишина. Единственное время, когда здесь нет адского шума. Двери всех спален, мимо которых я проходила, были закрыты. Остановившись перед комнатой Гектора, я постучала. Не получив ответа, открыла дверь и заглянула внутрь. От увиденного я закатила глаза. Гектор с голой задницей лежал на животе, а на его спине растянулось обнаженное тело Шей, которая прижималась к нему так, словно он был ее спасательным кругом. Похоже, ему очень сильно нужно было пристроить свои яйца, потому что он знал, какая Шей прилипчивая, и неоднократно говорил, что она мало его возбуждает. Как бы то ни было, мне была прекрасно знакома вся процедура: он вышвырнет ее из комнаты, едва откроет глаза, но она по-прежнему будет продолжать хотеть от него детей и выжидать, когда для его члена опять наступит безвыходная ситуация. Временами это напоминало заезженную запись.

— Гектор, — прошептала я, стоя в дверях.

Он не шелохнулся. Я на цыпочках вошла в комнату, перешагивая через беспорядочно разбросанную одежду. Я старалась не слишком присматриваться, но, реально, довольно трудно не заметить валяющиеся

тут и там использованные презервативы, и у меня не было желания наступить на один из них. Мне давно пора завести защитный костюм.

— Гектор, — шепнула я снова и потрясла его за плечо. — Ты сказал мне прийти за мазью.

Я потрясла его чуть сильнее, но он не то что не просыпался, но даже не шевелился. Господи, сколько же он выпил? Вздохнув, я пошла в его ванную (она выглядела, как после чертовой бомбежки) и обыскала шкафчики. Найдя контейнер с мазью под раковиной, я засунула его в карман, пытаюсь понять, как сама себе смогу намазать спину. Это сможет сделать Джесс. Не прошло и секунды, как я выбежала и пошла по коридору.

Джонни уже не было в гостиной — аллилуйя! Но я заметила Мерси — черную дворнягу, прибившуюся к клубу несколько лет назад. У этого злобного ублюдка характер мало сочетался с кличкой. Если Мерси окружают чужаки и он чувствует угрозу, то милосердие — последнее, на что они могут рассчитывать. По пути на кухню я потрепала его по голове, и он лениво помахал в ответ хвостом. Наш беспощадный зверь питал ко мне слабость — возможно, потому что я втихаря подкармливала его чаще дозволенного.

— Куда собралась?

Я подскочила и оглянулась. Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, откуда раздался голос Хоука. Скрестив руки, он сидел на углу разложенного дивана и выглядел таким чертовски усталым, словно со вчерашнего вечера так и не сомкнул глаз.

— Я не заметила тебя, — тихо сказала я, и мои щеки тут же вспыхнули при воспоминании о прошлой ночи. — Мог бы лечь на диване.

Он кивнул в сторону Мерси.

— Эта псина хотела обглодать мне лицо.

— Просто он не очень хорошо тебя знает.

— Да, согласен, но все равно он злобный ублюдок.

Я улыбнулась, и это получилось искренне. Боже, от одного его вида все мои страхи улетучились.

— Значит, он хорошо справляется со своей работой.

Уголки губ Хоука приподнялись. Ощущая себя неловко, я какое-то время топталась на месте и пыталась понять — разговор окончен или я должна как-то сама его завершить. Честно говоря, я была рада видеть его здесь. В глубине души я ожидала, как выйду и увижу, что его байк исчез вместе с ним. Однако, с другой стороны, для меня было бы лучше, если бы он уехал. Мысль о встрече с ним после того, как прошлой ночью я заставила его прикасаться ко мне, приводила меня в ужас.

Интересно, а он тоже думает об этом? О прошлой ночи. О его руке там. О том, как я задыхалась, как гребаная порнозвезда и твердила, что хочу его. Но он вел себя так, будто ничего не было, поэтому... я успокоилась...*почти*.

Внезапно вспомнив изначально заданный мне вопрос, я указала на свой комбинезон и ответила:

— А, это я собираюсь на работу. Возвращаюсь в мастерскую после курса теории.

Он кивнул.

— Правильно. Удачи на работе.

И вот теперь разговор был закончен. Я кивнула в ответ, слегка разочарованная его равнодушием. Да, он определенно хочет отвяжаться от меня. И это *совершенно точно* из-за того, что он щупал мою промежность. Или, точнее, был вынужден щупать мою промежность — твою мать, я заставила его. Меня передернуло от отвращения к себе, и я прошла на кухню. Какое-то время я стояла, содрогаясь от собственной дурости, после чего схватила из кухонного шкафа коробку с батончиками мюсли и чуть не выругалась, увидев, что из двенадцати штук в коробке осталось только два. *Хоть бы раз* эти мудаки купили что-то взамен того, что сожрали.

Несколько секунд я таращилась в коробку, размышляя, как мне вести себя с ним. И пришла к выводу, что нужно вести себя, как обычно, чтобы еще больше не усложнять ситуацию. Мне просто нужно... расслабиться. Я кивнула сама себе и сделала глубокий вдох. Да, расслабься и просто... веди себя, как обычно.

Но, выйдя из кухни и едва увидев его сексуальное лицо, я поняла, что обречена.

Черт, что со мной происходит?

Остановившись на полпути, я на секунду повернулась в его сторону. Он по-прежнему смотрел на меня и, положив руку на сердце, добавлю, что я с трудом могла сдерживаться. Я заставила себя отвернуться, но тут же остановилась и снова повернулась к нему. Блядь, я все только испорчу и...

— Тебе что-то нужно, Тай? — спросил Хоук.

Сердце заколотилось сильнее, когда до меня дошел смысл его вопроса. Нужно было просто сказать «нет» и уйти, но потом... что, если я вернусь, а он уже уедет. К тому же, можно воспользоваться этой возможностью и поговорить с ним, и... замаявшись, я вытащила из кармана мазь и показала ему.

— Гектора не добудиться, — пояснила я, избегая смотреть ему в глаза.
— Ты не мог бы мне помочь?

— Ты хочешь, чтобы я намазал тебя? — спросил он, понижая голос.

Знаете ли, я каждый день нахожусь в обществе развратников и пошляков, но, блядь, когда дело дошло до Хоука, мое лицо непроизвольно вспыхнуло. А я даже не была уверена, что он намекал на что-то непристойное.

— Да, Хоук, — ответила я, пытаюсь скрыть румянец, — разве не для этого нужна мазь?

— Я просто хотел уточнить, Тайлер.

Я просто смотрела на него и молчала, потому что в голове было пусто, и единственное, что могла бы выговорить, это кучу заикающихся «зм». Поэтому просто показала ему поднятый вверх большой палец.

Охренеть! Поднятый большой палец.

Какого хрена?

Он встал и громко зевнул, выпятив грудь — ей-Богу, он такой крепкий и мощный — а черная футболка еще больше подчеркнула ширину его плеч. Подойдя ближе, он взял из моей руки мазь. Слегка вздрогнув, я повернулась к нему спиной и расстегнула комбинезон, спустив его до бедер.

По крайней мере, тебе не придется смотреть ему в глаза.

— Майку тоже, — сказал он непривычно низким голосом.

— Что? — переспросила я.

— Майку. Ее тоже снимай.

Точно.

Я сняла майку и прикрыла ею грудь. Снова возникло ощущение полной незащитности, но, как ни странно, стоя спиной и не видя его, я быстро успокоилась.

— Что-то подсказывает мне, что раздевать — это по твоей части, Хоук, — нахально сказала я, пытаюсь разрядить обстановку.

Его пальцы коснулись моей спины, покрывая татуировку прохладной мазью.

— Только когда ты покрыта кровью или тебе нужно помазать татуировку, Тайлер, — ответил он.

— И это все? — настаивала я по большей части из любопытства. — Потому что я видела, как прошлой ночью ты паялся на мое тело, и это был не просто осмотр.

— Всегда приятно полюбоваться на красивую женщину.

— О, сейчас я уже *женщина*?

— Знаешь, ты на нее чертовски похожа.

Я прикусила губу, думая о прошлой ночи, и спросила:

— Но не настолько, чтобы к ней прикоснуться?

Движения его пальцев замедлились, и он негромко усмехнулся.

— Твою мать, а ты здесь отрастила себе яйца, да?

— Вокруг меня одни парни. В таком окружении яйца отрастают автоматически.

— Да, — пробормотал он. — Не знаю только, хорошо ли это.

На несколько секунд повисло молчание, и я поняла, что нет смысла дальше прятать шило в мешке, иначе мне никогда не избавиться от чувства неловкости.

— Хм, Хоук, — ну, *понеслась!* — к вопросу о прошлой ночи, когда я положила твою руку между...

— Не понимаю, о чем ты, — отрезал он, прерывая мои извинения, даже не дав им начаться.

Я мысленно улыбнулась, благодаря его за то, что он не хочет ворошить это.

— Сейчас давай-ка о твоей профессии. Механик мотоциклов? С какого хрена?

Я засмеялась.

— Это все Джесс. Думаю, все было не всерьез. Наверное, он хотел поприкалываться. После окончания старшей школы я оказалась в затруднительном положении, потому что не знала, чего хочу, и он в шутку пригласил меня в автомастерскую. А я взяла и согласилась, чтобы стереть с его лица эту дерьмовую ухмылку.

— И что потом?

— А потом я решила попробовать, потому что скучала, да и терять мне было нечего.

— Обычно девушки этим не занимаются.

— Чем?

— Ремонтом машин.

— Да, но, как мне кажется, мы уже выяснили, что я не похожа на других девушек.

Он задумчиво пробурчал:

— Да, не похожа.

Спустя еще несколько минут тишины, Хоук опустил руки и закрыл контейнер с мазью. Я быстро натянула майку и повернулась к нему, пытаюсь понять его настроение.

— Ты не одобряешь того, что я там работаю? — любопытствовала я.

Он снова взглянул на меня, на этот раз задерживаясь взглядом на моих пальцах, застегивающих кнопки комбинезона.

— Мне нравились розовые ногти.

Мои пальцы замерли, и я взглянула на свои коротко подстриженные ногти, сожалея о том, что стерла лак.

— Но и замасленный вид мне тоже нравится, — добавил он, и уголки его губ трогательно приподнялись, застыв в какой-то полуулыбке. — Меня заводят женщины, которые не боятся испачкать руки, дорогуша. Ты способна на такое, и это очень сексуально.

Жар прилил к моим щекам.

— Ты находишь меня сексуальной?

— Зачем ты делаешь вид, словно до тебя туго доходит? Разве я не ясно выразился?

Я поджала губы, чтобы не улыбнуться, и ответила его же фразой:

— Я просто хотела уточнить.

Он улыбнулся, и при виде этого мое сердце дрогнуло. Хоук знал, что делает со мной. Знал, каким красивым я его считаю — даже с этими чертовыми длинными волосами. Он шагнул ко мне, и я почувствовала его руку на своем бедре. Прикосновение было настолько неожиданным, что я практически остолбенела. Широко открытыми глазами я наблюдала, как он приближается, не отрывая от меня взгляда. Хоук встал ко мне вплотную, и я начала гадать, что же он собирается сделать, когда что-то твердое уперлось мне в бок. Он медленно засовывал контейнер с мазью обратно в мой карман. Подлый ублюдок. Приблизив губы к моему уху, он хрипло сказал:

— Да, ты охуенно сексуальна, Тайлер. К тому же, ты ребенок клуба, поэтому должна покинуть мою спальню.

Он бросил на меня последний взгляд — и я клянусь, далеко не равнодушный — и прошел мимо, слегка коснувшись моей руки. Покинув кухню, он двинулся по коридору, а я смотрела ему вслед. Внутри возникло желание пойти за ним, чтобы снова испытать ощущение его сопротивляющейся руки на моей промежности. Но я заставила себя остановиться — снаружи ждет Джесс, пока я соберусь на работу, и... вряд ли у меня найдутся силы пережить еще один унижительный отказ.

Я вышла из комнаты и остановилась в коридоре, заметив приоткрытую дверь своей спальни. Осторожно подкравшись, я заглянула внутрь. Хоук стоял спиной ко мне с прижатым к уху телефоном.

— Мне нужно связаться с Абрамом. Попроси, чтобы перезвонил мне, как только сможет, — после чего сбросил вызов, снял грязную футболку и, бросив ее на пол, направился в ванную.

Господи, он был таким мускулистым. У него это выглядело очень

сексуально, в отличие от отвратительного вида парней, накачанных стероидами, у которых мускулы выглядели, как воздушные шары.

Твою мать, я снова почувствовала себя сексуально озабоченным подростком. Одного взгляда на это эротичное зрелище оказалось достаточно, чтобы меня охватило возбуждение и сводящий с ума жар.

— Если ты не планируешь присоединиться ко мне в душе, то даже не представляю, что еще тебе нужно, Тайлер! — выкрикнул Хоук.

Черт!

Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Я развернулась и бросилась вон — быстрее, чем могла, но медленнее, чем хотела.

Когда я вышла, Джесс уже ждал. Увидев меня, он завел свой «Харлей» и ожидал, пока я усядусь. С трудом передвигая ноги, я приближалась к нему, увеличивая дистанцию между собой и Хоуком. Джесс протянул мне шлем, и я медленно надела его. Застегивая ремешки, я не отводила взгляда от мотоцикла Хоука, который стоял на своем персональном парковочном месте.

Вот единственный мотоцикл, на котором мне хотелось бы оказаться, обнимая мужчину — и совсем не Джесса.

— Ты в порядке? — спросил Джесс, обеспокоенно оглядываясь на меня.

Я кивнула и неохотно обняла его. Закрыв глаза, я на несколько секунд представила себе, что это Хоук.

Глава 13

Тайлер

Все утро я занималась мартышкиным трудом: то приносила кофе и завтраки парням, то моталась по разным поручениям, типа забрать детали у парочки наших поставщиков — дерьмовый рабский труд. Утешало одно: по крайней мере, я не возилась в грязи на жаре, как все остальные. К моменту моего возвращения — к обеду — парни сказали, что Джесс хочет видеть меня в своем кабинете. Там я и нашла его — откинувшегося на спинку стула, с закрытыми глазами, в обществе своей последней «помощницы», помогавшей в данный момент его члену.

— Вот блядство! — громко выругалась я, с отвращением отворачиваясь в сторону от ее двигающейся вверх-вниз головы. Сначала Джонни, а теперь он? Раньше он такого себе не позволял.

Я услышала скрип стула под Джессом.

— Тебе пора, — приказал он ей.

— Я могу закончить с тобой, — настаивала она.

— Я сказал, уходи, — сердито повторил Джесс.

Она быстро вскочила на ноги, застегнула блузку и вышла из кабинета с ухмылкой на покрасневшем лице. Я громко захлопнула за ней дверь и сердито взглянула на Джесса.

— Мог хотя бы закрыть дверь.

— А ты могла бы и постучаться, — возразил он, поправляя рукава рубашки.

— Я никогда не стучусь. Каждый раз, приходя к тебе, я просто открываю эту чертову дверь, и никогда никаких проблем не возникало.

Он закатил глаза и засунул свое хозяйство в штаны. Не знаю, может, мне показалось, но я увидела татуировку на его члене.

— Ладно, Тайлер, не кипятись, — пробормотал он. — Никогда бы не подумал, что ты такая стеснительная.

— Стеснительная? — я раздраженно скрестила на груди руки, выходя из себя оттого, что мне приходится терпеть все это. — Это последнее, что во мне есть, и тебе это известно. Но мне кажется нормальным, что я не хочу видеть подобное перед глазами в рабочее время. Это к вопросу о профессионализме, Джесс.

— Я босс, — резко обрубил меня он, — и владел этой долбаной

мастерской задолго до того, как присоединился к вашему гребаному клубу. Я могу делать, что хочу и с кем хочу. Не надо разговаривать со мной так, словно я не твой начальник, поняла?

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы не выйти из себя окончательно, и просто пристально посмотрела на него. Он выглядел уставшим и раздраженным. Таким я его видеть не привыкла. Джесс всегда улыбался и шутил. Интересно, что его так разозлило.

Минуту спустя гнев на его лице рассеялся, и он взглянул на меня с раскаянием.

— Прости, сладкая, я не собирался набрасываться на тебя. Просто... я на взводе, понимаешь? Мне нужно было расслабиться.

— Прошлой ночью не получилось?

— Нет, — на мгновение его лицо снова помрачнело. — Прости, ты не должна была этого видеть. Не пойму, что за херня на меня нашла. В голове помутилось — наверное, не выспался.

Я понимающе кивнула.

— У всех нас бывают паршивые дни. Что ты хотел, Джесс? Парни сказали, что ты меня спрашивал.

Увидев, что я не злюсь, он расслабил плечи, и выражение его лица снова смягчилось.

— Будь моя воля, я отымел бы тебя так же, как Миранду несколько минут назад.

О, отлично, к нему вернулась способность в шутку постебаться.

Я сдержала улыбку.

— Будь моя воля, я в первую очередь оторвала бы твой член, чтобы на него не претендовали сучки, вроде *Миранды*.

Его глаза загорелись.

— Ты ревнуешь?

— Ничего подобного.

— Просто я нуждаюсь в ней.

— Нуждаешься в ее обслуживании.

— Нет. Она мой личный помощник.

— Ты имеешь в виду, твой личный спермоприемник?

Он просто улыбнулся.

— Обычно это я дарю наслаждение, Тайлер. Мне это нравится больше, но у нее действительно не получилось доставить удовольствие мне. Я решил, что своими большими пухлыми губами она поможет мне. Но вместо того, чтобы сосать, она клацала зубами, как акула из «Челюстей».

— Довольно подробностей, приятель.

— Знаешь, что пошло бы мне на пользу? Обслужить *тебя*.

Этот парень в своем репертуаре.

— Чувство собственного достоинства не позволит мне быть с парнем, которому только что отсосали.

— Я мягкий, как вареная макаронина, Тай. У нее ни хрена не получилось. Но ты... Боже, мы раскачаем этот мир. Я все еще жду, когда ты сдашься.

Я закатила глаза.

— Как насчет того, чтобы я пообещала осуществить это, когда нам стукнет лет по девяносто. Заключим нечто вроде договора.

— Девяносто?

— К тому времени я буду уже опытной. Представь, как отлично я смогу отсасывать с беззубой челюстью.

— Блядь, звучит так, будто у нас есть, к чему стремиться. Не хочешь попробовать меня сейчас, чтобы потом было чего с нетерпением ждать?

— После того, что я видела, уверена, твой член сейчас со вкусом малиновой слюны, поэтому — нет.

— Звучит, как смертный приговор, и это трудно понять. Девчонки хотят меня, а ты нет.

Я вздохнула, уловив мрачные нотки в его словах.

— Ладно, я не собираюсь обсуждать это. Скажи, чего ты хотел, Джесс, и я вернусь к работе.

Откинувшись на спинку стула, он пристально взглянул мне в лицо, и его улыбка начала медленно исчезать.

— Твою мать, Тай, я серьезно. Мне надо было проверить, как ты себя чувствуешь.

— Ты о чем?

Он приподнял брови.

— О том, что из-за тебя Хоук убил человека. Прямо на твоих глазах. А ты, вместо того, чтобы до сих пор беспокоиться об этом, берешь и на следующее же утро выходишь на работу.

— О, ты хочешь поговорить о *чувствах*? Не знала, что в тебе скрывается психотерапевт.

— Тайлер, я серьезно.

Я отвернулась от его взгляда и уставилась в стену. Держать все это в себе было тяжело.

— Справедливости ради напомню, Джесс, что Юрий приставил к моей голове пистолет.

— Да, я знаю, но... блядь, сладкая, это было слишком дерьмово. Я

знаю, ты повидала драк между парнями и привыкла к виду крови. Но это не имеет ничего общего с прошлой ночью. Я волнуюсь за твою психику. От этого не получится с легкостью отмахнуться.

— Я в порядке, — соврала я, пытаюсь в очередной раз не вспоминать безглазое лицо Юрия. — Тебе не стоит волноваться.

— Конечно, стоит, — с горячностью ответил он. — Ты одна из нас! Часть семьи! Это означает, что мы должны присматривать друг за другом. Единственное, чего мы никогда не допускали в клубе — это такого зверства. И никогда в жизни не хотели, чтобы ты стала свидетелем подобного. Не знаю, о чем нахрен думал Хоук. Он должен был остановить все это в ту секунду, когда был выхвачен пистолет.

— Хоук защищал меня, — твердо ответила я, вспоминая сказанные им прошлой ночью слова. — Люди, вроде Юрия, не меняются. Они просто возвращаются и наглеют все больше. Хоук был вынужден это сделать — я его понимаю.

Джесс недоуменно посмотрел на меня.

— Но это было охуенно жестоко!

— Это было необходимо.

Теперь уже он замолчал на мгновение.

— Ты... между вами что-то есть?

Я снова перевела взгляд на стену.

— Нет.

— Тогда почему ты так спокойно к этому относишься?

— Это не так. Просто у меня... больше, чем у остальных, способностей справляться с такой херней.

Лгунья. Я была совершенно не способна справиться с этим, поэтому Хоуку пришлось баюкать меня, как долбаного младенца. Но, вашу мать, его заботы оказалось достаточно, верно? Во всяком случае, пока я все не изгадила, притянув его руку себе между ног. Хотя он и так касался меня везде. Может, это только в моем воображении, но я готова была поклясться, что его рука задержалась на моей заднице дольше, чем везде.

Вау.

Но это точно так и было.

И это делало его отказ гораздо более терпимым.

Джесс не выглядел полностью убежденным. На самом деле, он выглядел испуганным.

— С таким никто не способен справиться.

— Джесс...

— Ты ведь знаешь, я много думаю о тебе, — прервал он меня, и его

голос стал мягче. — Я думаю, как сделать твою жизнь лучше и здесь, и в клубе — я готов на все, чтобы только ты не сбежала и не оказалась в чем-то ужасном, что творится повсеместно. Я боюсь, что ты уйдешь.

— Я знаю и ценю это. Ты всегда был хорошим другом.

— Другом? — усмехнулся он, но улыбка вышла какой-то неестественной. — Будь я твоим другом, Тайлер, то не занимался бы этой херней. Я делаю это для того, чтобы твои гребаные глаза наконец открылись, и ты поняла — я смогу уберечь тебя, если ты будешь моей и поделишь постель со мной, вместо того, чтобы каждую ночь спать в постели Хоука.

Я сцепила руки в замок, во второй раз ощутив неловкость момента. Мне просто хотелось вернуться на работу и думать о руках Хоука на моей заднице, а не выслушивать чепуху от Джесса.

— Черт возьми, Джесс, что ты хочешь от меня услышать? У меня и так забот полон рот, и твое предложение насчет постели — это не то, что мне нужно.

Он склонился над столом и серьезно взглянул на меня.

— Я тоже убил бы Юрия за тебя, ты ведь понимаешь это, да?

Нахмурившись, я встретила его взгляд.

— Это не соревнование.

— Всем известно, что в присутствии Хоука твой образ примерной девочки разрушается. Я заметил твой яркий румянец, стоило ему только войти в клуб вчера вечером. Даже сейчас ты пытаешься скрыть его.

— Поздравляю. Вот сейчас, благодаря тебе, мне действительно чертовски неловко.

— Я просто говорю то, что есть, и не собираюсь щадить твои уши, когда речь идет о Хоуке. Он убил огромное количество людей — больше, чем все мы вместе взятые за всю историю клуба, Тайлер. Ты знала об этом? Он безжалостен. Блядь, он наемник Бордена и не скрывает этого. В своих фантазиях ты идеализировала его образ и не хочешь замечать того, что и так очевидно.

Я ненавидела Джесса за то, что поставил меня в такое положение. Он что, серьезно пытается сейчас сравнивать себя с Хоуком? Ведь это все равно, что сравнивать апельсин и яблоко, и я хотела свое заботливое яблоко, а не апельсин, трахающий тупых девок в своем офисе и сравнивающий их минет с вкусом акулы.

Я прищурилась.

— А что для меня очевидно, Джесс? Для меня сейчас очевиден мужик, которому отсосали минуту назад. Мужик, всегда окруженный шлюхами с

голыми сиськами и постоянно греющий в них свой член на пару со своим добрым приятелем Гектором. Так что извини, что не купилась на твою искренность и не прыгнула к тебе в постель, как твои безмозглые потаскухи.

— Я просто рассказал тебе все, как есть.

— Я не желаю это выслушивать! Хоук даже не хочет меня, и я узнала это на собственном горьком опыте, понял? Это было унижительно, и мне до сих пор все еще стыдно, но это только *мое* дело, а не *твое*. И даже если случится невозможное, и он каким-то чудом захочет меня, решать буду только я *сама*.

Он помрачнел.

— Я понимаю это, ясно? Но ты знаешь меня достаточно давно, чтобы доверять — у меня ничего не будет ни с одной девушкой, если в моей постели будешь спать ты.

— Джесс, мы *друзья*. И по-другому я на тебя не смотрю. Даже мысль о том, чтобы трахаться с тобой, для меня приравнивается к инцесту.

Он пожал плечами.

— Ничего противоестественного не будет в том, что мы, при случае, попробуем это.

— Стоит тебе только позволить подобное, так ты только этим и будешь заниматься. *Это* полная херня, и я никогда не буду рассматривать тебя с этой стороны.

— Ты единственный ребенок в семье, Тайлер. Поэтому такие мысли — не одно и то же, что думать так о своем родном брате.

Какого хера?

— Почему мы вообще об этом разговариваем? Это извращение.

— Черт, я не знаю. В какой-то момент я просто забыл, с чего мы начали. Дай мне секунду, чтобы вспомнить.

Несколько секунд он усиленно напрягал мозг, а я сама себе не верила, что давала ему возможность делать это. Наконец, вздохнув, я сдалась.

— Джесс, хватит валять дурака.

— Я пытаюсь заставить тебя понять, что Хоук не похож на меня, и это здорово. Я здесь для тебя. И, убивая кого-то из-за тебя, я был бы более внимательным, понимаешь? По крайней мере, заставил бы тебя отвернуться.

— Это очень мило с твоей стороны, — сухо сказала я.

— Я лучше его.

— Разве вы оба не можете быть хорошими — каждый по-своему?

— Тай, у него лицо, как у гребаного манекена. Даже те, кто достаточно

близки к нему, большую часть времени просто не могут понять, есть ли у него хоть какие-то чувства. Плюс ко всему, его борода в наши дни выглядит чертовски нелепо. Он придерживается стереотипного образа байкера, и на его фоне симпатичные парни, вроде нас с Гектором, с виду производят впечатление слабаков.

— Джесс...

— Послушай, я реален, и я здесь, — перебил он меня, хлопнув по столу, чтобы подчеркнуть, насколько он здесь. — Не сближайся с ним. Он беглец и скоро уедет. Хоук — безнадежный вариант, сладкая.

И эти две жестоко-правдивые фразы лишили меня дара речи. Вот *так* истина бьет по лицу наотмашь.

Я чувствовала себя гребаным Ральфом из сериала про Симпсонов, когда Лиза разбила его сердце в День Святого Валентина. Мысленно представляла себе его лицо, искаженное болью от того, что она не *выбрала* его.

Долбаная Лиза.

Долбанный Джесс.

Банда сердцеедов — их большинство.

Взглянув на меня, Джесс поморщился от моего совершенно опустошенного вида, который я не могла скрыть.

— Тайлер, — ласково и тихо сказал он, — прости, если я был мудаком. Мне просто не хочется, чтобы ты тратила свою жизнь, ожидая того, с кем не сможешь быть.

Я отвернулась и прочистила горло.

— Да, конечно, — ответила я, стараясь, чтобы слова звучали обыденно, но попытка не удалась.

— Ты страдаешь, — печально заметил он. — Может, тебе стоит пойти домой...

— Я в порядке.

— Твою мать, откуда у тебя такая броня? Я никогда не встречал такую девушку, как ты.

Моя броня ощущалась хрупкой и легкой, как пластик. Я просто делала вид, что она прочная, чтобы такие люди, как Джесс, оставили меня в покое.

— Я должна вернуться к работе, Джесс, — сказала я ему безжизненным голосом. — Увидимся позже.

Не дав ему возможности остановить меня, я выбежала из офиса. А потом долго сидела на своем верстаке и гадала: какого черта у меня такое чувство, будто я потеряла Хоука, хотя он никогда даже не был моим.

Глава 14

Хоук

Было уже за полдень, а Гектор до сих пор не спускался. Парни собрались в комнате переговоров за баром, чтобы обсудить ситуацию с Абрамом, но на данный момент никакого обсуждения *не* происходило, потому что все ждали, когда Спящая Красавица Гектор пробудится ото сна и выйдет из своего замка. Хоук скрестил руки и, откинувшись на спинку стула, смотрел на пустующее место во главе стола — туда, где должен был сидеть его брат.

Нет, туда, где должен был сидеть *он*.

Он не мог отделаться от этой мысли. Хоук скрипнул зубами и повернулся к Джонни.

— Ну, и что это?

Джонни взглянул на наручные часы и покачал головой.

— Да уж. Обычно к этому времени он встает. Может, выпил больше, чем обычно...

Сидевший напротив Хоука Гас смотрел на него испытывающим взглядом. Блядь, этот взгляд словно говорил ему: *«Видишь, Хоук? Твой брат ни хрена не справляется. Во главе стола должен сидеть ты»*.

— Маршалл, — сказал Хоук, — иди разбуди его. Мы не можем больше ждать этого говнюка.

Маршалл кивнул и сорвался с места. Они ждали еще десять долбанных минут, и для Хоука это были самые хреновые десять минут жизни, потому что каждую секунду он пытался выбросить Тайлер из своих мыслей. Она засела у него в голове с той самой секунды, как он вошел сюда, и Хоук не мог перестать о ней думать.

Это упругое маленькое тело.

Эти губы.

Эти проникающие в самую душу глаза.

Этот, мать его, взгляд.

А сегодня утром? Он чуть не застонал. Господи, в этом дурацком комбинезоне она выглядела так чертовски соблазнительно. Хоук почти поддался искушению свалить отсюда только ради того, чтобы просто увидеть ее, стоящую на коленях перед мотоциклом, с замасленными по локоть руками. А если бы это был его байк? Он сорвал бы с нее одежду,

развернул бы спиной к себе и созерцал бы эту задницу и татуировку над ней, пока Тай продолжала бы работать своими маленькими сексуальными руками. Но лак на ногтях он все-таки оставил бы, потому что пальцы с розовым маникюром охуенно сексуально смотрелись бы на его члене. Твою мать, он реально представил себе эту картину, и этого оказалось достаточно, чтобы член встал.

Блядь. Блядь. Блядь.

Хоук потер лицо, раздраженный своей неспособностью что-либо делать, не представляя в мыслях ее, словно помешанный на ней придурок.

Как ты можешь быть помешанным, если между вами ничего не было, идиот?

А он хотел, чтобы было. Он хотел Тайлер во всех возможных позах. Это невозможно было скрыть, но она выглядела такой хрупкой, когда стояла перед ним и притворялась сильной. Он видел Тайлер насквозь, и его успокоил ее уход. Вернее, то, что он сам позволил ей уйти.

Слава яйцам, дверь наконец-то открылась. Он наблюдал, как Гектор ввалился в комнату — волосы взлохмачены, лицо угрюмое, под глазами темные круги. На нем не было даже жилета с нашивкой. Нет, его ебанутый братец был голый до пояса и сжимал в руке только что открытую бутылку пива.

Охуеть, как здорово, да? Пьяный алкаш-Президент расхаживал с таким видом, словно для него это место не стоит и ломаного гроша.

Ухмыльнувшись Хоуку, он обогнул стол и занял свое излюбленное насиженное место во главе. Хоук никак не отреагировал на его надменное выражение лица, хотя готов был отдать все на свете, чтобы стереть эту улыбочку в стиле Брэда Питта своим кулаком.

— Где Леон? — спросил Гектор, оглядывая комнату. — Здесь не хватает Дорожного Капитана, а без него я не могу проводить заседание. *(Примеч.: Дорожный Капитан — член клуба, возглавляющий мотоколонну, если этого не делает Президент, а также прокладывающий маршруты поездов и отвечающий за безопасность в дороге).*

Гас протяжно вздохнул.

— Гектор, Леон в отъезде с прошлой пятницы, и мы не ждем его обратно раньше, чем через месяц.

— Президент, — поправил его Гектор, — на совещании ты должен обращаться ко мне официально, Гас. И тебе это известно.

Гас не ответил. Он просто взглянул на Хоука тем самым взглядом. Хоук поскреб зубами нижнюю губу и повернулся к брату.

— Ладно, Президент, нам нужно поговорить о...

— Я не к тебе обращался, — прервал его Гектор, делая большой глоток пива. — Ты не должен открывать рот, пока я не обращусь к тебе, Хоук. И, честно говоря, я вообще не понимаю, какого хера ты здесь делаешь. Ты больше не член клуба.

Гас сжал кулаки.

— Ты все еще пьян, Гектор, — сказал он, изо всех сил пытаясь сдерживать злобу в голосе. — И, видимо, поэтому мы должны напомнить тебе, что Хоук может занять твое место, когда, блядь, пожелает.

Гектора, казалось, это ничуть не взволновало, и он снова приторно улыбнулся.

— Но Хоук не хочет. Верно, брат? Ты можешь ответить, потому что сейчас я обращаюсь именно к тебе.

Хоук не клюнул на эту приманку. Вместо этого спокойно сказал:

— Когда ты вошел сюда, мы собирались связаться с Абрамом, чтобы попытаться замять эту историю.

Гектор глотнул еще пива.

— Не понимаю, чего мы беспокоимся. Нужно просто пристрелить ублюдка и продавать товар кому-нибудь другому. На рынке полно покупателей.

— Ты не общался с ними больше года, — огрызнулся Гас. — С чего ты взял, что они вообще захотят иметь с нами дело? Из-за того, что мы не поддерживали с ними связь, в делах образовалась приличная брешь, и это притягивает к нам разную мелкую херню, которая будет становиться только больше, если ничего не предпринимать.

Гектор бросил на Гаса мрачный взгляд.

— Блядь, да! Ты уже говорил об этом, Гас.

— И от тебя так и не поступило приказа предпринять какие-то действия. Мы теряем деньги! Гребаные тараканы продолжают требовать все больше, и скоро нам нечем будет им платить, если не увеличим продажи.

Не сводя взгляда с Гектора, Хоук постучал пальцами по столу и сказал:

— Нам нежелательно иметь такого врага, как Абрам. Он безжалостен и для нас недосыгаем.

— Да, как и Борден, пока не оказался под пытками. Помнишь? — возразил Гектор.

Черт, это невыносимо! Хоук не мог поверить, что его брат настолько ТУПОЙ!

— Давайте просто уладим это, — сказал он и вытащил телефон, не желая больше идти на поводу у своего алкаша-Президента. Хоук набрал

Абрама и, включив громкую связь, положил телефон на стол. Спустя четыре гудка, прозвучал ответ:

— Хотел наебать меня, Хоук? — сердито выкрикнул в трубку Абрам. Все присутствующие удивленно застыли, но Хоук ожидал этого.

— Я не хотел наебать тебя, Абрам, — ответил он. — Это случилось не просто так.

— На это были причины? — ответил Абрам, мгновенно заводясь.

— Позволь мне объяснить...

— Я хочу, чтобы ты притащил свою задницу к моему долбаному порогу, слышишь меня? Я хочу услышать обо всей той херне, которую сотворили с моим братом, от тебя *лично*, а не по телефону, как от трусливого пиздюка. Ты понял?

— Да, — ответил Хоук. — Я понял.

— А если ты надумаешь съебаться, я приду за твоим вонючим клубом. Разорву всех на куски, слышишь? Я заплачу тараканам вдвое больше, чтобы они упекли твою задницу в тюрьму, и назначу цену за голову каждого из вас. А потом нашпигую пулями ту маленькую шлюшку, которая живет в клубе, предварительно хорошенько ее оттрахав.

Тайлер.

Хоук сжал кулаки, изо всех сил стараясь не взорваться.

— Мне известно все, что там произошло. И если у тебя нет достойного оправдания, дело примет очень хуевый оборот, Хоук. У меня большие связи, вы, тупые ублюдки. Хочешь узнать, кого ты кинул? Блядь, тебе лучше не знать этого.

Продолжая сохранять спокойствие в голосе, Хоук ответил:

— Мне нахрен не нужно это знать.

— Через два дня я вернусь, и тебе лучше приехать ко мне. Но даже не вздумай присылать сюда со своими дерьмовыми извинениями Президента. Кончится тем, что я просто к херам пристрелю этого пиздюка.

Связь оборвалась, и в комнате повисла тишина.

Хоук пристально смотрел на брата, изучая его реакцию. Гектор побледнел и, поджав губы, отвернулся. Ему нечего было сказать, и для Хоука это не было сюрпризом. Но, твою же мать, маленький говнюк разочаровал его. Это все из-за него. Блядь, ВСЁ из-за его распиздяйства.

Поднявшись со стула, Хоук выхватил у Гектора бутылку и, перевернув ее вверх дном, вылил пиво на пол рядом с его стулом.

— Именно поэтому, — проскрежетал Хоук, глядя в сердитое лицо брата, — нам не стоит связываться с Абрамом. — Трезвей, *Президент*, — он бросил бутылку на стол и повернулся к остальным. — Мне известно об

Абраме все. Он не хочет войны. Он просто охуенно зол на своего тупого окочурившегося кузена. Мы разберемся с ним, но без оружия и стрельбы. Нам нужно соблюдать осторожность. Вашу мать, мы не в том состоянии, чтобы ввязываться в войну, потому что в этом гребаном клубе творится полный беспредел. А пока нужно позаботиться о безопасности, запастись оружием и, блядь, шмонать каждого, кто переступает порог. Вы в состоянии справиться с этим простым чертовым заданием?

Все кивнули.

— Отлично, и, мать вашу, не спускайте глаз с Тайлер, ясно? Этот хер не просто угрожал, что изнасилует ее — поверьте мне, он не откажется исполнить эту угрозу. Понятно?

Все снова кивнули.

Он покинул бар. Ему нужен был воздух. Хоук вышел с единственным желанием выпить какого-нибудь крепкого алкоголя, чтобы облегчить сжимающее грудь напряжение. Этот мудак угрожал не только клубу, но и Тайлер, как будто... как будто знал о ней все.

Вероятно, так и было.

Скорее всего, кто-то следит за ними снаружи, и, черт возьми, учитывая, с какой легкостью Гектор впускает людей, возможно, кто-то пасет их внутри клуба. Внезапно ситуация стала совсем дерьмовой. Хоук не сможет просто взять и вернуться в город. Теперь он должен предотвратить охуенного масштаба войну, потому что его долбаные идиоты-братья не потрудились сделать простой обыск на входе.

— Твою мать, Гектор, — пробормотал он себе под нос, качая головой.

Брат не годился для роли лидера, а его место никто не хотел занимать. Все понимали масштаб ответственности. Если ты не знаешь, что должен делать, то это равносильно неминуемому смертному приговору.

Кроме того, все хотели, чтобы Хоук вернулся, но... ему пришлось пройти сквозь такое количество дерьма, чтобы оказаться там, где он сейчас.

И он не был уверен, сможет ли справиться с еще бóльшим.

Глава 15

Тайлер

К концу дня стало легче. Работа неплохо отвлекла меня, а немного хорошей музыки и болтовня с парнями помогли более или менее прийти в норму. Я не ожидала, что, когда мы вернемся в клуб, Хоук все еще будет там. Я так удивилась — и чертовски обрадовалась — увидев на стоянке его мотоцикл.

Именно так — я буквально воспряла духом, а мое тело ожило. Спрыгнув с мотоцикла, я почти побежала ко входу. Войдя внутрь, я притормозила, анализируя диспозицию. Братья сидели в разных углах помещения: Гектор в одной стороне бара, Хоук в противоположной. Похоже, это было сделано умышленно, тем более, когда я заметила пылающий взгляд Гектора, устремленный на Хоука. Тот же, как обычно, не обращал на него внимания.

Внимательно оглядев обоих, я почувствовала витающее между ними напряжение. Мне было известно, что Хоук решал вопрос с Юрием и его поставками, и своим появлением в клубе подорвал авторитет Гектора, но я была благодарна за то, что он сделал это. Еще неизвестно, что произошло бы, если бы переговоры с Юрием вел Гектор. Это не значит, что Гектор позволил бы гаду увезти меня отсюда — я знала, он не согласился бы на это. Но, кто знает, как быстро он сумел бы среагировать на приставленный к моей голове пистолет.

Из-за этого Гектор так бесится, или, пока меня не было, произошло что-то еще?

Некоторое время я стояла и наблюдала. Джесс присоединился к Гектору и Маршаллу. Потом я заметила Гаса, Джонни и Кирка — они были рядом с Хоуком. Остальные члены клуба топтались посередине, не желая вмешиваться в явный раскол между братьями. Ситуация *совершенно очевидно* была пиковой.

Спустя пару мгновений, Хоук и Гектор одновременно посмотрели на меня. Это к слову о психологии родственных связей, или как ее там. Я не могла прочесть выражение лица Хоука, но у Гектора оно было ожидающим. Он ждал, что я присоединюсь к нему, и я оказалась словно между молотом и наковальней, словно мою преданность проверяли на прочность. Я неуверенно начала двигаться в сторону Гектора. Так будет

правильнее. Я должна быть верна *нынешнему* Президенту, а не человеку, которого пыталась затащить себе между ног. Правильно?

Только вот... на полпути мое тело резко развернулось, и я поняла, что двигаюсь в направлении Хоука. Я ни разу не остановилась и не усомнилась, хотя понимала, что должна была. Потому что на меня смотрели не только они, но и все остальные. Но я просто не могла остановиться. Хоук внимательно наблюдал за мной, пока я шла в его сторону, вбирая взглядом каждый сантиметр моего тела, словно желал отпечатать его в памяти. Я остановилась напротив его стола в ожидании, когда он предложит мне сесть. Продолжая смотреть на меня, он глотнул пива из бутылки, затем поставил ее на стол и медленно сказал:

— Иди назад, Тайлер.

— Что ты имеешь в виду? — растерянно спросила я.

— Ты не понимаешь, что делаешь, присоединяясь ко мне, — ответил он предостерегающим тоном. — Ты принимаешь мою, а не его сторону, а тебе прекрасно известно большое самолюбие Гектора. Поэтому хорошенько обдумай, что делаешь, прежде чем решишь, за чей стол садиться.

Немного помедлив, я оглянулась через плечо. Естественно, Гектор с Джессом смотрели на меня, и их взгляд не выражал особого счастья. Здравый смысл убеждал меня идти к ним, чтобышний раз не раскачивать лодку, ведь, в любом случае, Хоук здесь только на время. Лучше не будить в них лиха, верно?

Но потом я посмотрела на Хоука, и мое сердце чуть не взорвалось от мысли быть рядом с ним. Я ничего не могла с собой поделать. Поэтому схватила стоящий напротив стул и села. Когда моя задница плюхнулась на стул, Хоук спрятал улыбку за бутылкой.

— Гектор это переживет, — сказала я, улыбаясь в ответ, но сохраняя серьезность во взгляде.

Твою мать, что я наделала?

Джонни заржал.

— Хоук, это единственная женщина, способная вынести все тяготы клубной жизни.

Хоук кивнул, задумчиво облизывая нижнюю губу.

— Я начинаю понимать это. Как насчет принести ей пива, Гас?

— Это запросто, — ответил Гас, отходя от стола.

Ладно, начало обнадеживающее. Если не оглядываться, то можно сделать вид, что атмосфера довольно благожелательная.

Вернулся Гас и протянул мне пиво. Я отхлебнула из бутылки и расслабилась. А чего волноваться? Парни не разговаривали, а Хоук все это

время наблюдал за мной. Когда в дверях появились женщины, все в баре оживилось и явно немного повеселели. Даже расстроенный Кирк переключился на мелькающие повсюду сиськи и, извинившись, отошел от стола.

Какое-то время мы с Хоуком молчали, но он не переставал смотреть на меня. Такое внимание для меня было непривычным. В глубине души я чувствовала тепло и панику одновременно. Пока росла — еще до смерти моего отца — я из кожи вон лезла, чтобы привлечь его внимание, потому что, возглавляя клуб, он был постоянно занят и, как результат, у Хоука было по горло дел и девочек, вертящихся вокруг него, словно голодные котята. И, хотя девчонки и сейчас увивались за ним, выпрашивая частичку внимания, он не баловал их этим.

Нет, он дарил его *мне*. Даже после вчерашнего жестокого, пробирающего до мозга костей отказа.

— Тай, ты хоть понимаешь, что только что сделала? — неожиданно спросил он с задумчивым видом. — Ты только что сделала официальное заявление перед всеми. Подобный поступок повлечет за собой последствия.

Скрывая свою неуверенность, я пожала плечами.

— Все решено. Теперь я уже не могу просто встать и вернуться.

Мой ответ не впечатлил его.

— Просто будь осторожна, — сказал он мрачно. — И в следующий раз выбери своего Президента.

— Именно это я и сделала, — пробормотала я и тут же прикусила язык.

Он не шелохнулся, но его челюсти сжались.

— Твою мать, Тайлер, не произноси вслух здесь подобной херни, ладно?

— А я и не произносила. Это было сказано только *тебе*, — с легкой улыбкой я наклонилась вперед, — и в глубине души ты доволен, не так ли?

Он поскреб зубами нижнюю губу.

— Я вижу тебя насквозь, Тайлер. Думаешь, я не понимаю, чего ты добиваешься? Ты пытаешься меня спровоцировать.

— Я просто хочу, чтобы ты понял — это то, чего тебе не хватает.

— Зачем? Чтобы снова вернуть себе должность?

— Технически она все еще твоя. Пока ты сидел, Гектор просто замещал тебя. Но официально никто не назначал его Президентом, и с тех пор клуб находится в подвешенном состоянии.

Он усмехнулся.

— Думаешь, что все знаешь, да?

— Я столько лет наблюдала, Хоук. А когда никто не догадывается, что ты рядом, то и скрывать нечего. Поэтому да, я уверена, что знаю все.

Хоук посмотрел на меня.

— Пряталась под столами?

— В шкафах тоже.

— Много гадостей насмотрелась?

— Одних только гадостей.

Его лицо смягчилось, и при виде него мое сердце дрогнуло. Для меня загадка, как этот мужчина, еще вчера бывший мрачнее тучи, сегодня казался белым и пушистым.

— Тогда расскажи мне о Гекторе, — сказал он, устремляя взгляд мимо меня в сторону брата. — Как он справляется с этой ролью? Будь откровенна.

Я медленно покачала головой.

— Он не справляется, Хоук. Он либо зверствует, либо не понимает, что надо делать. Гектор старается не показывать этого, но у него дрожат руки при вопросах о том, что делать в той или иной ситуации.

— И как часто такая дрожь?

Я нахмурилась.

— Достаточно часто.

— Хм, — Хоук с заинтересованным видом обдумывал мои слова. — Сегодня я узнал, что они теряют деньги.

— Да. И много. Это все тараканы. Их главный — Даггард — постоянно ставит свои условия. Они все время требуют денег.

— Кровососы.

— О, да. Это выводит Гектора из себя, а Гас просто скормливает им большие суммы, но ведь это не выход из ситуации.

— Ты права.

— А как бы ты поступил?

Он не стал уклоняться от ответа.

— Замочил бы одного из них в качестве предупреждения остальным.

— Это противоречит нашим правилам.

— *Старым* правилам, — поправил он. — Поработав на Бордена, я понял, что страх — самое мощное оружие. Сильнее пистолетов и насилия. Страх — это инструмент, способный заставить замолчать целые толпы людей. В нашем случае город. Они боятся, но если Гектор в скором времени ничего не предпримет, банды восстанут и будут пытаться захватить улицы, а тараканам это только на руку.

— Видимо, сейчас мы нуждаемся в тебе как никогда.

— Кажется, этот корабль уплыл лет пять назад.

С мечтательной улыбкой я заглянула ему в глаза и спросила:

— Но ты скучаешь по этому, Хоук?

— По роли Президента?

— По той жизни, когда ты был Президентом.

Он как-то странно взглянул на меня.

— Зачем? Ты думаешь о том, чтобы уйти и увидеть, что есть за пределами клуба?

— Господи, нет. Я не вижу себя нигде, кроме этого места. И не имею представления, с чего могла бы начать. Там... моя жизнь потеряла бы смысл.

Его улыбка погасла, и до меня дошло, что я ляпнула.

— Черт, Хоук, прости. Я не говорю, что твоя жизнь бесцельна...

— Ты можешь говорить все, что хочешь, или все, что чувствуешь, — мягко прервал меня он. — Не надо подстраиваться под меня, ладно?

Не глядя ему в глаза, я кивнула.

А затем он сказал:

— Я скучаю по этому, Тайлер. Да, врать не буду. Иногда мне чертовски этого не хватает, — в его голосе звучала боль.

Удивленная таким признанием, я взглянула на него. Больше он ничего не собирался говорить — я поняла это, когда он глотнул пива и грохнул бутылкой по столу сильнее, чем следовало.

Я не знала, какими словами утешить его. В любом случае, у меня не было уверенности, что прозвучат они искренне. Совершенно не задумываясь, я склонилась над столом и накрыла ладонью его искаленную руку. Глядя ему в глаза, я нежно погладила грубую кожу, шрамы и выпуклые рубцы. Хоук не отводил от меня взгляда, но в нем читалось не огорчение, а... любопытство. Он стал наблюдать за движениями моих пальцев, странствующих по его руке. Они смотрелись настолько контрастно. Хоук был сама мужественность, его руки такие большие и грубые, а мои — маленькие и мягкие. Он заметно расслабился и принимал эти прикосновения, вглядываясь в каждый доступный его взору миллиметр моего тела. Чем дольше он это делал, тем сильнее нагревалась моя кожа.

Мы выпили. Наверное, хватит с меня пива, но и этого оказалось достаточно, чтобы почувствовать в голове приятный туман.

— Можно кое о чем тебя спросить? — внезапно сказал он, задумчиво облизывая нижнюю губу.

— О чем? — спросила я тихим голосом, пока, как замороженная,

смотрела на его губы.

— Если бы я коснулся тебя тогда, ты сожалела бы об этом?

Мои губы приоткрылись, а сердце пустилось вскачь. Он говорил о том категоричном отказе, и я почувствовала, как лицо залилось краской при мысли о собственной наглости прошлой ночью.

— Да, — смело призналась я. Потому что он был прав. Моя психика в тот момент была не в лучшем состоянии.

— А сейчас? — спросил он хрипло, понизив голос.

Я слегка вздохнула.

— Нет.

Он перевел взгляд на мой рот, и какое-то время Хоук смотрел на меня с интересом и желанием. На мне был этот гребаный комбинезон, и, хотя повсюду сновали полуголые девушки, он не сводил взгляда с меня. В животе что-то затрепетало и задергалось. Я так сильно его хотела. Предложи он мне себя, и я с радостью соглашусь. Я не собираюсь тратить время на игры, как окружающие меня сучки. Чем дольше я испытываю лишение, тем сильнее мучаюсь.

А Хоук?

Хоук лишал меня чего-то значительного, и я пыталась понять чего.

— Ты снова так смотришь на меня, — прорычал он, стиснув зубы, словно пытался обуздать свои эмоции. — Ты убиваешь меня, Тай.

— Это хорошо.

На его влажных губах появилось подобие улыбки, и я почувствовала, как трепет в животе усилился. Интересно, насколько хорош он будет на вкус, если я поцелую его?

Алкоголь лился рекой, и дистанция между людьми, ощущавшаяся чем-то неправильным, начала постепенно сокращаться. Парни перемещались к нашему столу, и внимание Хоука резко переключилось на них. Вокруг нас собралась целая толпа. Я быстро отдернула руку и спрятала ее под столом, наблюдая за их общением. Они были похожи на слетающихся к свету пламени мотыльков. Хоука уважали. Но он, едва перекинувшись с ними парой слов, каждые две секунды поворачивался ко мне, но наш момент закончился. Я почти физически ощущала, как он отстраняется, становясь опять замкнутым.

Проклятье. Хоук крепкий орешек, не так ли? Он словно бабочка, которую сам поймаешь и держишь в кулаке, но стоит на секундочку хоть чуть-чуть разжать пальцы, и она вылетает сквозь эту щель.

Пытаясь найти повод уйти из-за стола, я допила пиво, встала и понесла пустую бутылку к барной стойке. Шей едва взглянула на меня, когда я

подтолкнула в ее сторону бутылку, потому что не сводила глаз с Гектора. Он переместился за один из столиков и обнимался с девицей, привычно сидящей у него на коленях и поглаживающей его пах. Гектор — совсем другой вид бабочек. Он сначала сам залезает в щель, а потом улетает.

— Мне жаль, Шей, — сочувственно сказала я.

Она взглянула на меня и прищурилась.

— С какого хера?

— Ну, Гектор так себя ведет...

— Мне все равно, — прервала она меня, пожав плечами. — Не смотри на меня так. Со мной все в порядке. К этому просто нужно привыкнуть, чтобы стать его старухой. (*Примеч.: старуха — жена члена клуба*).

— Тебе все равно, что прошлой ночью он трахал тебя, а сегодня кого-то другого?

— Он такой, какой есть, и я не собираюсь его переделывать. Знаю, что в глубине души он хочет меня. Просто еще не осознал этого.

Я нахмурилась, но решила больше не лезть. Со дня на день ее терпение лопнет, и зрелище это будет не самым приятным. Я передвинулась вдоль барной стойки, где Джесс как раз накидывался виски. Когда я приблизилась, он даже не взглянул в мою сторону, но я поняла, что он все еще сам не свой.

— Он будет и дальше ее использовать, — сказал он достаточно тихо, чтобы слышала только я. — Гектор по любому не остановится.

— Честно говоря, она не выглядит особо обеспокоенной этим, — ответила я.

Он посмотрел на Шей.

— Она врет. Эта девка прицепилась к нему, как клещ.

— Знаю, — согласилась я. — Но ничего не поделаешь. Она не поймет, пока не обожжется. И даже тогда... Не думаю, что она когда-нибудь смирится с этим.

Джесс сделал глоток из своего стакана и обнял меня за талию, притягивая к себе. Он повернулся ко мне лицом, и я почувствовала запах виски в его дыхании, когда он сказал:

— Ты должна была выбрать нас, а не его, Тайлер.

Я сглотнула, понимая, что он прав.

— Да еще на глазах у всех, сладкая.

— Я без задней мысли.

Он потянул пирсинг в нижней губе, изучая меня взглядом.

— Видишь ли, ты была неправа, понимаешь? По его виду не скажешь, что он не хочет тебя. На самом деле он и сейчас на тебя смотрит. Ты не

чувствуешь жар от его взгляда? Потому что я чувствую. Я ощущаю на своей спине большой и жирный гребаный крест за то, что сейчас прикасаюсь к тебе.

Я хотела оглянуться и убедиться в этом, но тогда Хоук сразу бы понял, что мы говорим о нем.

— Если Хоук хочет тебя, — продолжил Джесс, делая большой глоток, — то я ему не соперник. Ведь, как только девчонка вручает себя одному из братьев, для остальных она под запретом. На всю жизнь. Ты должна подумать об этом, прежде чем вручишь себя одному из нас.

— Я здесь не для того, чтобы застолбить место на заднем сидении чьего-то байка.

Он язвительно усмехнулся.

— До тех пор, пока этого не случится.

Джесс подозвал Шей и попросил нас еще выпить. Она придвинула два пива, и я села рядом с Джессом. Он положил руку на спинку моего стула — демонстративный собственнический жест, от которого я закатила глаза. Взяв бутылку, я постаралась как бы случайно оглядеть бар. Но попытка закончилась полной неудачей — я увидела Хоука и замерла.

Он смотрел прямо на меня. Его вид не был угрожающим, он не выглядел ни рассерженным, ни расстроенным тем, что Джесс прикасался ко мне. Он просто не сводил с меня пристального взгляда, словно все происходящее вокруг не имело для него значения. Как будто был уверен, что сможет заполнить меня, и ничто его не остановит.

Совершенно в духе клуба.

Неожиданно в поле моего зрения возникла расстроенная Холли, оттягивающая ворот своей футболки.

— Тайлер, мне снова нужно переодеться.

Джесс засмеялся, глядя на мокрое пятно на ее груди.

— Блядь, Холли, только не это снова.

— Тебе смешно, да? — раздраженно выкрикнула она.

— Гас должен запретить тебе приближаться к Кирку.

Я разозлилась.

— Твою мать, Кирк настолько дряхлый, что никто не хочет к нему приближаться. Все почему-то думают, что он умрет, если его расстроить.

— Кирк всех уже пережил. Теперь он здесь нечто вроде обоев.

— Да, но эти обои ежедневно донимают Холли.

Джесс засмеялся громче.

— Возможно, Холли нужно научиться бороться и самой постоять за себя?

Холли сердито взглянула на Джесса и, что меня удивило, резко ответила:

— Забавно слышать это от тебя, Джесс.

Удивленно приподняв брови, я перевела взгляд с нее на него. У нее был такой убийственный взгляд — первый раз я видела эту женщину с ангельским характером взбешенной. Смех Джесса умолк, и он сосредоточился на своем стакане, сделав очередной большой глоток. Она сумела заткнуть ему рот. *Ну и ладно.*

Я соскользнула со стула и, когда мы с Холли проходили через зал, не выдержала и остановилась возле столика Кирка.

— Кирк, хватит уже обливаться! Если ты не прекратишь, я попрошу Гектора запретить твоей заднице сидеть здесь.

Кирк просто улыбнулся, глядя на свою почти пустую кружку.

— Ей это нравится.

— Не уверена, — прошипела Холли.

— Да ладно, чертовски нравится, и ты сама это знаешь, — хитро ухмыльнулся он и облизал край кружки, глядя на Холли, как чертов извращенец. Честно говоря, он был реальным шизиком, и с этим пора было что-то делать.

Мы снова пришли ко мне в комнату, и я, достав еще одну футболку, бросила ее Холли.

— Я так признательна тебе за это, — сказала она, переодевшись.

— Не за что, — отмахнулась я, и она ушла обратно, решив держаться подальше от старого ублюдка.

Теперь, оказавшись в своей комнате, я не могла понять, хочу ли возвращаться. Хоук казался огромным соблазном, маячащим передо мной. Я совершенно искренне не была уверена, что снова не наброшусь на него, и поежилась при мысли о повторном отказе. Расстегнув комбинезон, я спустила его до пояса. Потом скинула ботинки и схватила полотенце, решив, что лучше быстренько принять душ, чтобы не вонять маслом и мазутом. Повернувшись, чтобы закрыть дверь, я увидела стоящего в проеме Хоука, и застыла, глядя на него широко раскрытыми глазами. Как давно он там стоял?

Его манера поведения изменилась. Он смотрел на меня так пристально и с такой жадностью, что возникшее из-за него чуть раньше тянущее ощущение внизу живота только усилилось. Его взгляд снова прошелся по мне, задержался на майке и поднялся к шее. Когда наши глаза встретились, он хрипло сказал:

— Ты искушаешь меня, Тайлер.

Эти самые слова я слышала во сне, но в них не было такой страсти. Он выглядел измученным, словно сопротивлялся тому, чтобы быть здесь.

— Когда я прикоснулся к тебе прошлой ночью, потом почти сто раз прошел мимо твоей двери, — тихо продолжил он, буквально выворачивая меня наизнанку своим признанием. — Похоже, ты производишь на меня эффект, от которого я давно отвык. Я понял это в ту же секунду, как вошел сюда. Ты волнуешь меня, и мне это не нравится. И хуже всего то, что я даже не могу приказать тебе остановиться, потому что ты сама даже не осознаешь, что делаешь.

Я не могла дышать. Воздух застыл в легких, пока я слушала его слова. Сердце совершенно охренело: сначала колотилось, как сумасшедшее, потом сжималось, потом снова колотилось. Уверена, что это не к добру.

— Даже если так, я не захотела бы останавливаться, — выдавила я и с последним произнесенным словом почувствовала ликование.

Уголки его губ приподнялись.

— Да, я тоже это понял. Ты извелась от желания ко мне. Это видно по твоим глазам.

Я опешила. Извелась?

Стоп, стоп, стоп.

Прозвучало как-то *сочувственно*. А за сочувствием стоит *жалость*. Мне не нужна его жалость.

Я почувствовала себя оскорбленной и зажмурила глаза, ощутив, как от этого слова меня охватило раздражение.

— Извелась? Ты думаешь... думаешь, я извелась из-за тебя?

— Да.

— Нет, — ответила я. — Единственное мое чувство к тебе — это страх. И я уже говорила тебе об этом.

Он медленно покачал головой и вошел в комнату, сокращая до минимума расстояние между нами.

— Нет, знаешь ли, ты боишься *сама себя*, потому что по-прежнему хочешь меня. Даже после того, как на твоих глазах я избил полицейского и убил человека. И это смущает тебя и вызывает чувство отвращения к себе. Сейчас ты задаешься вопросом, что с тобой не так. Хотя ты *всегда* была не такой, как все. Я никогда не думал, что девушка, пережившая то же, что и ты, может настолько отчаянно желать уродливого байкера. Черт, — он оскалился, — я даже уже и не байкер.

— Я не извожусь, Хоук, — сказала я, пытаюсь твердо стоять на ногах, когда он так близко. — Я прекрасно живу без тебя. Развлекаюсь, работаю и, черт побери, *трахаюсь*.

Внезапно он вскинул руку и, обхватив меня сзади за шею, рывком притянул к себе. Ударившись об него грудью, я вытаращила глаза, ошеломленная такой реакцией. Его дыхание касалось моего лица и губ. Я ощущала его взгляд, проникающий мне в душу и даже глубже. Он резко возразил:

— Детка, у тебя был один-единственный парень, и было это почти два года назад. Ты бросаешь все, когда узнаешь, что я приеду. Ты предпочла меня своему Президенту, хотя я не пробыл тут и двух дней. Даже сейчас ты продолжаешь на меня смотреть этим своим взглядом — тем самым, каким смотришь уже *много лет* подряд. И в этом взгляде я вижу совсем не страх. Это желание. Ты хочешь, чтобы я обнял твое юное упругое тело. И ничего не можешь с этим поделать.

Я молча смотрела на него.

— Я не прав? — настаивал он. — Скажи, если я ошибаюсь, только на этот раз постарайся быть более убедительной.

Я посмотрела ему в лицо изучающим взглядом и перевела взгляд на его татуированные руки. Он был таким мощным и сильным. Хоук называл себя уродливым, но мне он напоминал викинга, сильного и свирепого. Черт, нет, он не уродлив. Будь это так, на него не заглядывалось бы столько девушек, и я не... не хотела бы его так сильно. Да, я определенно его хотела, потому что дыхание стало прерывистым и учащенным, сердце сжималось, а во рту было сухо, как в пустыне. Я закрыла глаза и пробормотала:

— Ты прав.

Хоук замер, и, открыв глаза, я увидела, что он смотрит на меня, выглядя совершенно ошеломленным моим ответом. Он ожидал, что я совру?

— Скажи что-нибудь, — умоляла я, не в силах понять его молчания.

С выражением полного замешательства на лице, он пробурчал:

— В данный момент я просчитываю свои варианты, Тайлер.

— Какие?

— Должен ли я трахнуть тебя, или лучше мне уйти.

Трахни меня, пожалуйста.

Я чувствовала себя залитой желанием. В голове все плыло от смеси похоти и выпитого алкоголя. Хоук словно метался меж двух огней, как будто его что-то сдерживало.

Интересно, что?

С другой стороны, мне было все равно. Осмелев, я потянулась к нему с намерением коснуться губами его рта. Но прежде, чем я успела сделать это,

он схватил меня за волосы и резко потянул назад. Я вздрогнула от боли, а он удерживал мою голову в сантиметре от своего рта.

— Я не твой рыцарь, — сказал он мне, и от звука его голоса завибрировало все мое тело, до самых кончиков пальцев. — Я совершал такие вещи, которых ты никогда не сможешь мне простить. Я убийца и мертвец. Моя жизнь бесцельна, дорогуша. Я существую, но не более того. Не буди во мне желание — тебе может это не понравиться, Тайлер.

Его предупреждение *действительно* звучало чертовски трагично, но мне было по-прежнему наплевать. Не сейчас, когда моя киска сжималась, охваченная белым пламенем желания, и жаждала его прикосновений. Как давно я хотела этого?

«*Всегда*», — шепнуло мне сердце.

Он перестал тянуть меня за волосы и внимательно наблюдал, ожидая моего следующего шага. И не подумаю отступить. Я слишком долго ждала Хоука, чтобы волноваться из-за его глупого гребаного предупреждения. Лучше сгореть, чем стоять у огня и размышлять о том, как приятно ощущать на коже его тепло.

Я снова посмотрела на его губы и потянулась прямо к ним.

Глава 16

Тайлер

Я коснулась губами его рта. Широко открытыми глазами он наблюдал за тем, как я пробую на вкус его губы. Господи, я и представить себе не могла, что они окажутся такими мягкими и нежными. На мгновение я взглянула на него, пытаясь понять, все ли в порядке. Хоук не выглядел безразличным. На самом деле, он тут же провел языком по нижней губе, словно пробуя в ответ мой вкус. Твою мать, при виде этого со мной что-то произошло. Колени ослабли и дышать стало тяжело. Бессознательно я снова потянулась к нему. Второй поцелуй получился длиннее. Я прижалась чуть сильнее, провела языком по его сомкнутым губам и отстранилась. На этот раз он потянулся вперед, не желая расставаться с моими губами. Хоук снова сжал руку в моих волосах, но сейчас он не оттаскивал меня назад, а притягивал к себе. И в ту секунду, когда наши губы встретились, он меня *поцеловал*.

Мое тело стало мне неподвластно. Я была не в силах сдерживаться, а в голове не возникало ни единой мысли, потому что все силы были сосредоточены на том восхитительном удовольствии, которое Хоук дарил мне своими губами.

За несколько секунд поцелуй из нежного превратился в более настойчивый, более... жаркий. В нем не было и намека на обыденность. Он был влажный, требовательный и... Господи, просто потрясающий.

Большие руки Хоука были повсюду, перемещаясь по всему моему телу. Внезапно он поднял меня, подхватив под бедра, я обернула ноги вокруг его талии, и мы врезались в ближайшую стену. В тот миг, когда наши языки сплелись, я застонала ему в рот и, задрожав всем телом, обвила свои руки вокруг его шеи.

Вау, вау, вау.

Ведь это просто поцелуй, а не секс. Тем не менее... это было так чертовски горячо, и я уже так завелась, что внутри все сжималось от желания его прикосновений. Он отпустил мои губы и спустился к шее, лихорадочно целуя и посасывая кожу. Его жесткая плоть между моими широко разведенными ногами прижималась прямо к киске. Я ощутила, насколько он тверд под джинсами, и закатила глаза от жажды его прикосновений. Но больше всего я нуждалась в нем внутри себя.

— Хоук, — застонала я, мое тело буквально горело.

Он накрыл ртом мою грудь и втянул губами сосок, лаская его через ткань майки, пока тот не стал напряженным и жестким. Боже, как хорошо это ощущалось даже через ткань. Все ощущения сейчас были потрясающими, словно каждая клеточка моего тела приобрела невероятную чувствительность.

— Твою мать, Тайлер, ты так невероятно сексуальна, — простонал Хоук. — У меня просто крышу сносит.

Я обхватила лицо Хоука ладонями и прижалась губами к его рту. Поцелуй был настолько голодным, настолько настойчивым и жаждущим, что я вряд ли смогла бы отстраниться. Мне до боли в легких не хватало кислорода, но я не прекращала целовать его. Мне было все равно. Я нуждалась в этом. Нуждалась в нем. Хоук толкнулся в меня бедрами, и эта тянущая боль превратилась в пульсацию. Он разорвал поцелуй и со стоном прижался ко мне, прикусывая зубами мою нижнюю губу. Но этого было недостаточно. Мне нужно было больше.

— Я хочу, чтобы ты дотронулся до меня, Хоук, — задыхаясь, проговорила я, не в силах сдержаться. — Пожалуйста, прикоснись ко мне. Я больше не могу терпеть.

Он посмотрел на меня затуманенными похотью глазами. Интересно, что он увидел?

Я не была бесстрашной.

Мои поступки были не слишком рациональными.

Я ощущала себя женщиной, лишенной чувств и желаний.

Боже, он был прав. Я действительно *отчаянно* нуждалась в нем.

— Да-а-а, и ты будешь буквально взрываться вокруг меня, — торопливо пообещал он, слегка облизывая уголок моего рта. — Господи, только взгляни на эти губы! Блядь, Тайлер, я отдал бы все на свете, лишь бы увидеть их на моем члене. Тебе бы это доставило удовольствие?

Я кивнула и захныкала — а я никогда в жизни не хныкала. Скользя ладонью мне под майку, Хоук обхватил мою грудь и прижался лбом к моему.

— Твою мать, а твои восхитительные сиськи! Я познакомился бы с ними поближе, если ты позволишь. Ты этого тоже хочешь?

Возбуждаясь все сильнее, я снова кивнула.

— У тебя шикарная задница. Хочешь, чтобы я трахал тебя, сжимая ладонями эти ягодицы?

— Да, — прошептала.

Вытащив ладонь из-под моей майки, он оттянул комбинезон,

направляясь внутрь. Я ахнула, когда Хоук, просунув руку мне под трусики, коснулся клитора.

— Твою мать, ты вся мокрая, — недоверчиво сказал он, качая головой.
— Ты действительно этого хочешь.

Меня поразило его удивление. Он будто не мог поверить, что оказывал на меня такое воздействие.

Хоук легонько провел пальцем по моему входу, и я застонала. Медленными, ласковыми движениями он поглаживал мою киску и, посасывая мои губы, наблюдал за реакцией. Едва палец Хоука оказался во мне, я резко вцепилась ему в волосы. Он оскалился возле моего рта.

— Черт, Тайлер, ты такая тугая.

Он медленно двигал во мне своим пальцем, и я чувствовала, как мои стенки сжимаются вокруг него, отчаянно желая, чтобы он заполнил меня.

— Господи, — прошептал он. — Так здорово ощущать тебя. Как, черт возьми, ты можешь хотеть этого со мной, детка? Ты... такая охуенно прекрасная и такая чертовски сладкая...

Хоук добавил второй палец. Я задохнулась и едва успела поцеловать его, как внутри меня все вспыхнуло миллионом искр. Боже, как хорошо. Больше, чем хорошо. Это довольно непристойно, и мне нравилась непристойность. Он проталкивал свои пальцы как можно глубже, упираясь ими в ту самую точку, которая заставляла меня сжиматься вокруг него. Не в состоянии себя контролировать, я содрогалась всем телом, а Хоук удерживал меня прижатой к стене. Он пристально наблюдал за мной, словно ему важно было видеть, как я раскрываюсь перед ним.

— Так хорошо? — спросил он настолько тихо, что я едва расслышала.

— Да, да, да, — твердила я. — Еще, Хоук.

У него вырвался низкий грудной смех.

— Да.

Погружая и вынимая из меня пальцы, он провел подушечкой большого по клитору. Выгнув бедра ему навстречу, я потерялась в постепенно нарастающем удовольствии. Он похищал у меня поцелуи, возбуждая ласковыми движениями своего языка. В какой-то момент я приоткрыла рот, и он проглотил мои стоны. Хоук чувствовал, что я близка к тому, чтобы кончить, поэтому ускорил движения, идеально подводя меня к финалу.

Боже, да.

Ощущения были невероятные. Дойдя до грани, я закрыла глаза и простонала:

— Хоук, я кончаю.

Он прорычал:

— Да, ты сжимаешься все сильнее. Я чувствую, как внутри тебя все пульсирует. Бля-я-я-дъ.

Хоук начал толкаться пальцами сильнее, а я всхлипывать все громче. А затем с моих губ полились слова:

— Я хочу тебя.

— Ты хочешь *этого*. Хочешь, чтобы я потрудился над твоей идеальной маленькой киской.

Я потрясла головой, не в состоянии мыслить ясно из-за удвоившегося по интенсивности наслаждения.

— Я хочу тебя. Только... Только тебя.

Едва я произнесла это, стенки моей киски сильно сжались вокруг его пальцев, и я кончила, сотрясаясь всем телом и закинув голову. Его рука подарила мне такие невероятные ощущения. Такой опыт был у меня впервые, но мне охуенно понравилось.

Когда я открыла глаза, Хоук внезапно остановился. Мне было непонятно выражение его лица, пока до меня не дошло, какую глупость я сморозила во время оргазма. А потом вспомнила о его предостережении.

Я разозлила его, и, хотя он не выглядел рассерженным, в его взгляде больше не было похоти. Он вытащил из меня пальцы и медленно опустил меня вниз. Нетвердыми ногами я коснулась пола.

Какого хрена только что произошло?

Секунду назад он был во мне, и я кончила от его пальцев, а теперь он с мрачным видом отстраняется от меня. Я облизала губы и произнесла:

— Хоук...

— Нет, — отрезал он, проводя рукой по волосам.

— Я не это имела в виду.

— Это.

— Нет.

— Детка, — он сделал паузу и пристально посмотрел на меня. — Ты именно это имела в виду.

— Ты заставил меня кончить, и в разгар момента я что-то сказала, но это вовсе не означает, что я действительно хочу тебя.

— Из тебя хреновая лгунья.

Я с трудом сглотнула, внезапно осознав, что стою перед ним вся потная, с прилипшими к лицу волосами. Откинув их в сторону, я взглянула на него.

— А что с того, если я действительно это имела в виду? — спросила я, повышая голос.

Он сухо усмехнулся.

— Ты наивная, Тай.

— Мне двадцать лет, Хоук. Я уже не пятнадцатилетний подросток. Это все не обязательно должно быть серьезно. Никаких обязательств. Ничего. Я большая девочка и не стану вешаться тебе на шею из-за того, что ты прикасался ко мне, — и, как бы в подтверждение своего заявления, я шагнула вперед, сокращая расстояние между нами, но он покачал головой.

— Твою мать, Тайлер, не смей двигаться, — приказал Хоук. — Тай, в данный момент я реально на взводе. Ты кончила, и я, блядь, почувствовал это. А как охуенно сексуально ты стонала и откидывала голову. Не думаю, что у меня когда-то был стояк крепче, чем сейчас.

Я смутилась, желание снова начало пробуждаться.

— Хоук...

— Стой.

Я замерла и в ожидании пристально смотрела на него. Казалось, увидев меня с другой стороны, он оказался в затруднении. Было заметно, что в его голове пробегали тысячи мыслей, вызывающих внутреннее противоречие. Он смотрел на меня — возбужденную, с часто вздымающейся и опадающей грудью. Уверена, все мое тело и выражение лица можно было описать одной фразой: «после мощного оргазма».

— Блядь! — прошипел он, напряженно потирая свое заросшее лицо и бросая на меня обвиняющий взгляд. — Твою мать, Тай!

Но прежде, чем я смогла разобраться в причине его гнева, а он, опустив руку, успел сказать что-то еще, из кармана его джинсов раздался звонок телефона. Хоук выругался и, нахмурившись, достал телефон.

— Я должен ответить, Тайлер.

Я скованно кивнула, а он провел пальцем по экрану и приложил телефон к уху.

— Что тебе нужно, Линда? — резко прервал кого-то он.

Я услышала женский голос на том конце линии, но не могла разобрать ни слова из того, что она говорила. Хоук потер лицо и, пока слушал, вокруг его глаз образовались напряженные морщины.

— Не ори на меня, как бешеная сука, — сказал он. — Клянусь Богом, Линда, я повешу тебя, если ты не объяснишь мне все спокойно.

Последовала пауза.

— Еще спокойнее. Ты это умеешь.

Еще одна пауза.

— Мать твою, так значительно лучше. Следи за ним и не упускай его из виду. Я уже в пути.

В пути? Он уходит вот так запросто? Я почувствовала панику. Мне

нужно больше от него. Я хотела, чтобы он остался.

Хоук закончил разговор и убрал телефон в карман, глядя на меня — теперь уже задумчиво.

— Поехали со мной? — сказал он.

— Поехали куда? — ответила я, удивленная его предложением.

— В город. Мне там надо кое-что решить и... по поводу нас с тобой... мы еще не закончили с этим.

Мне стоило хотя бы притвориться, что обдумываю, потому что, честно говоря, та его отчаянная речь действительно задела меня за живое.

Но...

Я была не в силах остановить себя. Я кончила от его пальцев и была совершенно не в себе. Мой мгновенный ответ был неизбежен. В конце концов, это же Хоук.

— Хорошо, — тихо сказала я, испытывая легкую ненависть к собственной слабости.

Глава 17

Тайлер

Я думала, поездка означает наконец-то оказаться на заднем сиденье мотоцикла Хоука, но случилось иначе. Это означало взять старый грузовик Кирка.

Перед выездом Хоук скрутил с него задний номер, и это, по идее, должно было меня насторожить, но после общения с парнями в клубе я уже мало чему удивлялась. Они были вне закона, и все, что Хоук намеревался делать, обещало быть тоже чем-то нелегальным. Это было яснее ясного.

Как только он сел за руль, я запрыгнула в грузовик. Старая колымага завелась, и Хоук вырулил со стоянки, но остановился перед выездом на дорогу и наклонился ко мне. На секунду я напряглась, когда он, потянувшись к ремню безопасности, задел рукой мое колено. Господи, едва ощутимое прикосновение, и я снова завелась. Вытянув ремень, он с ухмылкой сказал:

— Пристегнись, Тай.

— Он не защелкивается, — ответила я, демонстрируя это для наглядности. — Думаешь, я не водила эту развалину раньше? Нам нужно было взять машину у кого-то другого. Например, у Джонни. У него исправная гоночная машина.

— Нам не стоит привлекать к себе внимания.

— Что ты планируешь делать?

Он свернул за угол и прибавил скорость. Грузовик гремел так, словно металл у меня под ногами весь прогнул. Да уж, не очень хороший симптом.

— Один чувак с недавних пор стал каждую пятницу появляться в клубе, — пояснил Хоук, нахмурившись. — Он подмешивает что-то в выпивку и увозит девушек типа домой, а потом вышвыривает их где-то в переулках.

У меня сжалось сердце.

— Он убивает их?

— Нет, они живы, но до синяков избиты и... судя по всему, изнасилованы. Как бы то ни было, пара девчонок, крутившихся неподалеку последние две недели, сообщили об этом Бордену.

— Ему на это наплевать.

Хоук сурово взглянул на меня.

— Ему нихера не наплевать. Тайлер, Борден ненавидит насильников. Может, он и жестокий ублюдок, но у него все еще есть совесть.

Что ж, дерьмово. Я не думала, что Хоук будет так рьяно защищать ублюдка, который отнял его у клуба и у меня.

— Так почему же вы, парни, не схватили его раньше? — спросила я, уходя от темы Бордена.

— Никто не знает, как он выглядит. Он не заигрывает с девушками. На самом деле, даже не приближается к ним. Просто, проходя мимо, подсыпает что-то и следит за ними, пока они где-нибудь не отключатся.

— Гаденыш.

— Да, но сегодня вечером все было под контролем Линды.

— Кто такая Линда?

— Менеджер клуба. Она сказала, что заметила мужчину, который что-то подсыпал в напиток девушке. Он трется поблизости и выжидает.

— Почему его не остановили?

— Я так поспешно уехал, что не назначил никого вместо себя. Я отвечаю за безопасность и две ночи отсутствовал. Это подрывает мой авторитет. Плюс, я хочу лично позаботиться об этом мудаке.

— Что ты собираешься с ним сделать, Хоук?

Хоук сильнее сжал руль и стиснул зубы.

— Собираюсь преподать ему урок, Тай.

Проявлять заботу о женщине было слабым местом Хоука. Я была уверена, что это как-то связано с его матерью. Они были очень близки. По сей день, время от времени, я навещала ее вместе с Гектором. Господи, она была такой стойкой и сильной женщиной — характером ближе к Хоуку, нежели к Гектору. Она всегда интересовалась у Гектора, как там Хоук, и взволнованно ждала ответа. Гектор постоянно заверял ее, что у Хоука все в порядке, но она все равно переживала и бормотала себе под нос молитвы.

Из того, что я слышала, у нее была трудная жизнь. Она была замужем за Рыжим — бывшим президентом, который умер за несколько лет до того, как для моего старика сделка закончилась плохо. Рыжий был безжалостным человеком и никогда не показывал клубу своих слабых мест, потому что, как мне кажется, у него их и не было. И из того немногого, что рассказывал Гектор, я поняла, что его мать — Аделла — выросла на улицах. Он даже намекал на то, что она торговала собой, пока Рыжий не появился и не взял ее для себя. Хотя я никогда не слышала правдивой истории, но это могло объяснить, почему Хоук никогда не унижал женщин.

Когда он только стал президентом, в городе процветала проституция, и женщины часто подвергались жестоким избиениям — и не только со

стороны клиентов, но и сутенеров, которые отбирали большую часть их доходов. Это мог подтвердить каждый закоулок в городе. Когда город перешел к Хоуку, тот пришел в бешенство. Я помню лицо своего отца, когда они вместе уезжали, чтобы «позаботиться об этом». В жизни не видела его таким мрачным.

— *Эти женщины нуждаются в защите, — сказал он Хоуку. — Не все они наркоманки. Это матери или бездомные, которые едва сводят концы с концами. Мы можем им помочь.*

Это был первый раз, когда клуб встал на путь насилия не ради извлечения выгоды. Именно это сделало Хоука таким непохожим на всех предыдущих президентов и укрепило уважение к нему в клубе... и во всем городе. Они искоренили сутенерство и перевели женщин в принадлежавший клубу мотель. Заставили их вести журнал опасных клиентов и лично разбирались с каждым при возникновении жалоб. Была создана целая система, и эта система работала.

Пока не ушел Хоук.

При власти Гектора все развалилось, сутенеры вернулись и, скрываясь в тени, заставляли женщин торговать собой, относясь к ним, словно к расходному материалу. Сейчас эта проблема обострилась еще сильнее, но женщины перестали обращаться к клубу, потому что клуб подвел их, а Гектора это не волновало.

От этой мысли на душе появилась горечь. Я взглянула на Хоука и, нахмурившись, сказала:

— Представь себе, у нас тоже есть женщины, которые нуждаются в защите.

Он уловил мою интонацию и вздохнул.

— Тайлер, а тебе никогда не приходило в голову, что, может быть, меня просто не интересует возвращение к той жизни? Правила изменились, и клуб стал слабым. Мужики раскисли. Гектор набрал не меньше дюжины придурков, которые носят нашивки только потому, что считают это охуенно крутым, но, с другой стороны, стоит засвистеть пулям над их головами, и они тут же попрячутся.

— Ты можешь это исправить.

— Ты просто не можешь с этим смириться, да?

— Не могу.

Он как-то странно посмотрел на меня.

— Почему ты веришь в меня, Тайлер?

Я посмотрела в окно, теряясь в мелькающих мимо улицах. Почему я верила в него? Сжав руками ремень безопасности, я пожала плечами.

— Потому что ты лучший мужчина из всех, кого я встречала, и... ко всему прочему, с тобой я ощущаю себя в безопасности.

Я почувствовала тепло его взгляда на своем лице, но не могла посмотреть на него. Ни за что. Он увидит, как сильно мне небезразличен. Я всегда была привязана к нему. Мне не хотелось показывать, насколько я уязвима. Это ужасно.

— Думаю, ты вряд ли понимаешь, Тай, каким бы я стал, если бы вернулся, — наконец, ответил он ничего не выражающим тоном. — На этот раз тебе не захотелось бы видеть меня президентом.

— Почему?

— Мне пришлось бы стать беспощадным и принимать меры — насильственные меры — чтобы не допустить среди нас предательства.

— Я понимаю.

— Нет... не понимаешь.

Нахмурившись, я задумалась над его словами. Мне доводилось видеть довольно грубые деяния клуба. Но насколько жестоким может быть Хоук?

— Этой развалюхе нужен бензин, — проворчал он через несколько минут, сворачивая на свободную заправку. — Я скоро вернусь, детка.

Хоук вышел из машины, а я украдкой наблюдала за ним, отмечая для себя его крепкую спину и шикарную задницу. Даже пока он всего лишь открывал рукой дверь, я не переставала думать о том, как потрясюще ощущались эти пальцы во мне, и от одной этой мысли на моем лице вспыхнул румянец.

Мне казалось, что поле того, как попробую что-то с ним, мое желание, хоть немного успокоится, но оно, наоборот, стало еще сильнее и настойчивее. Пока ждала, я, чтобы отвлечь себя от непрерывного созерцания входной двери, открыла бардачок и начала перебирать бумажки, обертки и... женские трусы?! Какого хрена?

— Фу, Кирк, — прошептала я с отвращением, немедленно захлопывая бардачок. У этого старого мудака в машине трусы. И, судя по внешнему виду, их надевали.

Трусы!

Одни с розочками, а... а другие с сердечками.

Фу, фу, фу.

Меня передернуло, и я вытерла руки о комбинезон, как вдруг услышала резкий звук бьющегося стекла. Взглянув на магазин, я присвистнула. Входная дверь была уничтожена, а на земле лежал избитый человек. Через него перешагнул Хоук и, как ни в чем не бывало, вернулся к машине с двумя банками энергетического напитка в руках.

— Какого черта, Хоук? — воскликнула я, когда он уселся на свое место.

— Я должен был с ним разобраться, — ответил он с каменным лицом, едва взглянув на меня, пока ставил наши напитки в подстаканники. — Не мог упустить удобного случая.

— О чем ты говоришь? Почему ты должен разбираться с каким-то парнем?

— Потому что этот мудака хвастается, что трахал тебя, детка, а подобной херни дальше допускать нельзя.

Я застыла. Испуганно и смущенно взглянув на него, я снова повернулась в сторону лежащего на земле человека, который начал медленно подниматься. Увидев его лицо, я со стоном прижалась лбом к стеклу. Это был мой бывший парень из школы.

Я даже не подозревала, что он треплется обо мне. Как, черт возьми, Хоук — человек, который даже не живет больше в этом городе — мог узнать что-то настолько личное.

И почему ты даже не удивлена, Тайлер?

Хоук снова завел машину.

— Кажется, ты собирался заправиться? — безучастно сказала я, и так уже зная ответ.

— Не было нужды, детка, — ответил он, и мы снова вырулили на дорогу.

* * *

— Что ты вообще нашла в этом паукообразном сопляке? — спросил Хоук минут десять спустя. Благодаря напитку он взбодрился и выглядел гораздо более оживленным и менее мрачным и задумчивым.

Я до сих пор пыталась как-то переварить произошедшее, когда Хоук задал мне этот вопрос. Прекратив пялиться на ночное небо, я посмотрела на него.

— Возможно, он показался мне интересным.

Хоук криво усмехнулся.

— Твою мать, тебе придется постараться получше, чтобы я смог понять. Ты отдала свою девственность этому мешку с дерьмом, Тай, — он сжал губы и раздул ноздри. — Такой ушлепок не достоин этого.

Я поскребла краску на приборной панели и выковырнула ее из-под ногтя.

— Каких слов ты ожидаешь от меня?

— Он принудил тебя? Потому что ты слишком неискушенная для такого парня, как он.

— Такого парня, как он?

— Озабоченный тип, который с первой же минуты пытается затащить тебя на заднее сиденье своей машины.

Я закатила глаза.

— Нет, он не принуждал меня. Только попробовал бы. При первой попытке я оторвала бы ему яйца. Он вел себя мило.

— Мило? — скептически повторил Хоук. — Он использовал тебя, чтобы получить доступ в клуб. Разве это можно назвать *милым*?

— Нет, Хоук, конечно нет.

— Ты так отчаянно нуждалась во внимании? Я просто не могу понять.

— Опять это слово, — разозлившись, сорвалась я. — *Отчаянно*. Ты думаешь, этот парень был нужен мне от безысходности?

— Да.

— Пошел ты на хрен, Хоук. Это была не безысходность, а *любопытство*. Мне хотелось узнать, может ли у меня вызвать определенные ощущения парень, который не...

Он с интересом взглянул на меня.

— Который не что?

Я нерешительно покачала головой.

— Не важно.

— Который не я? — сострил он. — Ты это собиралась сказать? Это должен был быть я, верно?

Я не ответила.

— Только не надо быть таким самоуверенным.

Хоук беспечно рассмеялся.

— Черт, я не самоуверенный, но ты так смотришь на меня, Тайлер, что я чувствую себя Томом, мать его, Харди.

Я спрятала улыбку и пробормотала:

— Тебе не понять.

— Тогда почему он?

Я промолчала.

— Тайлер, — продолжал настаивать Хоук, — детка, я просто пытаюсь понять. Мне действительно хочется это знать. Это уже два года сидит у меня в голове. Я знаю, что одно время ты сохла по мне, а потом — бац! — мне говорят, что ты с каким-то придурком-старшеклассником. Мне всегда казалось это странным и непохожим на тебя. Просто хотелось бы услышать

это от тебя, а не от парней.

Я убрала руки с приборной панели и покорно вздохнула.

— Это не особо увлекательная история. Я начала интересоваться парнями, ясно? И, будучи подростком... ты не понимаешь, каково быть девушкой, Хоук. Над тобой смеются, если ты толстая, обзывают анорексичкой, если худая; называют уродиной, если сильно накрасилась, а если не накрасилась — все равно уродина. Этой толпе невозможно угодить. Я была изгоем и хотела познакомиться с кем-то за пределами клуба. Мне нравилось общаться с Роханом, и примерно в это же время я начала по-настоящему исследовать себя.

— Исследовать себя, — заинтересованно повторил он.

— Я... трогала себя... и чем больше делала это, тем сильнее хотела, чтобы меня поцеловал и коснулся кто-то еще. Я хотела, чтобы у меня был парень. Хотела знать, каково это, почувствовать кого-то внутри себя, и... Рохан показался мне достаточно симпатичным.

Хоук удивленно кивнул.

— Это довольно простое объяснение.

— Потому что и потребности у меня были простыми.

— Он оказался хорош? Он заставил тебя стонать так, как заставил я в той спальне, Тайлер?

Я сглотнула и взглянула на него. Он уже смотрел на меня с ожиданием.

— Нет, — с горечью прошептала я. — Это все было напрасно, понимаешь? Я продешевила с ним, потому что должна была понимать — он сделал это не ради меня. А только ради того, чтобы потом попасть в клуб.

Это был первый раз, когда я признала, что чувствовала себя использованной. Оглядываясь назад, я понимала, что его цели должны были меня насторожить. Из-за него я разочаровалась в парнях, и они перестали меня интересовать — как в клубе, так и за его пределами. Меня образцово-показательно кинули.

— Гребаный карандашный член, — яростно пробормотал Хоук.

— У него *и* был член, как карандаш.

— Да?

— Я даже не почувствовала его в себе.

Он удивленно усмехнулся.

— Серьезно?

— Да, я все время спрашивала его: «Он внутри?».

Хоука немного отпустило, и его грудь затряслась от смеха.

— Блядь, я подозревал это.

Я не смогла удержаться от смеха.

— Может, я все еще девственница?

Он с интересом взглянул на меня.

— И даже не заставил тебя кончить?

Я покачала головой.

— Ни разу.

— Черт, детка, это было невежливо, — сказал он. — Не так нужно обхаживать девушку.

Я улыбнулась.

— Все это уже в прошлом, Хоук. Твои прикосновения были восхитительны. Я никогда раньше не испытывала подобных ощущений.

Он улыбнулся в ответ.

— Это называется опыт, Тай. Поверь, мой первый раз был охеренным провалом.

— Ты врешь! Не вешай мне лапшу на уши!

— Точно тебе говорю, я не вру!

— Не заливай.

— А какой мне смысл врать? Гас свел меня с одной стриптизершей. Я был озабоченным четырнадцатилетним юнцом — совсем еще мелким пиздюком, которого не заботила всякая морально-этическая хуйня. Все видел в розовом свете и считал, что достиг вершины гребаного мира.

— Что произошло?

— Ты действительно хочешь знать?

— Да, — я кивнула, удивляясь тому, что делаю.

Он усмехнулся и поскреб бороду.

— Она была реально молода и сексуальна. Не так сексуальна, как ты, но все же чертовски сексуальна — этого у нее не отнять. Она танцевала у шеста и раздевалась. Потом начала танцевать вокруг меня, и каким-то образом мои джинсы оказались расстегнуты и спущены до щиколоток. Я трогал ее везде. Говорю тебе, не было ни одного места на ее теле, которое она не разрешила бы потрогать.

— А потом?

— А потом она села ко мне на колени, и ровно через минуту шоу закончилось.

— Через минуту?

— Тогда это была лучшая минута в моей жизни. Только повзрослев, я понял, что та минута была не такой уж впечатляющей.

От смеха я схватилась за живот. Такого я не ожидала. Нет, в моих мыслях он изначально представлялся профессионалом.

Хоук мечтательно улыбнулся.

— В любом случае, детка, у меня сложилось мнение, что первый раз значения не имеет. Нет смысла сожалеть о том, чего не можешь изменить.

Откинув голову на подголовник, я наблюдала за ним.

— Ты мне нравишься, Хоук, — сказала я, не в силах больше держать это в себе. — Ты очень мне нравишься.

— Да, — осторожно ответил он. — Я начинаю понимать это, Тайлер.

Глава 18

Тайлер

Клуб был больше любого имеющегося в нашем городе. В полумраке помещения среди мерцающих огней мелькали танцующие фигуры. Люди были повсюду. Хоук взял меня за руку, и мы начали пробираться через зал. Он подвел меня к бару и, осмотревшись, остановил свой взгляд на высокой рыжеволосой женщине в облегающем красном платье. Когда мы двинулись в ее сторону, я смущенно посмотрела на него. Эта модель не может быть Линдой. Менеджеры клуба не выглядят *настолько* горячо, ведь правда?

Она поймала взгляд Хоука и поджала накрашенные красной помадой губы. В ее глазах не было нежности, там была ярость.

— Твою мать, где ты был? — требовательно спросила она, тыкнув наманикюренным и покрытым красным лаком ногтем Хоуку в грудь. — Сорок пять гребаных минут, Хоук? Какого хера?

Хоук просто посмотрел на нее.

— Скажи мне, где этот парень, Линда.

— Ну, теперь уже хрен его знает, Хоук. У нас некому было заниматься этим, к тому же, здесь народу вдвое больше обычного. Я больше не знаю, где этот гребаный мудака, потому что мы не думали, что придется пасти придурка долбанных сорок пять минут! И что это за, мать ее, деревенщина стоит у тебя за спиной и пялится на меня, словно я, блядь, Мона Лиза?

Хоук жестом указал на меня.

— Это Тайлер.

Она с отвращением взглянула на меня.

— Мужчина?

— Естественно, это женщина.

— Охренеть, с мужским именем! И почему на ней чертов комбинезон?

— Это моя рабочая одежда, — огрызнулась я.

— В этом клубе существует дресс-код, поэтому в следующий раз, когда решишь показаться здесь, попытайся одеться во что-то такое, в чем не будешь похожа на заблеванного бомжа.

— Твою мать, что тебя не устраивает?

С покрасневшим лицом она прорычала:

— Деточка, меня ни хрена не устраивает, что в моем долбаном клубе разгуливает чертов насильник. И если Борден узнает, что я не смогла

заставить своих засранцев-подчиненных уследить за мудаком, пока Король, блядь, Хоук соизволит появиться, он оторвет мне к херам голову.

— Линда, — вмешался Хоук, — тебе стоит говорить потише.

— Тебе легко говорить! Хоук, я почти час буквально сбиваюсь с ног.

Сделав шаг, Хоук приблизился к ней и положил руку на ее костлявое плечо.

— Эй, — мягко сказал он. Это было похоже на попытку муравья укротить льва. — Успокойся, хорошо? Уверен, он все еще где-то здесь и выжидает удобного момента. Тебе нужно перевести дух, ведь если будешь вести себя, как психопатка, ничем делу не поможешь.

Она быстро заморгала, глядя ему за спину с мученической гримасой на лице.

— Меня достало находиться в постоянном напряжении, Хоук. Я больше не могу справляться с этим всем. Если очередная женщина, вошедшая в эти двери, скажет, что ее тронул какой-то мужик прямо под моим проклятым носом, я свихнусь. Это моя вина, поскольку...

— Это не твоя вина, — резко прервал ее Хоук. — Ты справишься с этой херней. Ты сильная. Не раскисай, Линда. Скажи людям, чтобы продолжали искать этого ублюдка. Я никуда не уйду, пока не разберусь с ним, хорошо?

Она кивнула, сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и на ее лице вновь появилось уверенное выражение.

— Ладно, хорошо. Я передам, что ты здесь. Может, кто-то из этих обезьян уже нашел его.

Хоук кивнул, и она умчалась. А я при этом просто стояла и смотрела на Хоука, разинув рот. Не обращая на меня внимания, он сел на стул, схватил меня за руку и притянул к себе так, что я оказалась прижатой к его телу. Поцеловав меня в лоб, он сказал:

— Мне нравится, когда ты рядом.

Вряд ли он понимал, какой эффект на меня произвели его случайно брошенные слова. Я прижалась к нему.

— Эта женщина сумасшедшая.

— Линда — это часть работы, — кивнув, подтвердил Хоук, а затем его губы изогнулись в мягкой улыбке. — Но она хороша в своем деле.

— Она обозвала меня деревенщиной и мужиком!

— На самом деле, ты ей очень понравилась.

— Судя по ее поведению, одеваться так, как я, равносильно убийству.

— Потому что она принимает все это близко к сердцу. Клуб, может, и принадлежит Бордену, но это и ее детище. Она этим дышит и живет.

Вау, что-то больно рьяно он защищает рыжую сучку.

Пару секунд я подозрительно его разглядывала.

— Ты с ней спишь?

Он перевел на меня удивленный взгляд.

— Что?

— Не вынуждай меня повторять вопрос.

— Я даю тебе возможность взять его обратно.

— Но я хочу знать.

Он ухмыльнулся.

— Тайлер, ты ревнуешь?

— Нет, — солгала я, пытаюсь справиться с раздражением. — Просто ответь.

— Детка, я не трахаюсь там, где работаю. У меня есть свои принципы.

Я отвернулась от него к бару и на мгновение закрыла глаза. Боже, что со мной происходит? Одна красивая женщина позволяет себе фамильярничать с ним, и я автоматически предполагаю, что он с ней спит?

Идиотка. Идиотка. Идиотка.

Хоук схватил меня за подбородок, поворачивая к себе лицом. С довольным видом он наклонился ко мне и прошептал:

— С чьим языком ты сосалась совсем недавно?

— С твоим, — прошептала я.

— И кто заставил тебя кончить так, что ты билась головой о стену?

Я перевела взгляд на его губы, и мои щеки вспыхнули.

— Ты, но... потом ты оттолкнул меня.

— Думаешь, я хотел этого?

— Да, возможно.

Прищурившись, Хоук посмотрел на меня.

— Детка, ты самая горячая штучка, к которой я прикасался за все время моего никчемного существования на этой гребаной зеленой планете. Ты такая пылкая, такая охуенно сладкая, что я уже мечтаю перегнуть тебя через эту барную стойку и трахнуть на глазах у всех. Ха, а ведь это действительно веская причина вернуться в клуб? Сделать тебя своей на глазах у всех, пометить своей спермой и наблюдать, как ты получаешь удовольствие от всего этого.

Его слова...

Святой Боже!

Он не может говорить такое без... Я схватила его за рубашку и прижалась губами к его рту. Хоук поцеловал меня в ответ, сплетая наши языки, пока каждый миллиметр моего тела не вспыхнул и не затрепетал.

Как обычный поцелуй может так заводить меня? Я прижалась к нему, желая ощутить его тепло напротив той жаждущей точки между моих ног.

Он отстранился и сказал — на этот раз с совершенно серьезным видом:

— И я никогда не видел девушку, испытывающую ко мне такое сильное желание. Я просто охуеваю от этого, Тайлер.

Я прикусила и потянула его нижнюю губу.

— Ты можешь взять меня прямо сейчас, — страдальчески проговорила я. — Я заведена до предела, Хоук.

Он перебирал пальцами пряди моих волос, рассматривая их.

— Возможно, — пробормотал он больше себе, чем мне. — Возможно, что-то в этом есть.

Возможно?

— Как можно говорить «возможно», когда я вся мокрая для тебя? — высказала я ему. Блядь, я потеряла стыд. Но это все он виноват, потому что единственный способ добиться какого-то прогресса с Хоуком — это быть абсолютно честной.

— Господи, — пробормотал он себе под нос, глядя на меня. Хоук легонько обвел подушечкой большого пальца мои губы, и снова я заметила, как он сдерживается, пытаясь бороться с самим собой, но безуспешно. Я слишком сильно заводила его.

Внезапно вернулась раскрасневшаяся и возбужденная Линда и схватила Хоука за руку.

— Мы нашли его, — сказала она. — Идем.

Глава 19

Тайлер

Хоук ушел, чтобы взять ситуацию в свои руки, но велел мне ждать его в баре. Сидя на стуле, я наблюдала, как шикарного вида девушки и парни в дорогих поло или шелковых рубашках заказывали причудливые напитки всех цветов радуги. В клубах обычно пьют пиво или крепкий алкоголь, а не это разноцветное пойло. Тем не менее, все здесь отличалось поразительным лоском и смотрелось потрясающе. Понятно, почему это самый популярный клуб в городе. Я оглядывалась по сторонам, а потом подняла взгляд на второй уровень, который был закрыт и огорожен красным бархатным канатом. Перед ним стояли и беседовали несколько охранников. Очевидно, это VIP-зона. Я собралась уже отвернуться, когда встретилась взглядом с мужчиной, который стоял там. Опираясь на перила балкона в шаге от охранников, он осматривал клуб.

Я перестала двигаться, на мгновение завороченная чисто выбритым лицом мощного мужчины, фотографии которого сотни раз видела на первых полосах газет.

Маркус Борден.

Его лицо было непроницаемо. До безобразия красиво и пугающе одновременно. Он не сводил с меня пристального взгляда — смотрел так, будто знал, кто я — и не собирался отворачиваться. Господи, я представила рядом с ним Хоука, и поняла, насколько страшен этот дуэт. Неудивительно, что их все боятся. Достаточно лишь одного этого убийственного взгляда, от которого ничего невозможно скрыть.

В конце концов, я отвела взгляд и снова всем телом повернулась к бару. Мне не хотелось видеть, как он разглядывает меня. На счету этого человека столько трупов, что в ближайшее тысячелетие, скорее всего, будут находить братские могилы. И мне не хотелось бы, чтобы в одной из них нашли двадцатилетнюю идиотку, погибшую из-за попытки выиграть в гляделки у короля преступного мира. Возможно, это преувеличение, но над подобным исходом стоит задуматься.

Прошло какое-то время, прежде чем передо мной опять возникла Линда и сказала:

— Эй, лохушка, я за тобой, — она уже не выглядела такой напряженной, как раньше, но стервозное выражение лица было по-

прежнему при ней.

Я сердито зыркнула на нее.

— Меня зовут *Тайлер*.

— Мне все равно, просто подними свою задницу и иди за мной.

— Я должна дожидаться Хоука.

— Блядь, а к кому, по-твоему, я тебя веду?

— Почему он сам меня не забрал?

— Потому что он приводит себя в порядок.

Некоторое время я пристально смотрела на нее, пытаюсь понять, что она под этим подразумевает. Но ее стервозная физиономия ничего не выражала.

— Ты сама пойдешь, или мне, мать твою, тащить тебя волоком?

Я неохотно сползла со стула и выпрямилась. Стрельнув в нее едким взглядом, я огрызнулась:

— Не надо передо мной выебываться, ладно? Удивительно, как это до сих пор из тебя никто не выбил твои отвратительные манеры.

— Ты забываешь, на кого я работаю.

— А, ну да. Только я из «Военных Баронов» и с трудом переносу оскорбления. Так что, если не хочешь, чтобы тебя макнули мордой в кислоту, постарайся быть со мной полубезнее.

Линда застыла, и стервозность на ее лице сменилась удивлением. А потом она медленно улыбнулась и задумчиво произнесла:

— О, теперь я поняла. Ты — та самая девушка, о которой он рассказывал. Теперь все ясно.

Хоук рассказывал обо мне?

Мне стало любопытно. Не будь она такой сукой, я поинтересовалась бы, что он говорил, но у меня сложилось впечатление, что даже если пригрозить ей вырванным кадыком, она все равно ничего не скажет.

Линда развернулась и пошла, а я неохотно последовала за ней.

— Один раз твой клуб, типа по делу, бухал здесь до беспамятства, — сказала она, не оборачиваясь. — Они полностью все здесь изгадили.

— Новенькие в клубе не самого приличного поведения, — объяснила я.

— Они дрались друг с другом просто ради драки.

— Иногда с ними такое бывает.

— Один из них таскал с собой плачущую наркоманку.

— Ты говоришь об Элен. Она всегда рыдает, когда под кайфом.

— И даже не заводи разговор о нашем президенте. Этот парень решил, что сможет раздвинуть мне ноги.

Я подавила улыбку.

— Я слышала, Гектор очень хорош в этом. Так что, возможно, ты прогадала.

Линда бросила на меня странный взгляд.

— Ты действительно одна из них, раз знаешь все это.

Я кивнула.

— Мне известно все.

— Клубное братство.

— Да.

Я едва расслышала ее ответ:

— Да, мне это знакомо.

Пока мы пробирались через зал, мне пришло в голову, что *он* все еще может наблюдать за мной. Быстро бросив взгляд на балкон, я с облегчением выдохнула.

Борден давно ушел.

* * *

Линда вывела меня наружу и проводила к красному грузовику, припаркованному на стоянке для инвалидов — такой уж Хоук засранец. Остановившись, она с отвращением осмотрела развалюху.

— Почему Хоук приехал на этой помойке?

— Вероятно, чтобы выглядеть неприметно, — ответила я.

Она фыркнула.

— Он что, от кого-то скрывается?

От закона.

— Ага.

Линда скривила губы и, в противовес своему недоверчивому взгляду, сказала:

— Точно, я забыла об этом.

Я прислонилась спиной к капоту грузовика и скрестила руки.

— Честно говоря, скорее всего, это отмазка, чтобы не сажать меня на заднее сиденье своего мотоцикла.

Линда насмешливо посмотрела на меня.

— Это всего лишь гребаный байк. Не понимаю, почему для вас, сучек, столько символического значения в этом. Это охренеть как унизительно.

— Потому что это форма отказа.

— Это наивность и безумие.

— Для нас это много значит.

— Тебе что, двенадцать лет?

— Нет, мне двадцать.

Она махнула рукой в сторону клуба.

— Он привез тебя сюда, разве нет? Блядь, вот это самое главное. Хоук не приводит сюда девушек, он их обычно выпроваживает.

Я прищурилась.

— Вау, спасибо, теперь мне стало гораздо лучше.

— Ну, значит, ты идиотка и ничего замечаешь, — раздраженно возразила она. — Терпеть не могу, когда дуры, вроде тебя, изливают историю своей жизни, словно мне не похеру на все это. Но мне похер, поэтому держи при себе свои страдания по поводу того, что не оказалась на заднем сиденье его гребаного байка.

О, Боже мой, а ведь она права. Я делаю из этого трагедию.

Я превращаюсь в Шей.

— Клянусь Богом, — продолжала она, — Борден связался с гребаной самкой тарантула, и если ты хоть немного похожа на нее и мне придется иметь дело с двумя истеричными сучками, я вскрою кому-нибудь горло.

— Мне понравилась девушка Бордена, — пробормотала я себе под нос, на секунду вспоминая, как познакомилась с ней почти два года назад. У нее было сильное эмоциональное потрясение, но, тем не менее, за этим своим состоянием она смогла заметить меня. На том этапе жизни я была подростком-эмо.

— Она крутая.

Линда стиснула зубы.

— Блядь, я уже тебя ненавижу.

Сразу после этого послышались шаги, и я обернулась, чтобы увидеть приближающегося к нам Хоука. Даже не моргнув в сторону Линды, он сказал:

— Я со всем разобрался.

Ее манера поведения резко изменилась. Выражение лица смягчилось, и она, кивнув, ласково сказала:

— Спасибо, Хоук.

Я удивленно моргнула. У этой телки биполярное расстройство или что?

Она бросила на меня полный непонятной жалости взгляд.

— Береги себя, Тайлер, — после чего развернулась и направилась обратно к клубу, оставив меня в полном замешательстве.

— Все в порядке? — спросила я Хоука, когда Линда исчезла из поля

зрения.

Он уже открыл водительскую дверь и мрачно ответил:

— Блядь, Тайлер, просто залезай в машину.

Я так и сделала, не переставая наблюдать за ним и размышляя, почему его лицо выглядит полностью отстраненным. Он вел машину молча, но сильно сжимал руль. Хоук слишком быстро мчался по дороге, едва не сшибая людей и матерясь себе под нос, будто это они были виноваты. Я вцепилась в края сиденья, чувствуя раздражение от его резких поворотов, и сказала:

— Напоминаю, Хоук, что мой ремень безопасности не работает, так что полегче.

Но не получила никакой реакции.

— Хоук, — прошипела я, ударившись плечом об окно, — помедленнее!

Он резко свернул с дороги и ударил по тормозам, отчего я резко дернулась на своем сиденье. Черт возьми, что с ним происходит?

С мрачным видом он шарахнул по рулевому колесу. Раздался громкий гудок. Хоук вышел из машины и так сильно хлопнул дверью, что автомобиль содрогнулся. Совершенно озадаченная, я наблюдала, как он расхаживает по узкой грунтовой дорожке рядом со скоплением закрытых офисов. Он шагал с прижатыми к бедрам кулаками, часто вздымающейся грудью и свисающими на лицо волосами. Высокий и мощный, в темноте ночи он выглядел совершенно устрашающе. Так вот почему Линда одарила меня таким сочувствующим взглядом? Потому что знала, в каком Хоук настроении?

Я вздохнула и открыла дверь. Выбравшись из машины, я направилась в его сторону и остановилась в шаге от него. Хоук стоял, безучастно глядя перед собой.

— У тебя был серьезный приступ дорожной агрессии, — прошептала я совершенно невинным тоном. — Если тебе дерьмово потому, что тот сопливый чувак подрезал тебя, то это, честно говоря, что-то вроде кармы.

Он перевел взгляд на меня, но его губы не дрогнули, потому что я не шутила.

— Тай, сейчас я не очень хорошо себя чувствую.

— Еще бы.

Он протяжно вздохнул.

— Во мне бурлит адреналин. Мои руки по-прежнему в крови.

С минуту я наблюдала за ним, взволнованная его дрожью. Он не мог успокоиться. Это напомнило мне то, как я чувствовала себя, когда он убил

Юрия. Весь этот адреналин, несущийся по моему телу, а ведь я была всего лишь свидетелем. Невозможно представить, каково было Хоуку, вынужденному совершить такое, чтобы не дать кому-то причинить мне боль.

— Это из-за того человека в клубе? — спросила я.

Его взгляд ожесточился, и он, раздувая ноздри, проскрежетал:

— Он заслужил это.

Я понимающе кивнула.

Это касалось всего, что сделал Хоук, и до настоящего момента я даже не представляла, насколько сильно это его мучает. Он был близок к тому, чтобы снова слететь с катушек. Тьма в его взгляде начала сгущаться. Я быстро подошла, взяла его за руку и, прижав ее к губам, нежно поцеловала огрубевшую кожу. Он отшатнулся, удивленный моими действиями, и посмотрел на меня. Некоторое время мы молчали, но я могла точно сказать, что у меня не очень-то получилось его расслабить. В итоге он отпустил мою руку и вернулся к машине. Я последовала за ним, и мы оба, не говоря ни слова, залезли в салон.

Он не стал заводить машину, а просто барабанил пальцем по рулевому колесу.

— Это порочный круг, — пробормотал он. — Я причиняю боль плохому человеку, а потом становлюсь сам не свой, и чтобы забыть причиняю боль снова... и снова. Моя голова переполнена картинками совершенных мной поступков. Во мне течет дурная кровь. Я забираю жизни у людей — даже у хороших людей — и слишком заигрался в бога. Временами я думаю, что должен был остаться гнить в тюрьме, — сказав это, он выглянул в окно, и его тело снова начало дрожать.

Я быстро переползла со своего места к нему на колени, пока он не решил снова уйти. Хоук напрягся, удивленный тем, что я сделала, и посмотрел на меня. Оседлав его колени, я слегка ссутулилась, чтобы мы оказались лицом к лицу. В такой позе на его фоне я почувствовала себя маленькой, но такой маленькой, как мне нравилось. Он перевел взгляд на мои губы.

— Что ты делаешь, Тайлер?

— Отвлекаю тебя, — сказала я.

Его лицо немного смягчилось, а гнев сменился желанием. Он притянул меня к себе, и моя грудь прижалась к крепкой груди. Глядя на меня с любопытством, Хоук легким движением погладил мое лицо и заправил за уши пряди волос.

— Что я говорил тебе по поводу отвлечения? — понижая голос,

спросил он.

— Что потом об этом сожалеешь, — я тут же замолчала, сосредоточенно глядя на него. — Будешь ли ты сожалеть, если я сейчас помогу тебе почувствовать себя лучше?

Хоук провел пальцем по моей нижней губе и тут же облизал его, словно представлял себе мой вкус. Я видела, что в глубине его глаз все еще скрывается тьма, но знала, что он хочет этого.

— Честно говоря, — пробормотал он, — в тебе есть что-то настолько притягательное, что подсказывает мне — если я попробую тебя, то не пожалею об этом ни на секунду.

Я улыбнулась, и тогда он, собрав в пригоршню мои волосы, атаковал меня своим ртом, крепко поцеловав. Вторую руку Хоук опустил на мой комбинезон, и, как в прошлый раз, расстегнув его, скользнул к моей талии, а потом, пробравшись под футболку, коснулся моей груди. Обхватив одну своей большой ладонью, Хоук сжал ее и двинулся ко второй. Выгнув спину, я всем своим телом показывала ему, как мне нравится то, что он делает. Но на этот раз все было по-другому, потому что сейчас я могла чувствовать, как он твердеет подо мной. Хоук не собирался останавливаться. Он не ждал моего следующего шага. Он сам брал меня.

Задрожав всем телом, Хоук со стоном оторвался от моего рта и прижался лицом между грудей. Он провел напряженными руками вдоль позвоночника и, прижав меня сильнее, обхватил мой сосок губами и жадно втянул его в рот. Я застонала и вцепилась ему в волосы, извиваясь над его твердым членом.

Мне хотелось его освободить.

Хотелось почувствовать его в своей руке.

Я потянулась к его джинсам, как вдруг услышала неожиданно раздавшийся вой сирены. Замерев на месте, я подняла голову, с трудом фокусируя взгляд.

И увидела мигающие огни.

Красный, затем синий.

Я замерла в крепких объятиях Хоука, когда он отстранился, чтобы взглянуть в зеркало заднего вида.

— Позади нас полицейская машина, — тихо сказала я, озвучивая очевидное.

— Да, я вижу, — ответил он.

— Нам лучше смыться от них?

— На нашей «гоночной» машине?

Я нахмурилась.

— Говорила же тебе взять машину Джонни.

— М-м-м, действительно говорила.

В это время полицейский приблизился к нашей машине и посветил внутрь своим долбаным фонариком. Зажмурившись, я отвернулась и попыталась отодвинуться, но Хоук сжал руку на моем бедре, удерживая на месте. Коп постучал фонариком в окно, и Хоук, глядя на него, медленно опустил стекло.

— Документы и права, — приказал коп.

— Зачем? — возразил Хоук.

Коп перевел взгляд с Хоука на меня.

— Здесь запрещено парковаться.

Хоук равнодушно усмехнулся.

— Здесь нет запрещающего знака.

— Он прямо перед вами, — коп указал на запрещающий парковку знак перед самым нашим носом.

Хоук хмыкнул.

— Твою ж мать.

Коп скользнул по мне взглядом.

— С вами все в порядке?

Я старалась не поворачиваться к нему, потому что мои сиськи были на виду. И в настоящий момент рука Хоука лежала на одной из них. Объективно говоря, его стояк никуда не делся, и от малейшего движения моя киска начинала пульсировать.

— Со мной все хорошо, — сказала я.

— Не могли бы вы слезть, чтобы этот человек смог достать права и документы?

— У меня нет ни того, ни другого, — небрежно сказал Хоук.

— Тогда я попрошу вас выйти из машины.

— Я не выйду, и если ты не дурак, то, для собственного блага, свалишь нахрен к своей машине и будешь играть в копов и бандитов с кем-нибудь другим.

Коп выглядел взбешенным.

— Сэр, — гневно сказал он, — я вынужден еще раз попросить вас выйти из машины...

— Мое имя Хоук, — прищурившись, резко огрызнулся он. — И, насколько я в курсе, мы платим за то, чтобы ты смотрел в другую сторону и вернулся к своей гребаной машине. Бордену донесут, что меня задержали, и к рассвету тебя уже не станет.

Лицо полицейского вытянулось, а в глазах мелькнуло узнавание.

— Черт, — отступая, пробормотал он. — Черт, я не узнал тебя, Хоук. Ты можешь ехать. Я передам остальным ребятам, что ты едешь на красном грузовике. Прощу прощения.

Он извинился раз семь или восемь, пока Хоук не прервал его, когда завел мотор. Коп отошел, и к этому моменту хватка Хоука на моем бедре ослабла. Я вернулась на свое сиденье и почувствовала, как ладонью он сжал мою задницу. Со смехом я шлепнула его по руке, и он вырулил на дорогу с широченной улыбкой на лице.

Спустя минуту я спросила:

— Борден всех здесь держит в кулаке?

— И я тоже, — ответил Хоук. — В конце концов, формально я до сих пор президент клуба.

* * *

Никаких сомнений, что Хоук трахнет меня, как только мы вернемся — в этом я была уверена. Напряжение между нами возрастало. Каждый раз, когда наши взгляды встречались, я видела жар в его глазах. Он собирается сделать это. Ощущая легкую нервозность, я гадала, как это будет. Он бросит меня на кровать и сорвет одежду? А потом опустится сверху и...

Я инстинктивно сжала бедра. Твою мать, мне же нужно в душ. Он даст мне время? Или, если пойду мыться, все нарушится? Кровь прилила ко всем частям тела, внутри все бурлило от возбуждения.

Пытаясь успокоиться, я прислонилась головой к окну. Последнее, чего я ожидала, что дорога будет ощущаться дольше, чем есть на самом деле, и что подпрыгивание машины на кочках меня убаюкает. Мои глаза закрывались, и я старалась изо всех сил держать их открытыми, но это была проигрышная битва.

Хоук не трахнет меня.

Потому что я заснула.

Мое глупое гребаное тело меня подвело.

Глава 20

Тайлер

Он нес меня на руках, и я плыла в облаке его сандалового аромата. Слышала, как он что-то сказал Гасу, а потом понес меня по лестнице в спальню. Когда Хоук опустил меня на кровать, я еле-еле приоткрыла глаза и протянула к нему руку.

— Не уходи, — устало пробормотала я. — Не хочу о нем думать.

— Детка, о ком думать? — спросил он.

— О Юрии.

Немного помолчав, он отошел. Я слышала звук его движений и через несколько минут почувствовала, как рядом прогнулся матрас. Он раздел меня, сняв комбинезон с носками и бросив их куда-то. А потом, устроившись рядом и обняв меня за талию, притянул к своей обнаженной груди. Я еще не провалилась в сон окончательно, но была близка к этому.

А затем почувствовала его поцелуи на своем плече — он слегка касался зубами моей кожи, посылая мурашки по всей руке. Я совсем обмякла в его объятиях, а Хоук продолжал свои влажные поцелуи. И за секунду до того, как темнота поглотила меня, он прошептал:

— В чьей ты постели?

Я облизала губы и выдохнула:

— В твоей.

— Да-а-а, — простонал он, обхватывая ладонью мою грудь. — Боже, Тайлер, как же ты мне нравишься. И для меня это настоящая проблема.

У меня не было сил ответить. К этому времени я уже довольно крепко спала, чтобы хотя бы поинтересоваться, почему.

* * *

Спала я беспокойно. Мне снова снилась кровь, лицо Юрия, снова страх. Я была пока бессильна избавить свое подсознание от этого проклятого происшествия. В результате его безжизненное лицо продолжало мучить меня, и я металась и плакала во сне.

— Эй, — услышала я голос Хоука, — я здесь, Тай. Успокойся.

Его голос успокоил мой внутренний страх и мое тело расслабилось.

Он прижал меня к себе, снова осыпая поцелуями. После этого кошмары мне больше не снились.

Едва забрезжило утро, я разлепила веки и увидела фигуру возле кровати. Я не знала, как давно он тут стоял, но в тот момент, когда я окончательно открыла глаза, Хоук сказал:

— Мне нужно идти, дорогуша. Надо разобраться с Абрамом.

Стараясь не показывать своего огорчения, я взглянула в его непроницаемое лицо, едва различимое в темноте.

— Ты теперь не скоро появишься?

— Не скоро.

Я неохотно кивнула.

Он сделал попытку подойти ближе, но остановился, уставившись на меня долгим тяжелым взглядом. На его лице мелькнуло сомнение, но он быстро спрятал его и отвернулся.

— Хоук, — торопливо выпалила я, не в силах сдержаться.

Он обернулся и посмотрел на меня. В горле пересохло так, что я не могла говорить, но мне хотелось спросить его о прошлой ночи и о том, что между нами было. Судя по взгляду, Хоук все понял без слов, подошел и сел на кровать. Он нежно коснулся ладонью моего лица, погладил щеку и провел подушечкой большого пальца по губам.

— Когда ты успела стать такой красивой? — прошептал он себе под нос тот же самый вопрос, который раньше уже задавал вслух.

Я поцеловала его палец и, затаив дыхание, наблюдала за реакцией Хоука. На пару секунд он закрыл глаза, но движения груди выдавали его затрудненное дыхание. Снова целуя его палец, я высунула язык и коснулась им кожи. Хоук открыл глаза — во взгляде появилось что-то звериное — и прорычал:

— Не искушай меня, Тай. Ты не захочешь видеть меня таким. Я не буду нежным, понимаешь? Я возьму тебя, и это будет *жестко*.

По спине пробежал озноб, и я почувствовала, что глубоко внутри меня все сжалось в предчувствии того, что он сейчас отстранится. Но Хоук не убрал руку и в какой-то болезненной зачарованности наблюдал за моими дальнейшими действиями. Я учла его предупреждение, но, честно говоря, мне было похер. Я открыла рот и, обхватив губами его палец, начала слегка посасывать его. Хоук перестал дышать и отдернул от меня свою руку. И прежде, чем я поняла, что происходит, прижался к моим губам в страстном поцелуе.

Он целовал меня жестко, словно одержимый, грубым натиском захватывая в плен мой язык и губы. Протянув руки, он прижал меня к

своей груди, все углубляя свой пожирающий поцелуй. Я почувствовала его эрекцию, прижимающуюся к моему бедру, и ощутила это желание в движениях его губ.

Я застонала, и этот звук словно подстегнул его. Раздвинув мне ноги, он через ткань трусиков провел рукой по моей киске, и я затряслась под ним. А дальше не поняла: то ли я умоляла его избавить меня от страданий и трахнуть, то ли весьма красноречиво стонала. В итоге, его прорвало. Отбросив самоконтроль, Хоук сгрел в кулак мои волосы и резко потянул, наклоняя голову так, чтобы наши рты не отрывались друг от друга, а сам устроился между моих ног. Каждая клеточка моего тела пылала огнем. Я вцепилась в ворот его рубашки, притягивая ближе и не позволяя ему отстраниться.

Я была заведена до предела.

И с каждым вдохом желание нарастало.

Оно превратилось в насущную потребность.

В абсолютную необходимость.

Оно было по-настоящему животным.

Хоук чувствовал то же самое, неистово желая оказаться во мне. Он отстранился, но ровно настолько, чтобы стянуть с меня трусики. Я оказалась полностью открытой перед ним, и, будь в комнате чуть посветлее, он увидел бы, насколько я блестела влагой для него. Я потянулась к его джинсам, но мои пальцы тряслись и не слушались. Не понимаю, какого черта со мной происходит. Это же Хоук, а не какой-то придурок-одноклассник, впечатления которого мне по барабану. Сердце колотилось в горле, пока я возилась с пуговицей на его джинсах, и, как только они оказались расстегнуты, Хоук сдернул их с себя.

Это на самом деле происходит.

Или я умерла и попала в ад?

Потому что в раю не может быть так круто.

Он снова поцеловал меня — на этот раз томно — и я почувствовала, как что-то твердое упирается в мою чувствительную плоть. Я застонала ему в рот и впилась пальцами в плечи, когда он провел головкой члена вдоль моей влажной щели, слегка коснувшись точки сплетения нервов, отчего мне пришлось вцепиться в кровать.

— Ты мокрая, — сказал он, и в его голосе слышалось восхищение. — Блядь, Тайлер, мне так нравится, что ты настолько сильно хочешь меня.

Я закрыла глаза, с волнением ожидая, когда он скользнет в меня, но Хоук лишь водил головкой члена туда-сюда, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Сними майку, — приказал он.

Я стянула ее через голову и не глядя бросила на пол.

— Обхвати ладонями сиськи.

Я сделала это, и Хоук, склонившись, начал поочередно сосать мои соски. И все это время не прекращал свою пытку, пока у меня в горле не пересохло от тяжелого дыхания. Но меня все устраивало, хотя бы потому, что попутно я стянула с него рубашку и провела руками по его невероятно впечатляющему торсу.

— Ты такой сексуальный, — сказала я, не в состоянии промолчать. — Хоук, я охують как сильно хочу тебя.

На этот раз мои слова не разозлили его. Невероятно, но его член стал еще тверже.

Хоук склонился ко мне и снова поцеловал, трахая мой рот резкими и ритмичными движениями своего языка. А потом, крепко сжав бедра, развел мои ноги шире.

— Обними меня покрепче, Тайлер, — напряженным голосом проговорил он.

Я вцепилась в него изо всех сил и закрыла глаза.

— Нет, детка, смотри на меня.

Открыв глаза, я встретила с ним взглядом. Жаль, что свет выключен — хотелось бы увидеть в его глазах, насколько он хочет меня.

Хоук качнулся вперед, и головка его члена медленно проникла в меня. Я чувствовала, как растягиваюсь вокруг него. Потребовалась пара минут, прежде чем он полностью покрылся моей влагой и скользнул внутрь. Ощущения были нереальными. Я чувствовала себя снова девственницей — с тем же успехом я могла бы ею быть — потому что, *черт возьми*, член Хоука был очень толстым. Интересно, а насколько длинным окажется? Я приподняла голову, чтобы получить лучший обзор, потому что он все еще входил в меня. Почти невыносимое и, до смешного, непривычное чувство. По его опьяненному взгляду я поняла, что он умышленно тянет время, смакуя собственные ощущения.

Хоук заполнял меня сантиметр за сантиметром, и я настолько извелась ожиданием, что готова была взорваться. Обхватив одной рукой мою грудь, он продолжал свои движения — вперед-назад — в одну секунду заполняя меня, а уже в следующую оставляя опустошенной. Когда он погрузился до конца, я закатила глаза. Мои стенки так плотно сжимали его, что искры из глаз летели.

Как только мое тело приспособилось к размеру его члена, Хоук начал двигаться быстрее, погружаясь в меня все глубже и резче. Сначала он

контролировал свои движения, словно прощупывал почву, и наблюдал за моей реакцией. Я металась под ним — стоны становились все громче, удовольствие нарастало.

Хоук не врал, предупреждая меня.

Это было жестко.

Он вколачивался в меня, запустив мне руку в волосы и вынуждая смотреть на него. Хоук рычал и матерился себе под нос, повторяя, как ему хорошо во мне.

Спинка кровати билась о стену.

Много раз.

Уверена, что штукатурка со стены осыпалась.

Скользнув ладонями по его спине — мимо татуировки, которую я хотела бы увидеть — я вцепилась ему в ягодицы, когда он стал входить глубже, лобком задевая клитор.

Оргазм накрыл меня так внезапно, что тело оказалось не готово к произшедшему его безграничному удовольствию. Я закричала, и он со стоном проглотил мои крики своим ртом, не прекращая двигаться.

— Я чувствую это, Тай, — сквозь зубы прохрипел он, не останавливаясь.

И он не собирался останавливаться.

Было настолько хорошо, что я боялась не вынести этого. Продолжая жестко входить в меня, Хоук широко развел мои ноги и приподнялся, чтобы наблюдать, как его член исчезает во мне.

— О, Боже, Хоук не останавливайся! — умоляла я. — Пожалуйста, вот так! Еще, Хоук!

Его член был покрыт моей влагой от первого оргазма. Я увидела, как Хоук сжал губы, когда его удовольствие достигло пика, а затем, просунув руку между нами, он большим пальцем стал ласкать мой клитор, вызывая новую искрящуюся волну.

Это было уже слишком.

Я снова закричала, когда он еще раз довел меня до оргазма.

— Твою мать, Тайлер, — прорычал он, толкнувшись в меня последний раз.

Я почувствовала в себе его пульсацию, и Хоук, вздрогнув всем телом, кончил, изливаясь в меня. Он рухнул сверху, его грудь быстро поднималась и опускалась. Некоторое время он оставался во мне, прижимаясь своим лбом к моему, и измученно повторял:

— Гребаный ад, Тайлер.

Сердце мое быстро и тяжело колотилось, и я дышала по-прежнему

широко открытым ртом. Каждый миллиметр моего тела жаждал вновь испытать его прикосновения.

В конце концов Хоук отстранился и вышел из меня. С совершенно ошарашенным видом он подобрал с пола свои джинсы с рубашкой и оделся, а потом в каком-то отчаянии провел рукой по волосам. Я не шевелилась и не отрываясь наблюдала, с каким трудом он сдерживается.

— Ты и эти гребаные глаза, — прорычал он, выпрямляясь. — Я устал от этих взглядов, Тайлер. Они лишают меня самоконтроля.

Я по-прежнему молчала. В любом случае, он не станет слушать то, что я собиралась сказать, потому что полностью заиклен на том, что между нами произошло. Хоук остановился, снова окинул взглядом мое тело — я лежала со все еще разведенными ногами — и стиснул зубы.

— Проклятье, Тайлер. Я выгляжу долбаной скотиной — трахнул тебя и бросаю — но мне нужно идти.

Еще несколько минут он стоял и сомневался.

— Ты ненавидишь меня? — вдруг спросил он, и в его голосе послышалась боль.

Я покачала головой.

— Ты... жалеешь о том, что мы сделали?

Господи, он выглядел таким потерянным, словно боялся моего ответа.

Я снова покачала головой.

Расслабив плечи, Хоук с трудом сглотнул.

— Я тоже не жалею об этом, Тайлер, просто... блядь, это неудачное время.

Я ждала, понимая, что он должен уйти и разрулить дерьмовую ситуацию с Абрамом. Казалось, он просто не мог сдвинуться с места, как будто умом понимал, что должен, но тело его не слушалось.

— Увидимся, когда получится, — в итоге сказал он, упорно не глядя на меня, словно один этот взгляд мог заставить его вернуться ко мне. Глубоко вздохнув, он заставил себя сдвинуться и, не оглядываясь, поспешно вышел из комнаты.

После его ухода мое сердце еще долго не могло успокоиться. Он ушел, и это должно было расстроить меня. Я сумела добиться его, и он был явно этим недоволен. Кажется, со мной он потерял контроль, и это зрелище того стоило! Хоук показал то, что у него внутри.

Вот только... я не чувствовала себя ни расстроенной, ни использованной. Вместо этого по моему лицу расплзлась эта странная идиотская улыбка. На меня накатили ощущения вкуса его языка. Повышенная чувствительность и сладкая тянущая боль между ног.

Господи, мне хотелось скользнуть туда пальцами и кончить еще раз, представляя, как он хрипит мне в ухо, вколачивая в меня свой член. Я лежала и вспоминала, как он вгонял его в меня снова и снова, заставляя гореть изнутри и снаружи.

Наконец-то это случилось.

Он трахнул меня!

Это было лучше, чем я себе представляла и на что надеялась. Иногда ночами я пыталась вообразить, каким неистовым он будет. Но случившееся превзошло все мои ожидания. Хоук был лучше, чем я себе представляла, потому что в выражении его лица я прочитала все, что мне нужно было знать. Он вкусил меня и хочет большего. Но вместо того, чтобы смириться с этим, он сбежал с твердым намерением задушить свои чувства ко мне.

Глупенький, он не понимает, что это не сработает.

Поэтому сейчас я лежала в своей комнате и улыбалась.

Хоук вернется. В этом я была уверена.

Глава 21

Хоук

Он сбежал.

И нечего тут пытаться приукрасить.

Да, он, блядь, тупо сбежал.

Кстати, не из-за Тайлер. Просто... он сбежал, потому что у него были обязательства. Ему нужно было возвращаться в город. Возвращаться к Бордену.

Пребывание в клубе смешало все карты.

Не Тайлер.

Исключительно клуб.

Да, именно так. Гектор чувствовал угрозу, когда Хоук был поблизости — и не безосновательно. Парни действительно уважали Хоука. Они хотели видеть его во главе клуба, и это в десять раз усиливало его и без того напряженные отношения с братом. Вот поэтому он сбежал.

Ага.

Плюс... еще возникла *своего рода* проблема, когда он прикоснулся к киске Тайлер. Ничего глобального, вовсе нет, просто достаточно для того, чтобы Хоук заработал себе постоянный стояк, головную боль и... непрекращающиеся образы Тайлер, сидящей на его члене.

Блядь.

Ладно, это *немного* больше имело отношение к Тайлер и к тому, как охуенно сексуальна она выглядела обнаженной, как сильно она его хотела в ту ночь, когда прижала его руку себе между ног и молча умоляла трахнуть ее.

А еще прошлая ночь...

Трогать ее сиськи.

Сосать ее язык, пока она стонет.

Чувствовать, как сжимаются стенки ее киски, когда она кончает. Твою мать, она была такой влажной из-за него. *Из-за него!*

Он чувствовал себя гребаным Богом.

К этому он не был готов. Он собирался уходить, а не таращиться на нее бог знает сколько времени, как гребаный извращенец. А сам просто не мог заставить свои ноги двигаться. А когда она, открыв глаза, взглянула на него... шансов уйти не осталось. Он пропал. Хоук *должен был* хотя бы

прикоснуться к ней. Но, вашу мать, последнее, чего он ожидал, это что она начнет сосать его чертов палец. И еще меньше Хоук ожидал, что его член мгновенно затвердеет.

Он чувствовал себя... первобытным дикарем.

Жадным собственником.

Абсолютным, блядь, животным.

Она была такой чертовски чувственной. Невозможно забыть, как стенки ее киски сжали его настолько сильно, что он чуть не взорвался в ней в ту же секунду. Не забыть ее тяжелое дыхание и мольбы, когда он двигался в ней вперед-назад.

— Трахни меня, Хоук, — задыхаясь, шептала она, пульсируя и извиваясь под ним. — Пожалуйста, вот так. Еще, Хоук, пожалуйста. Пожалуйста!

Она была такой влажной для него. Для него!

Он не мог понять. На него уже давно так никто не смотрел. Не с этой чертовой бородой и постоянной привычкой держаться в тени. И все же Тайлер удавалось видеть сквозь все это. Ее ни капли не заботила его вызывающая отвращение, искромсанная нахер рука, или то, что он вынужден носить этот долбаный плащ и выглядеть, как бомж, способный прибить за копейку.

Она смотрела на него тем же взглядом, каким Эмма смотрит на Бордена. В этом взгляде ощущалась смесь похоти и желания. Он словно «говорил»: *ты нужен мне*.

Единственное, о чем Хоук сожалел, это о том, что не наслаждался Тайлер в полной мере. Он так и не попробовал ее киску на вкус, не трахнул ее сзади, чтобы их тела сталкивались с громкими хлопками, его член так и не побывал у нее во рту. Блядь. Хоук с трудом сглотнул, представив, как ее маленькие губки обхватывают его.

Она же практически предлагала ему себя на гребаном серебряном блюдечке. Она хотела его, и любой здравомыслящий человек воспользовался бы этим предложением... Потому что, какой ебнутый на голову идиот смог бы отказать Тайлер?

Хоук.

Этим ебнутым на голову идиотом был Хоук.

Ему нельзя было быть с ней, и он не понимал, почему вдруг сдался.

Нет, ну правда.

Он ощутил такую подавленность, когда она, сидя напротив, смотрела на него своими глубокими карими глазами и гладила его гребаную искалеченную руку. Даже от одного воспоминания в руке появилось

покалывание.

Хоук попытался припомнить ее тем ангелочком — дочерью Дэнниса. Она каталась вокруг клуба на том долбаном розовом трехколесном велосипеде. И Хоук никогда не признается — ни ей, ни кому-то другому — что это он приказал Кирку избавиться от этого идиотского велика, потому что его он безумно раздражал и не имел никакого отношения к пистолетам, бутылкам с выпивкой и возбужденным голым сучкам. Но, главным образом, потому, что скрипел он, как ржавая дверная петля, отчего все готовы были лезть на стену.

И потом этот взгляд. Блядь, она так смотрела на него. На грани идолопоклонства. У него практически было желание надеть ей мешок на голову, чтобы больше не видеть ее глаз. В нем, *в этом взгляде*, неизменно читалось одно и то же: желание и потребность — опасная комбинация, выносящая ему мозг. Ей нужно заканчивать с этой долбаной обреченностью в глазах, потому что это откалывает по кусочку от ледяного панциря в его груди. Он матерый преступник, убийца, беглец. Какого черта он тогда, встречаясь с этим долбаным *взглядом*, ощущал себя сентиментальной курицей?

В общем, если в двух словах, то именно поэтому он и ушел.

Из-за ее взгляда.

И кое-чего другого.

Глава 22

Хоук

— Позволь мне услышать эту потрясающую историю без прикрас, ладно? Ты убил моего кузена — человека, которому я доверял более десяти лет его преданнейшего рабства — только потому, что он захотел... трахнуть девку? — Абрам смотрел на Хоука через гигантских размеров обеденный стол, в данный момент заставленный едой. Рядом сидела какая-то безжизненного вида девица — безжизненная, потому что в ее глазах не было никаких признаков жизни — и не поднимала взгляда от пустой тарелки. Одна из многочисленных рабынь Абрама. На территории особняка их было довольно много. Все ярко одетые. Все невообразимо красивые. И все с мертвыми глазами. Хоук не знал, как Абрам находит этих женщин и как избавляется от них. Честно говоря, этот вопрос его не волновал.

Переводя взгляд с Хоука на Абрама, Гас, который стоял рядом, занервничал, не понимая, что ему делать. Как только они приехали, Абрам приказал Гасу молчать, сказав, что хочет разговаривать с Хоуком, а не с Гасом или Джессом (который в настоящий момент со смущенным видом таранился на безжизненную девушку).

Раннее утро (до того, как прилип взглядом к Тайлер) Хоук провел, сидя в кресле вместе с той ужасной псиной, рычащей на него безо всякого повода — только за то, что он дышал слишком близко. Не было еще и шести утра, когда позвонил Абрам и заявил, что хочет встретиться немедленно. Затем им нужно было по-тихому улизнуть из клуба, что не составило труда, потому что в стельку пьяный Гектор лежал в своей кровати с какой-то безымянной шалавой, которую прошлой ночью притащил к себе в комнату.

И вот теперь они вдвоем находились на территории Абрама совершенно безоружные. Хоук не хотел быть инициатором проблем, поэтому понимал — чтобы успокоить Абрама, он должен выглядеть уязвимым. Нужно было дать почувствовать ублюдку, что он главный, и Хоук — чего уж тут врать — в данный момент чувствовал себя беспомощным.

— Юрий был под кайфом, — спокойно объяснил ему Хоук. — Он очень агрессивно предъявлял свои требования, но я старался сохранять доброжелательность.

— Доброжелательность? Ты УБИЛ его! — взревел Абрам, ударяя кулаком по столу. Сидящая рядом апатичная девица даже не вздрогнула.

— Он вел себя, как умалишенный, — возразил Хоук.

— Из-за девки? Ты сам-то понимаешь, что это полная херня? Под моей крышей он мог иметь любую, мать твою, девку, какую только пожелает, а они покруче ваших клубных крыс. Какого хера он затеял все это ради одной из твоих, Хоук?

Какое-то мгновение Хоук изучающе смотрел на русского. Его приятная внешность была обманчивой. Такому парню нет нужды заманивать красивых девушек, чтобы продемонстрировать свои возможности.

Его невозможно прочесть.

Даже его гнев был фарсом, чтобы сбить окружающих с толку.

Хоук, сохраняя безучастное выражение лица, почти со скучающим видом продолжил объяснение:

— Как я уже говорил, он был под кайфом и вел себя агрессивно. Он бы полез в драку из-за любой девчонки. Просто случилось так, что девочка, которую он захотел, уже договорилась о ночи с одним из членов клуба.

— Он перегнул палку.

— Дело не в этом. Он сказал, что это ты дал ему добро.

— Я сказал ему поразвлечься. Но совсем не подразумевал под этим какую-то конкретную девчонку, а уж тем более ее похищение.

— Судя по всему, он чертовски сильно ее хотел.

Абрам откинулся на спинку стула, гневные морщины на его лице разгладились.

— Это полная бессмыслица. Девка, которую он хотел... как ее зовут?

Хоук почувствовал на себе пронзительные взгляды Гаса и Джесса, но, несмотря на их плохо скрываемое беспокойство, не моргнув глазом соврал:

— Шей.

— Красивая? — продолжил допрос Абрам.

— Кому как.

— Ну, она, должно быть, охуенная красавица, да, Хоук?

— Предположим.

Усмехнувшись, Абрам покачал головой.

— Ну, и что теперь прикажешь мне с этим делать? Думаешь, можешь просто так убить члена моей семьи, а я оставлю все, как есть? Я буду выглядеть слабаком, если ничего не предприму и позволю, чтобы твоему клубу подобное сошло с рук.

— Клуб здесь ни при чем, это был я. И ответственность полностью лежит на мне.

— Видишь, именно поэтому ты до сих пор лидер. В отличие от твоего неудачника-братца, который зарабатывает себе репутацию больше в спальне, чем вне ее. Тебе действительно стоит вернуться на этот путь. Я был бы более терпимым к этому быдлу, если бы знал, что во главе стоишь ты.

— Я в бегах.

— Я мог бы посодействовать, чтобы об этом забыли.

Лицо Хоука окаменело.

— Никто не сможет этого сделать.

Абрам улыбнулся.

— Деньги помогают забыть все, Хоук. Твой лучший друг Борден согласился бы со мной.

Хоук не ответил. Не самая подходящая для обсуждения в этой дерьмовой ситуации тема. Он уже смирился с текущей реальностью — нет смысла оглядываться назад.

— Каких действий ты ждешь от меня, чтобы мы могли уладить это? — спросил Хоук.

— Око за око, — ответил Абрам.

— И что это значит?

— Я хочу, чтобы кого-то одного из твоего вонючего клана замочили.

Джесс зарычал, а Гас напрягся и выругался:

— Какого хера?

Абрам ткнул в его сторону пальцем.

— Заткнись, старик!

Хоук махнул рукой Гасу и Джессу, молча приказывая им успокоиться, после чего повернулся к Абраму.

— Этого не будет.

— Тогда мы сравняем твой клуб и всех, кто в нем есть, с землей.

Этот мудак говорит серьезно? Или это просто дерьмовые понты?

Хоук прищурился и злобно усмехнулся.

— Ты действительно хочешь нажить себе еще врагов? Особенно в лице того, кто связан с Маркусом Борденом — человеком, у которого в подчинении весь город со всеми его бандами? Ты хочешь сейчас сорвать продажи своего товара, прекратив поставки, и найти кого-то другого? И что случится, если этот кто-то окажется дерьмом и подставит твоих покупателей, или, что еще хуже, они передохнут от какой-нибудь подмешанной в товар херни, но будет поздно. А теперь подумай, чем для тебя чреваты эти покойники: целыми толпами тараканов, вынюхивающих о тебе всю подноготную в поисках того, кого можно будет сделать

виноватым.

— Это правда?

— Да, это, мать твою, правда, и я не одну собаку на этом съел, чтобы подтвердить тебе, что так, блядь, и будет. Так что не играй со мной, Абрам. Просто будь честным и прими тот факт, что в твоём окружении был мужик с наркозависимостью, а это делает его только жалким подобием человека.

Абрам несколько мгновений молча размышлял. Хоук воспользовался возможностью и рассмотрел двух качков, которые стояли возле выхода. Если все пойдет хреново, возможно, придется убрать их, но если придурки вооружены... ну, все может закончиться очень плохо. Хоуку действительно не хотелось, чтобы до этого дошло, но Абрам был слишком непредсказуем — он убивал и за меньшее.

— Я не боюсь войны, — задумчиво сказал Абрам. — Мое желание увеличить поставки не имеет решающего значения. Я делаю это, чтобы выстроить сеть, как у вас с Борденом. Твои угрозы, Хоук, для меня пустой звук, потому что, лишившись поддержки твоего клуба, мой бизнес не теряет ничего жизненно важного, но... я не склонен доверять врагам. Как и ты, я не действую сгоряча.

Этот мудак когда-нибудь перейдет к сути дела?

— Преданность Юрия никогда не вызывала сомнений, — продолжал он. — Но... — он раздраженно вздохнул, — из-за своей наркомании он стал слабым звеном. И мои люди подтвердили твои слова о его вызывающем поведении, так что... возможно, это действительно была вынужденная мера.

Полный пиздец вроде бы миновал.

— Но это не меняет того, как я хочу вести дела с клубом. Я хочу заключать сделки с тобой.

— Абрам, вы должны решать это с Гектором.

— Хоук, Гектор — гребаное ничтожество! И судя по лицам твоих парней, которые стоят рядом, им это тоже известно. Не оскорбляй меня сейчас, если думаешь, что я захочу даже видеть этого мужика. Он безалаберный и решает проблемы либо ненужным насилием, либо не решает вообще. Он не отдает себе отчета в том, что делает. У него в руках целая сеть, которую ты и твой старик создавали много лет, но он не знает, как ее использовать.

Хоук бросил на Абрама тяжелый взгляд.

— Ты шпионил за нами?

— Время от времени люди нашептывают мне на ушко. И то, что я узнал, и так было ясно как белый день. Гектора никто не уважает. Они

уважают *тебя*.

Блядь.

— Ты ставишь меня в такую ситуацию, при которой я буду вынужден часто возвращаться в клуб.

Абрам пожал плечами.

— Ты выколол глаза моему кузену, а потом перерезал ему горло. Я бы сказал, что мои гребаные условия довольно комфортные по сравнению с тем, какими они могли бы быть.

Черт, раз он так говорит об этом...

Хоук неохотно кивнул.

— Точно подмечено.

— Но по-прежнему сохраняется проблема с девчонкой.

— Ни с какой девчонкой проблемы нет. Юрий обдолбался, напился и вел себя грубо. В *этом* была проблема.

Пару секунд Абрам не отвечал. Он перевел взгляд на Гаса и Джесса, внимательно их изучая.

— Так ты ничего больше не хочешь мне рассказать, Хоук?

— Например, что?

— Ну, *что-нибудь*.

Сукин сын раскусил его. Хоук почувствовал это.

— Только то, что я рад нашим честным отношениям, — ответил он осторожно.

— Да, — ухмыльнулся Абрам. — *Честность* ведь тоже относительна, не так ли Хоук? До встречи на следующей сделке. А до этого времени передай Бордену мое почтение.

Бордену оно нахрен не нужно.

На этом Абрам кивнул, и качки, стоящие у входа, освободили путь. Не говоря ни слова, Хоук, Гас и Джесс развернулись и вышли. Потребовалось целых пять минут, чтобы пройти из одного конца особняка в другой. И на всем пути были камеры, мужчины и девушки с безжизненными глазами.

— Сраные богатеи, — пробубнил Джесс себе под нос.

— Вот гребаный мудак, — прошипел Гас, когда они вышли из особняка. — Я его не понял.

Зато Хоук понял.

Такие люди, как Абрам, уверены, что могут купить преданность, ничего для этого не делая, а потом удивляются, почему байкеры не продаются с такой же легкостью. Когда вы община — больше даже семья — то преданность зарабатывается, а не покупается. Абраму это симпатизировало, и именно поэтому в конечном итоге он не пустил им

пулю в лоб.

Гас замедлился, когда они подошли к своим мотоциклам.

— Уверен, что не хочешь поехать с нами? — спросил он Хоука.

Хоук покачал головой.

— Нет, мне нужно возвращаться.

— Честно говоря, в отношении Гектора Абрам был прав.

Даже Джесс напряженно кивнул, неохотно соглашаясь с этим. С самого утра он еще ни разу не взглянул Хоуку в глаза. Хоук понимал, что это как-то связано с Тайлер, вернее, с тем, как *прошлым* вечером он попытался привлечь ее на свою сторону, но попытка не увенчалась успехом. Хотя, Хоук ни в ком и не видел угрозы. Наварро получают то, что захотят. И если бы он захотел, то Тайлер была бы его.

— Вам, парни, нужно возвращаться, — сказал он им. — Я не собираюсь вступать в эти разговоры и делать Гектора виноватым во всех грехах. Это на его совести.

Гас пожал плечами.

— Что бы ты ни говорил, Хоук, но я знаю, что с Абрамом еще не закончено. Он *будет* мстить.

Не в природе Абрама было отступаться от своих слов, но Хоук в прошлом уже достаточно ошибался.

— Усильте охрану, — мрачно сказал он. — На этот раз никаких промашек, Гас.

Гас заверил его, что больше никаких недоразумений не будет.

Хоук наблюдал, как они запрыгнули на свои мотоциклы, и кивнул им в последний раз, после чего они помчались по длинной подъездной дорожке. Когда облако пыли осело и звук ревущих двигателей сменился полной тишиной, Хоук осознал, что стоит рядом со своим байком, уставившись пустым взглядом в небо и размышляя, что делать дальше.

Возвращаться к работе, мудака.

Он уже чувствовал внутреннюю усталость. Это было тяжелое предчувствие чего-то страшного, переполнявшее его грудную клетку, словно в нее натолкали кирпичей. Хоук почесал бороду и дернул ее. Блядь, чешется просто ужасно. Пора бы уже сбрить ее и перестать за ней прятаться. Но борода была для него своего рода броней. Символом отделения прежнего Хоука от Хоука настоящего, потому что, давайте будем реалистами, прежний Хоук был мертв.

И это было проблемой, потому что внезапно он захотел оживить его и вернуться к... *ней*.

А вот *теперь* он был полной размазней.

Хоук сел на мотоцикл и завел двигатель. Потом он очень долго ехал и на какой-то момент позволил себе представить, что все так, как было раньше: он едет вместе со своими братьями, а они следуют за ним.

Сильный ветер дует в лицо.

Пустая дорога впереди.

Запах кожи.

Пока ехал, Хоук чувствовал себя живым.

Он чувствовал себя *самим собой*.

И что еще лучше, он чувствовал покой на душе.

И только в тот момент, когда он остановился и реальная жизнь ворвалась в его мысли, Хоук вспомнил, где находился, и *возненавидел* это.

Одиночество внутри него было похоже на медленно расползающуюся гниль, и со временем она проберется в его душу.

Глава 23

Хоук

Хоук припарковал мотоцикл перед небольшим белым домиком. Со стороны он выглядел, как и все дома на этой тихой старой улочке. Газон нуждался в стрижке, а белая краска на заборе почти облезла.

Хоук слез с мотоцикла, огляделся и нахмурился. Вид был далек от того, что было несколько лет назад. Все выглядело запущенным. Белый бордюрный камень перед фасадом дома пожелтел. Растущее рядом дерево разрослось, и его опавшая бог знает когда листва забила водосточный желоб.

Хоук подошел к калитке, и она встретила его скрипом несмазанных петель, когда он открыл ее и направился по дорожке к крыльцу. Он подошел ко входу, нажал на кнопку звонка, но звука не услышал. Надавил еще раз — теперь сильнее — и когда ответного звука не последовало, он, с раздраженным ворчанием открыв первую дверь, постучал во входную.

Хоук был в бешенстве.

Это место не должно так выглядеть.

Гребаный Гектор!

Дверь со скрипом приоткрылась — ровно настолько, чтобы в щель высунулось дуло дробовика.

— Убирайся с моего двора! — прорычал голос. — Я ничего не продаю!

Несмотря на внутреннее раздражение, губы Хоука изогнулись в улыбке.

— Это я, и я не собираюсь покупать этот дом, зная, какое количество гребаных термитов бегают здесь по стенам и прогрызает дыры в полу.

На какое-то мгновение воцарилась тишина. Прошло несколько секунд, прежде чем дуло опустилось, и скрипучая дверь медленно открылась. Женщина с темными сидящими волосами выглянула и впиалась в него своими темно-кариими глазами. Она ахнула, и ее глаза тут же наполнились слезами.

— Хоук, — выдохнула она, всхлипывая и оглядывая его с головы до ног. — Неужели это мой маленький мальчик нарядился пьяным бродягой?

Все тот же старый юмор.

Хоук издал гортанный смешок.

— Не сказал бы, что я маленький, да и не пьяный к тому же.

Она тут же схватила его за руку и потянула к себе. Ее тело было таким худеньким, но она была сильнее, чем могло показаться на первый взгляд. Уткнувшись лицом ему в грудь и обнимая, она гладила его по волосам и лицу, словно он был не взрослым мужчиной, а маленьким мальчиком.

Хоук обнял ее и глубоко вдохнул. Ее запах возвращал его в те времена, когда мир вокруг него еще не был черным и полным крови. Когда ему становилось одиноко, и он начинал чувствовать, как безумный монстр внутри него расправляет свои щупальца, Хоук приходил сюда.

И он не был здесь целых три года.

Как только Хоук вошел, Аделла закрыла дверь. Вытирая слезы рукавом халата, она повела его через маленькую гостиную в такую же тесную кухню.

— Садись, мой мальчик, — скомандовала она, уже роясь в шкафчиках.

Он опустился за кухонный стул и наблюдал за ее движениями. Кухня выглядела, как после бомбежки. Пол и все столы были завалены всякой фигней. Его мать всегда была запасливой и абсолютной неряхой. Она утверждала, что это художественный беспорядок, но этот художественный беспорядок доходил ей уже до щиколоток.

— Позволь я что-нибудь тебе приготовлю, — сказала она с раскрасневшимся лицом. — Ты голоден? Что тебе нравится? Я могу приготовить тебе грингас. *(Примеч.: кукурузные лепешки с завернутой внутрь начинкой, как правило, это мясо и зелень).* Или, если хочешь, со вчерашнего ужина осталось тушеное мясо.

— Я хочу, чтобы ты села, — прервал он ее и указал на стул рядом с собой. — Мне нельзя надолго задерживаться здесь, мам.

Она задрожала, подошла к стулу и села. Протянув свою маленькую ручку к его руке, она крепко сжала ее, растерянно глядя на Хоука.

— Я скучала, я так скучала по тебе, — с грустью повторяла она, не сводя с него глаз и сжимая другой рукой крестик, висящий на шее. — Я за тебя молюсь. Прошу Иисуса, чтобы он заботился о моем сыне, и всегда чувствую тепло на душе — как будто он говорит мне, что с тобой все в порядке. И вот ты здесь, целый и невредимый, словно в ответ на мои молитвы. Как у тебя дела, мой мальчик?

— Все хорошо, — уверенно ответил он. — Ты в состоянии о себе позаботиться?

— Я отлично с этим справляюсь.

— Дом выглядит не очень хорошо.

— Мне стукнуло шестьдесят, и когда я двигаюсь, у меня болят ноги. Я

уже не молодая пташка, Хоук. Ухаживать за домом теперь стало труднее.

— Ма, а Гектор здесь бывает? Я рассчитывал, что он будет помогать тебе.

Она кивнула.

— Он помогает, помогает. Дает мне деньги, возит меня к врачу по поводу моего диабета и нанял какую-то женщину, которая стирает и покупает мне продукты. У меня есть чистая одежда, еда и лекарства — остальное значения не имеет.

— Но дом...

— Дома тоже стареют, Хоук, — перебила она его взмахом руки. — Они не могут сохраняться вечно. Ты можешь заботиться о нем каждую минуту дни напролет, но это не продлит ему жизнь. В конечном итоге, это неизбежно. То тут, то там все начинает потихоньку разрушаться. Это бесконечная битва, а мой век здесь недолог. В конечном итоге, все эти усилия окажутся бесполезными.

Хоук вздохнул.

Аделла была такой же упрямой, как и он, и никогда не жаловалась. Даже когда отец превращал ее жизнь в ад своими изменами и жестоким обращением, она всегда могла постоять за себя и никогда не отступала. Именно поэтому отец почти никогда не возвращался домой ночью — ему не хотелось иметь дела с разъяренной женой.

Внезапно Хоук задался вопросом, как он допустил, что отец сумел заставить его отказаться от собственной матери ради клубной жизни. Что, черт возьми, такого отец разглядел в нем, что заставил его захотеть бросить все это в четырнадцать лет?

Вскоре Аделла опять взялась за свое — решила заставить его что-нибудь съесть. Вытащив из холодильника, она поставила разогревать остатки тушеного мяса и крепко поцеловала Хоука в щеку.

— Тебе нужно избавиться от этого, — сказала она, касаясь ладонью его бороды. — Похоже на воронье гнездо. Как ты собираешься жениться и подарить мне внуков? Ни одна девушка всерьез даже не посмотрит на тебя.

Хоук усмехнулся.

— Ты удивишься, но женщинам это нравится.

— Да, потому что все они шлюшки. Я хочу для тебя милую девушку. Ты должен увидеть, как повзрослела сейчас дочка Дэнниса.

У Хоука сдавило грудь, и он холодно взглянул на мать.

— Откуда ты знаешь, какая Тайлер сейчас?

Она задумчиво улыбнулась.

— Она всегда приходит вместе с Гектором, приносит мне красивые

лилии и мятные конфеты, которые я люблю, но здесь их не найти. Тебе нужна девушка, которая может постоять за себя. Чтобы все было при ней, но она оставалась бы воспитанной девушкой. Она не щеголяет с голым животом или задницей, торчащей из-под шорт, словно напрашиваясь на лишнее внимание. Ты должен обращать внимание на то, что из себя женщина представляет на самом деле. Она скромная и послушная, но, когда захочет, может стать напористой и сексуальной. Хватит уже таскать домой стриптизерш из того клуба, где ты работаешь.

Хоуку не хотелось говорить о Тайлер, но она накрепко засела в его голове, а от рассказов матери о ней легче не становилось. Его мать была упрямой, и ей действительно нравилась эта девчонка. И не просто девчонка, а та самая, которая преследовала Хоука в мыслях с тех самых пор, как он оставил ее в кровати — влажную от его же спермы.

Но, возможно, во всем виновато особое влияние Тайлер. Она со всеми людьми такая. Ее невозможно ненавидеть. Она не злая, не подлая, не лезет в чужие дела и умеет прощать ошибки. Блядь, он уже успел соскучиться по вкусу ее губ.

— Я не вожу домой стриптизерш, — невнятно пробубнил Хоук, уводя разговор от Тайлер. — У Бордена работают танцовщицы, и они танцуют около шеста, но никогда не обнажаются полностью, если только это не приватное шоу.

— Думаешь, я хочу об этом знать, ты, тупица?

Хоук усмехнулся.

— Мам, ты растила меня мужчиной, а не священником.

Она подвинула ближе к нему миску с мясом и жестом велела ему есть, после чего ответила:

— Я не несу ответственности за то, как ты становился мужчиной, Хоук. Этим занимался твой отец, а мне нужно было сильнее бороться, чтобы удержать тебя...

— Ты ничего не смогла бы сделать, — мрачно оборвал ее он. — Много было за пределами твоих возможностей, но все же и ты кое-чему меня научила.

Тому, из-за чего его мучили совесть и сожаление.

Она отвернулась, чтобы не встречаться с ним взглядом, и сказала:

— Жаль, что я так себя не чувствую.

Мать пыталась обеспечить им с Гектором достойную жизнь. Однажды она проделала хорошую работу и отправила их в частную школу за свои собственные деньги в тайне от отца. И они там даже преуспели. Оказалось, что у Гектора способности к математике, а Хоук мог сделать руками все,

что угодно. К сожалению, это закончилось не так, как хотелось матери. Старик все узнал и вытащил их из школы. Решив для себя, что они неженки, отец привел их в клуб, и, хотя Хоуку было всего четырнадцать, он был в курсе всего происходящего за его закрытыми дверями.

А Гектор?

Двенадцатилетний впечатлительный мальчишка. В ту секунду, когда он перешагнул порог клуба, Рыжий подсунул ему девицу и велел быть мужиком. С тех пор Гектор не мог пропустить ни одной киски, а Хоук мог голыми руками убить все, у чего есть пульс. Это одна из причин, почему он не заслуживает Тайлер.

А другая причина может уничтожить ее.

— Знаешь, она хочет меня, — сказал он, не успев сдержаться.

Аделла застыла и в замешательстве взглянула на него.

— Тебя хочет стриптизерша?

Он сухо усмехнулся.

— Нет, ма, Тайлер.

— Ты меня разыгрываешь.

— Нет, она... у нее ко мне патологическое влечение. Она так смотрит на меня, и... — он замолчал и потер шею. Он никогда не разговаривал о девушках с матерью, и, если уж на то пошло, ни с кем другим. Это полная херня.

Несколько минут она переваривала его слова, а потом тепло улыбнулась.

— Почему ты так удивлен, что кто-то хочет тебя?

— Не просто кто-то. Это та самая Тайлер, о которой мы говорим. Она мила до невозможности, и от этого у меня сносит крышу. В ее присутствии я не могу ясно мыслить, и это все усложняет.

— И в чем здесь сложность? Вы оба хотите друг друга и должны следовать своим желаниям.

— Нет, — твердо сказал Хоук, качая головой, и очень серьезно посмотрел на нее. — Не после моей лжи. Она никогда бы не простила меня, если бы узнала...

— Ты солгал, потому что должен был.

— Это недостаточное оправдание.

Мать нахмурилась.

— Ты Наварро, — ответила она. — Парней Наварро не волнует прощение. Они берут то, что считают своим.

— Это очень плохой совет.

— Они не позволят уйти женщине, которую хотят, Хоук.

— Так делал отец? Брал тебя, пока ты окончательно его не возненавидела? Видишь ли, я не хочу этого.

Аделла медленно покачала головой.

— Власть и деньги завладели душой твоего отца, из-за этого все изменилось. С Гектором произойдет то же самое, если ты не положишь этому конец. Я не испытываю чувства гордости за этого мальчишку. Ему нужна женщина.

— Это не поможет.

— Для любого мужчины существует женщина, способная поставить его на колени.

Хоук слегка ухмыльнулся.

— Возможно.

А может быть и нет.

Гектор вообще никогда не остепенится. Он был совершенно безбашенным, и Хоук не знал, что с этим делать.

— Ты собираешься вернуться? — спросила его мать.

— Да, Борден ждет...

— Я говорю о Тайлер.

Хоук замолчал.

— Ты собираешься вернуться? — настойчиво повторила она, внимательно глядя на него. — Ты ведь не разобьешь сердце этой девочке, не так ли?

— Ма, насколько я могу судить, сердце Тайлер изначально создано, чтобы быть разбитым. И я не смогу помешать этому.

— Она возненавидит тебя, но ты должен быть сильным ради нее. Ты должен будешь поддерживать ее и позволять ей тебя ненавидеть. Так ей будет легче.

— Возможно.

Возможно, так и будет ... *возможно*.

* * *

Пробыв у матери до самой ночи, он уложил ее в постель и поцеловал в лоб.

— Как мы дошли до этого, Хоук? — глядя на его искаленную руку, печально спросила Аделла перед тем, как уснуть. — Что мы сделали не так?

Он нахмурился, задумавшись над ее вопросом. У него никогда не было

выбора.

— Ничего, — в итоге сказал он, безучастно глядя на нее. — От нас ничего не зависело, мам.

Она тихо заплакала и кивнула, глядя на него так, словно он по-прежнему был ее маленьким мальчиком.

Это было ужасно.

Совсем недавно он убил человека, выколол ему глаза и чуть не отрезав голову тупым гребаным ножом, которым резал веревки в порту Бордена. А сейчас он нежный, заботливый и укладывает маму в постель, как истинный джентльмен.

Хоук не переставал удивляться, как может он одновременно вести такие разные образы жизни.

Он — любящий сын волевой и сильной женщины.

Он — номер один в команде приспешников самого безжалостного человека в городе.

И он же — теневой президент печально известного мотоклуба, который, кажется, трещит по всем швам.

Хоук понимал, что однажды ему придется что-то поменять в своей жизни, чтобы она вошла в какое-то русло.

Просто ему самому еще не было ясно, какого черта он хочет.

Глава 24

Хоук

Следующим утром, появившись в клубе, Хоук застал Бордена в офисе. Его вторая половина — Эмма — сидела рядом, за своим столом, и поедала сэндвич с ветчиной и сыром. У нее был непривычно покрасневшийся вид, две верхние пуговицы на блузке расстегнуты, волосы растрепаны, хотя обычно по утрам она всегда выглядела идеально.

Хоук на мгновение остановился, изучая взглядом эту парочку, после чего вошел и закрыл за собой дверь.

Знакомая картина. Эмма отказала Бордену.

Сам Борден возился с какими-то папками, недовольно поглядывая на нее. Эмма ловила его взгляды и хитро улыбалась. Еще немного, и Борден сорвется, и это закончится, как обычно — они будут трахаться, как кролики, прямо в офисе. Такая херня продолжается до сих пор. Но это хорошо. Маленькая вспыльчивая Эмма при всех своих недостатках, хоть и была занозой в заднице, но сумела изменить Бордена в лучшую сторону. Теперь он уже не рычал на всех подряд каждые пять секунд. Работать с ним стало легче, хотя, когда это было ему нужно, он мог снова становиться тем безжалостным ублюдком.

Когда-то Эмма вызывала у Хоука опасения. Она лишила Бордена способности рассуждать здраво, была для него настоящим искушением (да и для самого Хоука тоже, ведь Эмма — офигенная красавица), из-за чего его мысли были сосредоточены не на том, на чем было необходимо. У людей, вроде Бордена, много таких врагов, на фоне которых Юрий будет казатьсядохлым котенком.

— Смотрите-ка, кто почтил нас своим присутствием, — пробормотал Борден, закидывая в рот и с хрустом разгрызая фисташку (а грыз он их, только если был зол) и бросая на Хоука хмурый взгляд. — Рад, что у вас есть возможность устраивать себе перерывы среди всего этого дерьма тогда, когда вам это удобно, Ваше Величество.

— Я уезжал по делам клуба, — ответил Хоук.

— Дела клуба, — медленно повторил Борден. — Хоук, ты работаешь на меня или на тех байкеров? Потому что я уже начинаю сомневаться.

Хоук нахмурился.

— Борден, ты владеешь портом, и через него идут поставки того

товара, которым они торгуют. Я должен был решить с клиентом вопрос об увеличении поставок. Парни нуждались во мне.

— Формально он все еще их президент, — спокойно сказала Эмма Бордену.

— Куколка, если бы он был их президентом, то не стоял бы здесь, не так ли? — ответил Борден, оглядываясь на нее.

Она закатила глаза и снова повернулась к компьютеру.

— Для Хоука это проблематично. Он же беглец. Ему нельзя возвращаться туда.

— Да все ему можно. С момента его так называемой смерти прошло уже пять лет. И судя по тому, что мне удалось разнюхать, его никто не ищет. Он может купить себе новый паспорт — легальный, а не какую-то липу, которую штампуют разные идиоты где-нибудь в подвалах. Это обойдется в пару сотен тысяч долларов, но Хоук может себе это позволить.

— Его вычислят, — недовольно возразила Эмма.

— Он может и дальше ходить похожим на нестриженного барана, а может сбрить с себя все это и вернуть свой прежний облик. Это ничего не изменит. Все, что нужно, это подкупить тех, кто имеет реальную власть, а не мелких сошек в лице гребанных тараканов. Я веду к тому, что Хоуку придется добраться до самых верхов, а это значит, ему нужны связи, которые, в свою очередь, уже имеются у его клуба. Ведь не секрет, что стоящие у власти — далеко не наивные овечки, да?

— Это не поможет, — не унималась Эмма. — Ты сейчас говоришь о космической сумме денег.

— Деньги могут все.

— Звучит, как фраза из какого-то фильма.

— К тому же, я уже проделывал это.

Эмма застыла с открытым ртом.

— Да пошел ты.

— И нечего меня посылать. Я делал это. Естественно, это стоило мне огромных денег. Пара сотен тысяч? Но ведь это же в его интересах?

— Ты мудак.

— Я мудак, за это ты меня и любишь.

Она усмехнулась.

— Это точно.

Черт бы побрал эту парочку.

Борден улыбнулся.

— Короче, к чему я все это говорю, куколка. Если бы Хоук захотел вернуться и возглавить свой безумный клуб, то вполне смог бы это сделать.

Но, раз он здесь, то, по всей видимости, не имеет такого желания.

Эмма с любопытством взглянула на Хоука.

— Почему ты не хочешь, Хоук?

Он сжал челюсть.

— Потому что это не твое собачье дело.

— О, агрессия? Интересно, что в моем вопросе могло вызвать такую реакцию?

— Эмма, при всем моем уважении к тебе, не путай это с эпизодами из «Дней нашей жизни», ладно? Я не собираюсь выворачивать перед тобой душу, чтобы ты смогла разобраться во всем этом. Это не твое дело. *(Примеч. «Дни нашей жизни» — американская мыльная опера, повествующая о горестях и радостях жителей вымышленного городка Салем).*

— Я спросила, потому что беспокоюсь о тебе.

— Ты спросила, потому что тебе любопытно.

— И это тоже, врать не буду. Просто... мне не нравится твой брат. Это сексуально озабоченный придурок.

— Тебе и не должны нравиться люди, с которыми ты ведешь дела. Вот и мне пришлось столкнуться с таким ублюдком. Это был Юрий.

Борден поежился.

— Ненавижу этого мудака. Конченный подонок.

— А что с ним не так? — с любопытством спросила Эмма.

— Он больной фетишист.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Если хочешь узнать человека, с которым предстоит вести дела, узнай о его сексуальных предпочтениях, и тогда сразу поймешь, что он из себя представляет. Больным ублюдкам нравится насилие, а этот псих обожает пытки. Видимо, от этого он кончает, как из шланга.

— Фу, Борден, какая мерзость. Господи, я же ем!

— Ты сама спросила, Эмма. Он ебнутый на всю голову ублюдок.

Хоук стиснул зубы.

— Я убил его.

Эмма замерла, а Борден перестал хрустеть фисташками и удивленно посмотрел на Хоука.

— Ты исчезаешь на несколько дней, а потом возвращаешься с подписанным смертным приговором?

— Я вроде как уладил это с Абрамом.

Борден сухо усмехнулся.

— Ты идиот, если полагаешь, что уладил все с Абрамом. Ему нельзя

верить. Он протянет одну руку для пожатия, а другой рукой в это же самое время перережет тебе горло.

— Он прислал тебе привет.

Борден откинулся на спинку стула, пристально глядя на Хоука.

— Ты просто нажил себе врага, Хоук. Юрий что-то значил для этого говнюка.

— Юрий был не в себе и кое-чем меня разозлил.

— И чем же?

— Тайлер.

В глазах Бордена сверкнуло понимание.

— Ты шутишь.

Эмма переводила непонимающий взгляд с одного мужчины на другого.

— Что происходит?

Борден не ответил. Они с Хоуком обменялись долгими взглядами, общаясь без слов, и на лице Бордена читалось одно: *ты влип*.

— Эмма, ты не оставишь нас с Хоуком на пару минут? — мягко попросил он. Она кивнула, встала и уже направилась к выходу, когда он сказал: — Куколка, ты кое-что забыла.

Она закатила глаза, пытаясь изобразить раздражение, но Хоук заметил, как вспыхнули щеки Эммы, когда она повернулась, наклонилась к Бордену и оставила на его щеке нежный поцелуй. И только потом вышла.

— Давай по порядку, — задумчиво начал Борден. — Как Юрий мог узнать о Тайлер?

— Никак.

— Допустим. Но ему все известно — это же очевидно.

Хоук нахмурился.

— Он мог узнать это только от Гектора, меня, тебя и моей матери. Больше об этом не знает никто.

— И кто из этого списка наиболее вероятный кандидат?

Хоук замялся.

— Гектор.

Борден кивнул.

— Разумное предположение.

Хоук потер лицо и начал расхаживать по кабинету, чувствуя, как грудь сдавило от такого подозрения.

— Этого не может быть, — уверенно сказал он. — Гектор не мог меня так предать.

— А может быть, он все время предавал тебя? Подумай об этом. Ты

прекрасно зарекомендовал себя на посту Президента, а ему достается лишь место в тени твоего успеха. Ты пользуешься уважением у людей, а потом вдруг тебя сажают за убийство, имея для этого выше крыши доказательств.

— Ты считаешь, что это Гектор передал властям то видео?

— Это всего лишь предположение.

— Я в это не поверю. Зачем тогда ему было вытаскивать меня из тюрьмы?

— Потому что он понимал — ты станешь беглым заключенным и никогда не сможешь вернуться на пост Президента.

Хоук продолжал расхаживать, качая головой со все нарастающим недовольством.

— Я не могу поверить в это, Борден. Этого не может быть.

— Ты не можешь поверить или просто не хочешь?

Хоук остановился, глядя на Бордена. Хотелось бы поспорить с ним, но он понимал, что тот прав.

Как всегда.

Хоук не мог себя заставить даже думать об этом.

— Послушай, — спокойно сказал Борден, — я не собираюсь обвинять этого кобеля. Он не один раз доказал, что ему можно доверять, но... здесь нужно докопаться до сути.

— Мы докопаемся, — раздраженно ответил Хоук.

— У меня для этого больше возможностей. Мы сможем все выяснить, но я уверен, что ответ кроется в самой информации. Так что наберись терпения и пока не суйся в тот город.

* * *

Хоук вышел из кабинета Бордена и, остановившись в коридоре, прижался лбом к стене. Он глубоко вздохнул. Не хватало только подозрений в адрес собственного брата вдобавок к этой, и без того дерьмовой, ситуации. Гектор не мог. Он просто... не мог.

На его плечо легла чья-то ладонь, и Хоук почувствовал запах духов Эммы. Она подошла ближе и погладила его по спине.

— Я заметила, что ты изменился, — прошептала она. — Раньше ты никогда не возвращался оттуда таким взволнованным. Что-то случилось, да?

Хоук сдержанно кивнул. *Тайлер случилась.*

— Ты все равно вернешься туда, я знаю.

— Откуда ты знаешь?

— Ты не сможешь быть в бегах бесконечно. Впереди еще слишком долгий путь, и тебе предстоит пройти его до конца.

Эмма знала, о чем говорит. У нее была трудная жизнь.

Он повернулся и посмотрел на нее.

— Эмма, как ты поняла, что Борден тот самый?

Она задумчиво улыбнулась.

— Чем больше я хотела оттолкнуть его, тем глубже он проникал мне в душу. Это случилось не за одну ночь. Прошло какое-то время, а потом... однажды меня просто осенило. Его отсутствие заставило меня осознать, как много он для меня значит.

Хоук ничего не ответил. Его голова была заполнена мыслями о Тайлер. О том, как она все эти годы росла на его глазах. Он принимал ее присутствие как должное, решив, что она не для него, потому что понимал, как она прекрасна: и внутренне, и внешне. Эмма была права. Теперь, вдали от Тайлер, его буквально съедала тоска.

Он держал ее в своих руках. Если бы не это, возможно, Хоук не был бы сейчас так на ней зациклен. Но... один раз попробовав ее, он словно впал в зависимость.

Тайлер стала для него наркотиком.

Глава 25

Тайлер

С тех пор, как ушел Хоук, прошло пять дней, и Гектор был абсолютно не в себе. Это заметили все. Он стал еще более грубым, чем раньше, а его вспыльчивость переходила уже всякие границы.

Но это не помешало тараканам нанести ему очередной визит. Их посредник, Даггард — крепкий мужчина средних лет, способный потягаться с байкерами — ни перед кем не скрывая своего презрительного отношения к Гектору, начал свой разговор так:

— У меня список поручений, которые ты должен выполнить.

Поручения Президенту «Военных Баронов»? Этот козел шутит?

Но Гектор, находясь в своем обычном раздраженном состоянии, не отметил мудака за неуважение к себе. Наоборот, он, казалось, не мог решиться продемонстрировать свою власть, ведь его единственным ответом на все было насилие. Поэтому он скованно кивнул и повел Даггарда в комнату заседаний, где в это самое время Гас материл на чем свет стоит сложившуюся ситуацию и за глаза называл Гектора слабаком. Через полчаса Даггард вышел оттуда — самодовольный, в глазах веселье, спокойный и даже расслабленный. Никакого намека на страх. По сути, он выглядел так, словно был здесь хозяином, отчего у Маршалла забурлила кровь, а у Джесса все зудело от желания набить таракану рожу. После ухода Даггарда все кипели от злости, а Гектор выплеснул свое бешенство, разбив стул в комнате для совещаний.

С этих самых пор Гектор совсем слетел с катушек. Начал пить еще больше и постоянно выслеживал взглядом Холли, словно хищник добычу. Бедная девочка, как могла, старалась избегать его и, закончив работу, в ту же секунду исчезала. Иногда Холли уходила чуть раньше, и Гектор тут же спрашивал, где она. А узнав, что ее нет, рычал проклятья. Поэтому он трахал Шей — много. И Шей начала понимать, что она не делит с ним постель, а просто греет ее.

Я как раз наслаждалась своим уединением, когда она остановилась рядом, чтобы вывалить на меня свои проблемы.

— Эта сука использует его, — мрачно сказала она. — Тай, ты должна сказать Гектору, что Холли — просто шлюха. Это не ради меня, а ради *него*.

— Я думала, мы уже говорили, чтобы ты не устраивала из этого драму,

— ответила я и, взглянув на ее хмурое лицо, пришла в реальное замешательство — сегодня оно было ярко-оранжевым. — Кажется, на этом самом месте я уже говорила тебе не делать из этого трагедию, не так ли?

— Это не шутки.

— Шей, дорогуша, не подливай масла в огонь — как бы самой не ошпариться.

Она бросила на меня угрюмый взгляд.

— Тай, в этой херне нет никакого смысла.

— Так же, как и в твоей логике относительно Холли. Она не делает ничего плохого.

— Я ненавижу ее. Клянусь, если придется, я готова ее убить.

— Ты ведешь себя просто глупо.

— Но я действительно на это готова.

— Перестань себя накручивать.

Шей склонилась над баром и, спокойно взглянув на меня, отчетливо возразила:

— Но. Она. Шлюха!

Взгляды присутствующих обратились к нам. Мне захотелось врезать ей, потому что — ну *блядь!* — с меня действительно хватит этой ее одержимости Гектором и нападок на Холли. Я просто пыталась немного выпить и получить удовольствие!

Я окинула взглядом бар, после чего, склонившись к Шей, прорычала:

— Слушай сюда, сучка. Это ты, а не Холли, блядуешь с Гектором. И я советую тебе быть очень осторожной, открывая рот, потому что, если ты заведешь подобные разговоры об убийстве с кем-нибудь еще, твоя задница окажется у позорного столба. А что касается твоих дырок ниже? Они станут настолько большими, что ведро со свистом пролетит — понимаешь, о чем я? Так что держи свой гребаный рот ЗАКРЫТЫМ!

Она застыла и, выпучив глаза, уставилась на меня так, словно я вонзила ей нож в самое сердце.

— Я думала, тебе на меня плевать, — прошептала она.

Что за херня?

— Я не...

— Но ты печешься о моем благополучии так, будто я... будто я тоже часть клуба.

— Ты под кайфом?

В ее глазах блеснули слезы, но она рассмеялась, чем окончательно сбила меня с толку.

— Ты золотая девочка, всеобщая любимица. И эта золотая девочка

фактически считает меня частью клуба.

— Господи, ты рехнулась.

— Я люблю тебя, Тайлер.

Испытывая отвращение, я глубоко вздохнула.

— Нет, Шей.

Она снова хихикнула и подвинула мне еще пиво.

— Это за счет заведения, дорогая.

— Здесь все за счет заведения.

Она двинулась вдоль бара, подавая напитки, но прежде подмигнула мне. О, Боже. Чую что-то нехорошее. В воздухе как-то резко запахло. И запахло приближающейся *истерикой*.

— Эй, ты в порядке? — спросил Джесс, подсаживаясь рядом. Он схватил пиво, которое Шей поставила передо мной, и сделал большой глоток.

— Да, — просто ответила я.

С момента того разговора, когда он предложил мне делить с ним постель, я довольно сильно отдалилась от Джесса. Это мой друг байкер — чертовски сексуальный друг — в сшитом на заказ костюме, и я не хотела переступать эту грань. А он больше никогда не поднимал эту тему. Видимо, потому что Хоука поблизости не было, и Джесс не чувствовал для себя угрозы. Он вел себя как ни в чем не бывало и по-прежнему подвозил меня на работу и с работы, но... да, я стала более замкнутой.

— Почему Шей орала на тебя?

— Она не орала.

Он подтолкнул меня плечом.

— Эй, что не так?

— Ничего, мне надо найти Гектора.

— Он уже в своей комнате.

Я тут же обвела взглядом бар, и мое сердце замерло, когда я не увидела того, кого искала.

— Холли?

— Что?

Я уставилась на него.

— Он с Холли?

Удивленно взглянув на меня, Джесс покачал головой.

— Нет, не с Холли. Она уже ушла. К тому же, я вообще никого с ним не видел.

Ох, спасибо, Господи. Мои плечи расслабились.

— Ладно. Это хорошо.

— Почему хорошо?

Потому что в последнее время я усиленно опекала Холли и даже иногда помогала ей незаметно ускользнуть из бара, чтобы не столкнуться с Гектором. Так-то оно так, но лучше от этого не становилось. Чем больше она его избегала, тем сильнее он хотел ее. Но я не стала говорить об этом, а просто покачала головой.

— Просто так.

Он склонился ко мне.

— Знаешь, я заскочил в клуб ненадолго, думал, ты захочешь присоединиться ко мне.

— Не сегодня.

— Не думай, что окажешься наедине со мной. Если тебя останавливает только это, то, заверяю, большинство едет с нами.

Я приподняла брови.

— Я думала, что в клубе, предположительно, должны быть повышенные меры безопасности.

— У нас все в порядке.

— Ну, я все же останусь. Закажу себе китайской еды и посмотрю какой-нибудь фильм.

Он подмигнул.

— Кино и расслабуха?

Господи, как бы я ни старалась держаться на расстоянии, рядом с ним трудно не улыбнуться.

— Нет, — сказала я, пытаюсь не засмеяться. — Будет кино без расслабухи.

Он усмехнулся, его голубые глаза сверкнули.

— Хорошо, тогда я поваляюсь с тобой на диване.

— Джесс...

— Никаких задних мыслей, Тай. Я пришел с миром.

Вздохнув, я серьезно взглянула на него.

— Джесс, я хочу побыть одна.

Возникла короткая пауза. В глазах Джесса мелькнула боль, но он, спрятав ее, кивнул и сказал с наигранным оптимизмом:

— Да, конечно. Это круто. Побудь одна.

— Ты не сердишься?

— Почему я должен сердиться? В конечном итоге, я просто набухаюсь и трахну очередную девку. Ты ведь именно так представляешь себе мои планы, да? Или есть что-то новенькое?

— Джесс...

Поднявшись, он шагнул в сторону, и я схватила его за рубашку, заставляя повернуться ко мне.

— Эй, — быстро сказала я. — Я не то хотела сказать, ладно? Знаю, это прозвучало довольно холодно...

— Тайлер, это ты стала холодной с тех пор, как я сказал, что хочу тебя в своей постели, — возразил он, нахмурившись. — Я понимаю, что ты не сделаешь этого. Тем не менее, я стараюсь быть рядом с тобой не для того, чтобы трахнуть.

Я приподняла брови.

— Серьезно?

Он закатил глаза.

— Слушай, я, конечно же, не отказался бы, если бы ты этого захотела, но ты не хочешь, и я уважаю твой выбор. И вот к чему я веду: мне надоело, что ты отталкиваешь меня. Я хочу, чтобы ко мне вернулся мой лучший друг, а не эта убивающая всякое желание сука, которая с ужасом смотрит на меня.

Теперь настала моя очередь почувствовать укол боли.

— Ты... считаешь меня сукой?

Он оценил мое выражение лица и глубоко вздохнул.

— Блядь, Тайлер. Черт возьми, нет. Ты не сука. Я имел в виду... хм, твою мать... ты сама знаешь, что я имел в виду.

Я ничего не ответила. Он застонал и придвинулся ближе ко мне.

— Прости, сладкая.

— Это ты меня прости.

— Нет, это глупая херня. Тебе не за что извиняться. Это я должен просить прощения.

— Нет, Джесс, прости меня...

— О, ребята, заткнитесь уже! — крикнул Маршалл.

— Слушая эту детсадовскую херню, можно заработать мигрень.

Продолжая смотреть на Джесса, я выдавила из себя улыбку.

— Ты можешь повалиться со мной на диване.

Он улыбнулся в ответ.

— Да, но на самом деле я возбужден и действительно подумал, что смогу уломать тебя...

Я ударила его в плечо.

— Я так и знала!

Он рассмеялся.

— Увидимся позже, ладно?

Я кивнула.

— Да, конечно.

Через некоторое время он ушел, прихватив с собой половину парней. Я провела вечер, сидя на диване и поглощая китайскую лапшу с говядиной. Когда же пришел Джонни с какой-то девицей, я зарычала:

— Пошел на хер отсюда, Джонни. Думаешь, легко дезинфицировать диван после тебя?

— Блядь, Тайлер, только не кипятись, — ответил он и вышел.

Приятно быть единственной девушкой в клубе, имеющей комнату в своем личном распоряжении. Час спустя из своей комнаты появился Гектор. Он был в одних джинсах, с голым торсом. Гектор был единственным, чье тело не было полностью покрыто татуировками — на груди их не было совсем. У него было красивое тело. Подтянутое, мускулистое, смуглое, как у Хоука. Он был таким же высоким, но не таким мощным, как его старший брат. Со страдальческим видом Гектор плюхнулся рядом со мной на диван и лениво дернул меня за связанные в хвост волосы.

— Почему так тихо? — устало спросил он безразличным голосом.

— Парни разъехались, — ответила я.

Гектор нахмурился.

— Они разъехались, даже не сообщив мне об этом? Кто, блядь, тогда заботится о безопасности?

— Джесс сказал, что все должно быть нормально.

— Он здесь?

— Нет.

У Гектора задергался глаз — явный признак того, что он в бешенстве.

— Они не воспринимают меня всерьез, не так ли? Мы устраиваем совещание, на котором они все соглашаются на усиление мер по обеспечению безопасности этой помойки, но тут же забывают об этом, чтобы поехать оторваться на вечеринке. Господи! — он застонал, потирая виски. — Твою мать, как у Хоука это получалось? Они прошли через две войны, Тай, и он каждый раз знал, как нужно поступить!

— Справедливости ради замечу, что нам не доводилось сталкиваться с какими-то кризисными ситуациями.

— Абрам мог стать первой такой ситуацией, — сказал он, качая головой. — И только благодаря Хоуку все разрулилось. Я тону, Тай... я...

Я посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

Но, судя по его взгляду, это было совсем не так. Я поняла, что его

гложет испытываемое напряжение. Вот почему он ведет себя, как бешеный псих.

Заставив себя отвести взгляд, он протяжно вздохнул и постарался умирить свои эмоции.

— Что мы смотрим? — спросил он, переключая внимание на телевизор.

Я внимательно посмотрела на него, пытаюсь понять его состояние.

— Хм, «Оранжевый — хит сезона». *(Примеч.: американский комедийно-драматический сериал о жизни в женской тюрьме).*

Уголки его губ приподнялись в полуулыбке, и вот так запросто висящее в комнате напряжение испарилось.

— Девочка на девочке?

— Ага.

— А... хм... Холли здесь или?.. Может, она тоже была бы не против посмотреть?

Я притворилась безразличной, хотя меня удивил его вопрос. Развлекаться с девчонкой в моем присутствии? Такое впервые.

— Гм, нет, — ответила я. — Если ты забыл, у Холли ребенок, так что...

Он заинтересованно кивнул.

— Сын?

— Дочь.

— Сколько ей?

— Четыре года.

— Хм, ты знаешь, где она живет?

Я нахмурилась.

— Гектор...

— Я спрашиваю не потому, что хочу трахнуть ее, Тай. Мне просто интересно.

Я не особо в это поверила и соврала:

— Я не знаю, где она живет.

Он раскусил мою ложь и рассмеялся.

— Чертова врушка. Иногда по вечерам ты подбрасываешь ее до дома.

— В этом есть доля правды.

— Я не пытаюсь трахнуть ее, — повторил он настойчиво.

— Как насчет того, чтобы позвать Шей? Я абсолютно уверена, что она околачивается поблизости.

— Только не Шей, — категорично прервал он, оглядываясь вокруг, словно она могла материализоваться прямо из стены. — Тайлер, я терпеть

ее не могу. Но она нихера не отстаёт.

— Тогда прекрати брать ее в свою постель.

— Она сама приходит и заползает в нее голая. Тайлер, она невменяемая. Что я должен сделать, чтобы избавиться от нее?

Мне хотелось сказать, что он должен, наконец, показал, кто здесь главный, и дать ей пинка под зад, но... я не вправе этого делать. Уходя от темы, я набросила на него половину своего пледа.

— Устраивайся поудобнее. Если хочешь, у меня есть еда.

Он кивнул и взял вилку из моей руки.

— То, что мне сейчас нужно.

— Только не сожри все, ладно? Ты не один.

— Не буду. Нихрена себе ты раскомандовалась.

— С вами, мальчики, поневоле станешь командиром.

— А выпить что-нибудь есть?

— Спрайт.

— Это отстой.

Закатив глаза, я съязвила:

— О, простите, что разочаровала вас, милорд!

Мы посмотрели полсезона, умяли всю еду. Каким-то непонятным образом из ниоткуда появился алкоголь. Без лишних разговоров Гектор напился и уснул на диване, а я вернулась в свою комнату без четверти двенадцать абсолютно трезвая.

Жара была невыносимой, поэтому я сбросила одежду и залезла в постель голышом, прихватив по пути валявшуюся на полу футболку Хоука. Он снял ее на утро после убийства Юрия. Мне стоило бы выбросить ее, ведь именно в ней он убил Юрия — она вся была в его крови. Но после всего, что случилось, я словно полностью лишилась рассудка. Меня угнетало одиночество и тоска по Хоуку.

Поэтому я скомкала ее и подложила под голову в качестве подушки. Запах Хоука заполнил мои ноздри, и я легко уснула. Никакие кошмары меня не мучили.

Глава 26

Тайлер

Меньше чем через два часа меня разбудил звук льющейся воды. Глаза защищало от недосыпа и яркого света из приоткрытой двери ванной. Сев в кровати, я устало оглядела комнату и увидела черные ботинки возле двери. Рядом лежали джинсы и... черная кожаная куртка. Запах Хоука ощущался не только в моем носу — он был везде.

Сердце сжалось в груди.

Он здесь.

Принимает душ.

Я быстро пробежала рукой по волосам, приглаживая их, но тут же легла обратно и закрыла глаза. Наверное, мне лучше притвориться спящей. Через двадцать секунд, открыв глаза, я снова села. Мне было не по себе. Ведь когда он выйдет, я обязательно вздрогну. Хоук заметит, что я притворяюсь, и снова возникнет неловкость, а мне совсем не хочется оконфузиться перед ним *в очередной раз*.

Казалось, прошла целая жизнь, прежде чем выключилась вода, и в поле зрения показалось тело. Он был голый. *Абсолютно*. И стоял вполоборота, глядя на себя в зеркало. Вроде как внимательно рассматривал свой бок, а я, между тем, не могла отвести взгляда от его выпирающей задницы.

Вау.

Сейчас я по-настоящему увидела его обнаженным. А не как в тот раз, когда в полной темноте он, сидя под струями воды, прижимал к своей груди и баюкал меня, парализованную ужасом. Сейчас его было видно целиком, и — святой Боже! — у него очень крепкая задница и накачанные бедра, которые...

Он повернулся лицом ко мне и вышел из ванной комнаты... Твою мать...

Охуе-е-е-е-е-ть.

У меня пересохло во рту. Он выглядел потрясающе. Нет, лучше, чем потрясающе. Парни с развешанных по стенам комнаты плакатов в сравнении с ним просто тощие задроты. Мне были хорошо видны контуры каждой мышцы его тела: мощные плечи, бицепсы, пресс и косые мышцы живота, которые сходились такой четкой буквой V, что остальным остается

только завидовать. Но в данный момент не это привлекало мой взгляд. Нет, он был прикован к гигантскому гребаному орудию, бесстыдно направленному прямо в мою сторону, или, скорее, приветственно покачивающемуся.

Ничего похожего на член Гевина, больше напоминающий вялую морковку. У Хоука же он был красивым. Да, я могла бы назвать его член *красивым*. Это сексуальное чудовище с огромным членом трахало меня, и все было настолько само собой разумеющимся, что мне и в голову тогда не пришло включить свет.

Увидев меня, Хоук остановился.

— Я разбудил тебя? — и при звуке его баритона в животе все затрепетало.

Я покачала головой и отвела взгляд от его великолепного члена.

— Детка, у тебя есть НЕ розовое полотенце?

— Нет.

Он кивнул, и с его волос закапала вода. Хоук вернулся в ванную, снял с крючка розовое пушистое полотенце и вытер им волосы и грудь. Вернувшись, он подошел к краю кровати и опустился на нее с тяжелым вздохом. Некоторое время он неподвижно сидел спиной ко мне. Я нахмурилась и собралась уже спросить, все ли с ним в порядке, когда заметила синяки — огромные, размером с большой кулак — покрывающие его спину. Вытаращив глаза, я тихо поползла к нему. Если он и слышал мои движения, то никак на них не отреагировал. Оказавшись прямо у него за спиной, я слегка провела ладонью вдоль одного из синяков. Хоук со свистом втянул воздух, и я почувствовала, как под моим прикосновением напряглись его мышцы.

Я ахнула.

— Хоук?

— Хм? — пробормотал он.

— Твоя спина...

— Да.

Обеими руками я скользнула по его спине. Кожа была горячей и влажной, и я почувствовала, как он вздрогнул — ему было очень больно.

— Что случилось?

— Работа, дорогуша.

— Клуб?

— Нет.

— Борден?

— М-м-м. Пришлось кое-кому попортить шкуры.

— Они же избили тебя.

Он презрительно усмехнулся.

— Видела бы ты их.

Неожиданно обернувшись, он посмотрел на меня, и я отпрянула, прикрывая грудь рукой. В комнату проникало достаточно света из ванной — Хоук не выключил его.

У него была рассечена губа, а над бровью огромный черный кровоподтек. Мне не нравилось видеть на нем эти отметины — они напоминали о том, что он все-таки уязвим. Тяжелые ощущения.

— Ты дерьмово выглядишь.

Он облизал рану на губе.

— Детка, я всегда дерьмово выгляжу.

Я слегка коснулась его бороды, но тут же отдернула руку.

— Тогда, может, стоит сбрить бороду?

— Тебе не нравится?

Избегая его взгляда, я пожала плечами.

— Нравится. Просто... я скучаю по твоему лицу.

— Знаешь, меня однажды обозвали Чубаккой.

Мои губы изогнулись в улыбке.

— Да ну?

— Думаешь, я похож на Вуки? *(Примеч.: Чубакка — персонаж киносаги «Звездные войны» — путешественник из племени Вуки, лицо и тело которого полностью покрыты шерстью).*

— На Вуки нет. Может, на Гэндальфа. Хотя, ты нечто среднее. *(Примеч.: Гэндальф — один из центральных персонажей «Хоббита» и «Властелина колец», носящий длинные волосы и бороду).*

Хоук усмехнулся.

— Отлично.

От его улыбки у меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло. Широкая, белозубая, она буквально преобразила его лицо. Господи, я снова его хочу.

— Почему ты так быстро вернулся? — спросила я, пытаюсь изобразить равнодушие, чтобы не выглядеть идиоткой, пускающей слюни от желания услышать, что причина кроется во мне.

— Ты знаешь, почему, — ответил он, окидывая меня взглядом.

У меня перехватило дыхание. Это из-за меня. Точно из-за меня.

— По пути сюда мне пришлось повозиться в дерьме. Я испачкался. Пришлось воспользоваться твоим вонючим гелем для душа.

— Я так и поняла.

— И теперь я пахну, как девчонка.

— Ну, мне это нравится.

Хоук перевел взгляд на меня и усмехнулся. Черт, он смотрел так пристально, что я покраснела.

— Ты всегда спишь голой, Тай?

— Нет.

Он снова осмотрел меня этим своим взглядом.

— Теперь будешь.

Не ответив, я прикусила нижнюю губу.

— Ложись обратно, Тай.

Хоук встал и направился к ванной. Он выключил свет, и комната погрузилась в темноту. Я переползла на свое место и опустила голову на подушку. Его движения были едва различимы. Хоук обошел кровать и буквально упал в нее. Прямо рядом со мной. Между нами было не больше метра, но с тем же успехом это мог бы быть целый километр. Как всегда.

Он был в моей кровати. Ну, ладно, в *своей* кровати.

Я повернулась к нему лицом, глаза понемногу стали привыкать к темноте. Он повернул голову, встречаясь со мной взглядом. Никто из нас не произносил ни слова. Я надеялась, что он просто запрыгнет на меня, и напряжение между нами исчезнет, но он не сдвинулся ни на сантиметр. Я сглотнула ком в горле и, схватив одеяло, натянула его на себя. А потом повернулась спиной к Хоуку и закрыла глаза. Мне нужно уснуть. Господи, пожалуйста, мне нужно уснуть и попытаться представить, что рядом не лежит почти двухметровое голое чудовище, но все, о чем я могла думать, это его улыбка. Я ерзала, чувствуя трепет и пульсацию внизу живота.

— Эй, Тай? — позвал он меня через минуту.

— Да? — еле слышно ответила я.

— Почему моя грязная футболка лежит в твоей кровати?

Застыв, я резко распахнула глаза.

Твою мать.

Очень медленно я повернулась к нему всем телом. Он держал в руке скомканную футболку. Целое ужасное мгновение я таращилась на нее... а потом, резко схватив и свесившись через край, швырнула ее под кровать. Когда я ложилась обратно, он все еще смотрел на меня.

— Я не знала, что она здесь, — соврала я.

Его молчание убивало меня. Похоже, он осуждает.

Очень не хотелось оконфузиться? Да я просто вляпалась в это дерьмо обеими ногами.

— Ты спишь с ней? — вдруг спросил он.

У меня даже кости съежились. *Кто-нибудь, убейте меня.*

— Нет, — ответила я.

— Ты вдыхаешь ее запах?

Пульс загрохотал в ушах.

— Нет.

— Детка, ты ужасная врушка.

Отрубите мне голову. Черт, бросьте меня в огонь — мне наплевать. ВСЕ, ЧТО УГОДНО, только не ЭТО.

Какого хрена? Что со мной не так? Ведь была куча возможностей избавиться от нее или... по крайней мере, постирать. Теперь же я еще хуже, чем те извращенцы, которые воруют трусы из магазинов белья, а потом дома нюхают их, засунув в штаны свои поганые руки.

Кровать прогнулась, когда Хоук придвинулся ближе. Я старалась не смотреть на него, и от унижения не могла даже пошевелиться. А потом... почувствовала его пальцы, прослеживающие очертания моих губ. Дыхание мое ускорилося, и я, не успев даже подумать, повернулась лицом к нему. Он смотрел на меня. Уставившись на мой рот, он продолжал свои ласки, вынуждая меня раскрыть губы. Когда я сделала это, он просунул палец мне в рот и коснулся языка, после чего вытащил его и увлажнил мои губы. Его дыхание стало тяжелее и глубже.

— В чьей ты постели? — хрипло спросил он.

Не в силах пошевелиться, я выдохнула:

— В твоей.

От ничего не ответил, а потом прошептал:

— Да-а-а.

Стиснув зубы, он провел пальцами по моей шее и плечу. Потом обратно ко рту, к языку. Снова увлажнил мои губы. Кончиками пальцев он оставлял влажный след на моей щеке. Я вся горела — хуже, чем от летнего зноя. Этот жар шел изнутри и проносился по венам, прожигая дорогу к самому сердцу.

Что происходит?

Я ожидала... *чего-то*, и это ожидание убивало, потому что он... не делал ничего.

Подняв руку, я очертила пальцем его сомкнутые губы. У него были мягкие красивые губы, от одного вида которых можно расплавиться, как масло на огне. Мне очень хотелось поцеловать его. Хотелось провести рукой по его бороде, груди, животу. Я представила себе, как обхватываю его член, и он набухает в моей ладони. Что почувствовал бы Хоук?

Он приоткрыл для меня губы, и, когда облизал кончик моего пальца, я задрожала всем телом. С трудом сглотнув, я обвела контур его губ,

проследила линию шеи, прошлась по кадыку и вернулась назад, к губам. К третьему заходу я осмелела, и скользнула пальцами по его шее вниз, на грудь. Он был таким мускулистым и твердым, как скала. Я продолжала опускать руку все ниже, по рельефному прессу и дальше, к дорожке волос. Затем слегка погладила основание его члена — гладкого, как шелк, но далеко не мягкого. Заглянув в глаза Хоука, я увидела, как по его лицу пробежала тень. Переполняемая похотью и желанием, я придвинулась к нему и прижалась своим ртом к его губам. Это был быстрый поцелуй — его хватило, чтобы лишь почувствовать вкус его губ и ощутить их мягкость. Господи, как мне их не хватало! Отстранившись, я встретила его пристальный взгляд. Невозможно было понять, о чем он думает. Я сделала попытку отодвинуться, но внезапно он схватил меня за шею. Захват был крепким, но Хоук не сжимал, не причинял боли, а просто вынуждал вернуться. Обратно к нему. Наши лица разделял какой-то сантиметр, и, встретившись с ним взглядом, я прерывисто вздохнула.

— Черт возьми, — прошептал он. — Тайлер, ты настоящая проблема для меня. Я не могу перестать думать о тебе. Не могу перестать представлять, как окажусь в твоей маленькой сладкой киске. Мне не хватает твоих губ, твоего вкуса. И целой вечности будет мало, чтобы насытиться тобой.

Я приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, когда он, притянув меня к себе, обрушил свой рот на мои губы. Я приоткрыла их и закрыла глаза. Его поцелуй был жестким, настойчивым, лишаящим возможности дышать.

Хоук быстро перекатился на меня, переместив свою руку с моей шеи на волосы, и так сильно сжал их в кулаке, что стало больно.

— Открой рот шире, Тай, — потребовал он охрипшим голосом.

Я подчинилась и, ощутив его язык, застонала — мое тело и так уже извивалось, охваченное желанием. Хоук втянул в рот мою нижнюю губу, и я почувствовала его руку на своей груди — обхватив ее ладонью, он сильно сжал сосок. Меня словно сотряс удар молнии, отозвавшись в самом центре. Я снова застонала, извиваясь под его огромным телом, накрывшим меня целиком. Недолго думая, я провела рукой по его груди и двинулась ниже, к члену. В тот момент, когда я обхватила его ладонью, Хоук зашипел и прижался своим лбом к моему.

— Блядь, Тайлер, да, — выдохнул он. — Сожми сильнее, детка.

Я крепче сжала ладонь вокруг его твердого члена, потрясенная тем, что он стал еще толще — я даже не могла сомкнуть пальцы — и начала двигать рукой. Хоук не переставал просить меня делать это быстрее. Отпустив мои волосы, он вцепился в каркас кровати и, закрыв глаза,

тяжело дышал, пока я дарила ему удовольствие, исследуя его длину и ощущая на кончике капельки влаги.

Мне хотелось слизать ее.

О, Боже, звуки, которые он издавал, только подбрасывали дров в костер моего лихорадочно нарастающего желания. Ведь я делала то, что доставляет удовольствие ему. Он стал горячим и потным, и даже его дыхание на моем лице ощущалось чем-то удивительным.

Хоук снова поцеловал меня — на этот раз поцелуй не был жестким. Он был нежным, неторопливым, сладким. Слегка прикусив мою нижнюю губу, он втянул ее в рот. Все еще сжимая его член, другой рукой я обняла Хоука за шею, притягивая к себе. Мои бедра самопроизвольно приподнялись, потому что одних поцелуев было недостаточно, и у моего тела будто были собственные мысли на этот счет. Хоук словно понял это, потому что я почувствовала, как ладонью он скользнул вниз, к чувствительной коже между моих ног. Я откинула голову, когда он провел пальцем вдоль щели и начал дразнящие движения вокруг входа.

— Твою мать, ты вся мокрая, — пробормотал он и, поцеловав меня в шею, двинулся ниже.

Все тело откликалось на его прикосновения и поцелуи. Каждая клеточка сходила с ума. Дрожь удовольствия сотрясла меня, когда пальцем он начал скользящие движения вверх-вниз. Я была вынуждена отпустить его, когда он начал перемещаться ниже, устраиваясь у меня между ног. Инстинктивно я сомкнула бедра, а руками уперлась в его голову, пытаясь оттолкнуть.

— Расслабься, Тайлер, — сказал он и развел в стороны мои бедра. — Тебе понравится.

Хоук продолжал дразняще кружить пальцем вокруг моего входа, когда жар его рта коснулся клитора. Я перестала двигаться, пытаюсь успокоиться, но тут почувствовала... горячее скольжение его языка, и резко выдохнула. Дрожь удовольствия усилилась. Это было неопишимо. Пальцами я снова вцепилась в его волосы — на этот раз, чтобы удержать на месте.

Он действовал нежно и неторопливо, позволяя мне привыкнуть к его движениям и собственным ощущениям. Меня так трясло, что ему пришлось сжать мои бедра, чтобы удерживать на месте. Извиваясь всем телом, я бесстыдно стонала, стараясь еще теснее прижаться к его рту. Волны удовольствия накатывали все сильнее, и тело, выгибаясь ему навстречу, отдавалось во власть его губ и языка.

— Пожалуйста...

Ну вот, я снова умоляла.

Слова слетали с моих губ, но забывались в ту же секунду, поэтому я повторяла их снова и снова:

— Пожалуйста... Пожалуйста...

Хоук ускорил движения, а когда в конце лихорадочно втянул в рот мой чувствительный клитор, я замерла, дыхание мое остановилось, и оргазм пронесся по телу взрывной волной. От нахлынувших ощущений у меня перехватило дыхание, и я снова и снова, как молитву, повторяла его имя. Он довольно засмеялся, и этот смех вызвал на моей коже легкую вибрацию, из-за чего по телу пронеслись новые волны удовольствия.

Он переместился обратно на меня и снова прижался ртом к моим губам. Я непроизвольно скривилась, ощутив на его губах свой собственный вкус, и Хоук снова засмеялся, прижимаясь грудью к моему потному телу.

— Это было здорово, — пробормотал он. — Ты такая вкусная.

Я, конечно, далеко не пуританского воспитания, но это было настолько личное, что я вспыхнула от смущения. Не ответив, я снова обхватила член Хоука и сжала его. Хоук, приподнявшись на локтях, опустил взгляд вниз, на мою руку.

— Раздвинь для меня ноги, Тайлер. По-настоящему широко.

Я широко открылась ему.

— Проведи головкой по своей киске, детка, — сказал он. — Увлажни меня своим оргазмом.

Я провела блестящей головкой его члена по своим влажным складкам и снова задрожала, закрыв глаза от удовольствия. Он поцеловал мои закрытые веки и улыбнулся.

— Хорошо, да?

Я кивнула. О, да-а-а.

— Подожди, пока я не окажусь внутри тебя, Тайлер, и снова не трахну тебя, — его голос стал резким. — Ты почувствуешь меня везде — от макушки до пальцев ног. Твою мать, я хочу оказаться в тебе. Не могу ни о чем больше думать. Хочу овладеть каждым твоим отверстием. Хочу поставить тебя на колени и трахать пальцами твою маленькую киску, пока ты будешь мне отсасывать.

Боже, его слова уже и так своего рода секс.

— А теперь направь мой член в себя.

Я открыла глаза, опустила взгляд и, прижав головку его члена к своему входу, попыталась втиснуть его в себя. Как и раньше, ощущения можно было сравнить с заталкиванием мячика для гольфа в игольное ушко. Я была слишком маленькой. Хоук толкнулся бедрами вперед, чтобы помочь. Но только я начала ощущать, как мое тело, растягиваясь, принимает его, как

Хоук резко остановился. Я вопросительно посмотрела на него, но его взгляд был сосредоточен на двери.

— Хоук? — спросила я.

— Ш-ш-ш, детка, — прошептал он в ответ.

Я затаила дыхание, догадавшись, что он к чему-то прислушивается. Я тоже попыталась, но не услышала ничего, кроме стука собственного сердца. Хоук нахмурился и внезапно выскользнул из кровати. Приподнявшись на локтях, я увидела, что он направился к двери. Приоткрыв щелочку, он приложил к ней ухо.

А потом...

Я услышала это.

Лай Мерси и нарастающий грохот где-то поблизости.

Глава 27

Тайлер

— Что это? — спросила я.

Едва я задала вопрос, как в коридоре раздались голоса и звуки хлопающих дверей. Хоук быстро схватил джинсы, натянул их и, даже не потрудившись застегнуть, распахнул дверь с криком:

— Откуда это?

— Снаружи! — прокричал в ответ Джонни.

Мельком взглянув на меня, Хоук приказал:

— Тайлер, ты остаешься здесь, — и его как ветром сдуло.

Голова все еще шла кругом, когда несколько секунд спустя в комнате появилась другая фигура.

— Тайлер! — выкрикнул Гектор, и в его голосе слышна была паника.

Я замерла, а потом спешно прикрылась одеялом.

— Я здесь! Убирайся!

Гектор окинул меня быстрым взглядом.

— Слава Богу!

— Что происходит?

Но ответа я не получила — он уже умчался.

Выскользнув из постели, я натянула футболку с шортами и вышла. На глаза попала Шей, завернутая в простыню. Она стояла в дверях спальни Гектора.

— Тебе туда нельзя, — сказала она.

Игнорируя ее, я начала спускаться вниз по лестнице. Шей снова окликнула меня, но я была уже на первом этаже, где слышались крики и ругань парней. Вся заваруха происходила снаружи. Я медленно вошла в бар и наступила на что-то острое — ногу пронзила боль. Подпрыгнув, я посмотрела вниз и увидела повсюду битое стекло. Присмотревшись повнимательнее, я поняла, что все четыре окна разбиты к чертям собачьим.

Твою мать.

Внезапно раздались выстрелы, и в разбитые окна полетели пули. Я упала на пол, прикрыв голову руками. Стоящие на стойке стаканы разлетались вдребезги, осыпая меня осколками. Я хотела встать, чтобы убраться отсюда, но вместо этого намертво прилипла к полу, слишком напуганная возможностью получить пулю, чтобы хоть немного сдвинуться

с места.

Через пару секунд все закончилось. Услышав сердитые голоса, я с бешено бьющимся сердцем наконец подняла голову. Все закончилось? Дрожа всем телом, я встала на четвереньки и поползла прямо по осколкам в сторону входной двери. Выглянув наружу, я увидела там большинство парней. Они были в бешенстве и выкрикивали угрозы вместе с проклятиями в сторону удаляющегося по улице грузовика, а в ответ им раздавались гудки и хохот.

— Долбаные козлы! — прорычал Гас. Таким мрачным он не был очень давно.

— Что они кричали? — сердито рявкнул Кирк. — Нам в очередной раз угрожают?

— Это были люди Абрама. Блядь, я точно знаю, что это он подослал их. С первого взгляда было понятно — это гребаные русские.

— У нас есть о них информация?

Гас посмотрел на Кирка.

— Твою мать! Старый придурок, ты хоть знаешь, кто такой Абрам?

Кирк казался смущенным, и Гас злобно усмехнулся, после чего осмотрелся вокруг оценивающим взглядом.

— Кто-нибудь ранен? Эти ублюдки выпустили приличное количество пуль.

Все посмотрели друг на друга, пытаясь найти признаки ранений.

— Гектор, мужик, с тобой все в порядке? — направившись к нему, спросил Маршалл.

Гектора трясло, его пистолет был все еще направлен в ту сторону, где скрылся грузовик. Другая же рука была ярко-красной, с нее капала кровь. Даже с того места, где я стояла, она выглядела ужасно.

— Меня обстреляли и забросали бутылками, — выдавил он, тяжело дыша. — Это всего лишь рука. Все будет хорошо.

— Черт, — прошипел Джесс, возвращаясь к Гектору с противоположной стороны парковки. — Они направились на юг, мужик. Мы можем догнать их.

Когда Гектор ничего не ответил, все повернулись в сторону другого человека в ожидании дальнейших приказаний. Я проследила за их взглядами и увидела стоящего поодаль Хоука. Мне не было видно его лица, лишь спина с татуировкой эмблемы клуба.

— Хоук, — настойчиво произнес Джесс. — Мужик, скажи нам, что мы должны сделать?

Словно почувствовав мое присутствие, он оглянулся и перехватил мой

взгляд. Замерев на месте, я ждала, когда он начнет ругать меня за то, что вышла, несмотря на его приказ остаться. Только вот... он не издал в мой адрес вообще ни звука. Просто несколько секунд смотрел на меня, но в его глазах больше не было огня и желания. Нет, сейчас его взгляд был холоден, как лед.

Наконец, он сказал:

— Проверьте свои мотоциклы, убедитесь, что их не изрешетили пулями. Мы выдвигаемся немедленно. Прихватите пушки. На сборы минута. Кто не успел — тот опоздал.

Все тут же разбежались, стараясь успеть собраться. Оттолкнув меня, мимо пронеслась взволнованная толпа, и я, снова придя в себя, взглянула на Хоука. Он подошел к Гектору, наклонился, положил ему руку на затылок и, заглянув в глаза, что-то прошептал. Гектор кивнул и внимательно посмотрел на брата взволнованным взглядом. Хоук успокаивающе похлопал его по спине, после чего жестом указал возвращаться в бар. Проходя мимо, Гектор даже не взглянул на меня.

— Возвращайся внутрь, Тайлер, — сказал Хоук с полным безразличием, которого всего минуту назад еще не было. Я посмотрела на него в упор, желая сказать хоть что-нибудь, но... так и не смогла ничего выдать из себя. Поэтому просто кивнула и скрылась внутри.

* * *

Через час появился Гекко с медицинским чемоданчиком в руке. Он обнаружил Гектора, сидящего за дальним столиком. Тот подготовился и снял рубашку, чтобы обеспечить доступ к своей покалеченной руке. Гекко подошел, сел рядом и без промедления принялся оценивать повреждения. Порезы были многочисленными и глубокими. Весь последний час Гектор провел, заливаясь крепким ликером и вытаскивая из ран крупные и мелкие осколки.

— Придется накладывать швы, — пояснил Гекко, нахмурившись. — Нужно извлечь пулю и очистить раны. Это займет некоторое время.

Я села рядом с Гектором и похлопала его по плечу. От боли он весь покрылся потом, но ни разу не пожаловался. Надев налобный фонарь, Гекко осмотрел раны и удалил чем-то, вроде пинцета, оставшиеся в них осколки. Сложив кусочки стекла в лоток, он продолжил, попутно объясняя мне, как придерживать края раны, пока он будет обрабатываться пулевое отверстие. Доставать пулю оказалось труднее всего. Гекко пришлось

углубить рану, пока Гектор шипел и стонал от сильнейшей боли.

По окончании всего он заметно расслабился.

— Я впал в ступор, — чуть позже пробормотал он, глядя куда-то вдаль. — Блядь, я стоял столбом, когда они, высунувшись из кузовов своих грузовиков, стреляли и бросали бутылки. А потом, когда все закончилось, все ждали от меня решения, как действовать дальше, но я ничего не мог. В голове было пусто.

— Все нормально, — привычно проговорила я. А что, черт возьми, тут можно еще сказать?

Он посмотрел на меня, сжав зубы.

— Все совсем не так, и ты это знаешь.

— Гектор...

— Я облажался.

Я сосредоточилась на том, как Гекко обрабатывал рану, чтобы Гектор не увидел выражение моего лица. Он был прав, и мне ненавистно было это признавать. Но... да, он был чертовски прав.

— Каждый раз, когда такое происходит, я оказываюсь в полной жопе, — продолжал он, стиснув зубы. — Нужно вытрясти из кого-то долг? Это я могу. Требуется привести в порядок бухгалтерию? Легко. Хотите гребаную татуировку? Я лучший в этом деле. Но попросите отдать приказ, и у меня гребаный паралич.

Я взяла его руку в свою и сжала.

— Хватит изводить себя, Гектор.

— Разве ты не понимаешь? — огрызнулся он, взглянув на меня. — Это не для меня. А хочешь знать почему? Да потому, что этому нельзя взять и научиться. Чтобы быть лидером, нужно жить этим. Нужно быть жестким и уметь с ходу принимать решения, а не позволять закидывать себя бутылками. Не допускать, чтобы какие-то люди нападали на единственное место, где братья должны чувствовать себя в безопасности.

— Никто не знал об этих парнях.

— Ты не понимаешь, Тайлер. Такие всегда найдутся, и я должен был быть готов к тому, что это может произойти. Но я был наивным и борзым. Позволил всем поверить, что мы неприкасаемые, но, когда на порог пришла беда, все полетело к чертям собачьим.

— Гектор...

— Я позволил себе не обращать внимания на то, что старые камеры видеонаблюдения вышли из строя. У меня нет охраны. На улицах хренова туча людей, которым мы платим, но я ни разу не потрудился воспользоваться ими, потому что ни хера не знаю, что им приказать. Это

все не мое, поэтому я опустил руки и предпочел просто трахать тупую бабу, потому что успокаиваюсь, когда кончаю! — он со злостью схватил пустую бутылку и грохнул ее об пол, заставив Гекко прервать начатую им работу. Несколько секунд Гектор сидел с закрытыми глазами, втягивая носом воздух, и в какой-то момент прошептал: — Семья Наварро должна была передавать этот клуб от поколения к поколению, но я стану причиной его краха.

Кажется, после этих слов ему стало легче — он словно успокоился, когда произнес их вслух. Лицо Гектора смягчилось, гнев поутих. Дыхание стало ровным и спокойным. Мне только и оставалось, что держать его за руку и волноваться за остальных.

Где они?

А Хоук? Он цел?

Почему так внезапно все оказалось в полном дерьме? Ведь было впечатление, что с Абрамом все улажено.

— Ты была в постели с ним? — ни с того ни с сего спросил Гектор. — Поэтому ты была голой, а он в одних джинсах?

Я не ожидала подобного вопроса после его выстраданного признания, поэтому напряглась, стараясь даже не смотреть на него.

— Тайлер, все нормально, я просто спрашиваю.

— Без обид, Гектор, но... я же не расспрашиваю о твоих подвигах, — спокойно ответила я.

— Знаю, но, Тайлер, сейчас речь идет о моем брате.

— Я понимаю...

— Гипотетически он вообще мертв.

— Я знаю, Гектор!

— Я не против, но ты для меня, как сестра. Просто будь осторожна.

Я коротко кивнула. Спасибо, что он больше не стал ничего говорить по этому поводу.

— Что он сказал тебе? — поинтересовалась я, рискнув взглянуть в его сторону.

Гектор задумчиво поджал губы.

— Он сказал, что покрывается с убудками за то, что они ранили меня. Все могло быть еще хуже, прицелься они чуть выше.

— Они могли кого-нибудь убить.

— Да.

— Они смешивают наше имя с грязью, словно мы какие-нибудь монстры. Но ведь мы никогда не лезли на рожон, пока нас не спровоцируют.

— Нас только что спровоцировали, и каждый из них получит по заслугам. Поверь мне, Хоук держит свое слово. Он не отступится.

Я очень надеялась, что Гектор прав.

Гекко, закончив бинтовать руку Гектора, получил свои деньги и испарился. Не прошло и десяти минут, как послышался рев двигателей подъезжающих мотоциклов. Парни вернулись. Я испытала облегчение, когда они толпой ввалились в дверь, хотя никто из них не выглядел особо счастливым. Последним вошел Хоук — его руки были сжаты в кулаки и были красными от крови. Не останавливаясь и ни на кого не глядя, он прошел через бар и скрылся.

Я посмотрела на Джесса и громко спросила:

— Что произошло?

Джесс покачал головой и ответил:

— Ты не захочешь этого знать.

Судя по отстраненным взглядам некоторых, мне лучше было не настаивать. Но на следующий же день я все узнала из новостей.

Перестрелка на выезде из города. Пять обгоревших до костей трупов, найденных внутри сожженного грузовика.

Глава 28

Хоук

Хоук наблюдал, как в раковину капает кровь с его рук. Смотрел на сбитые пальцы, на содранную кожу на костяшках.

— Девять, — глухо пробормотал он себе под нос. Он просто убил девять человек за последние четыре часа. Это был личный рекорд.

Для начала, те четверо ублюдков в городе, которые ограбили три фирмы Бордена. Мужики были довольно крупные и, что еще хуже, по виду трезвые. Ему пришлось выбить дверь в маленькой квартирке, где они прятались со всеми деньгами Бордена, сложенными аккуратными стопками на диване. Хоук никогда еще не был так благодарен матери-природе за свои размеры. Первому он просто разможил голову. Второй в итоге оказался с ножом в сердце — быстро и без особых усилий. А вот с третьим оказалось труднее — он был самым крупным из них, поэтому Хоуку пришлось вспомнить все свои навыки и использовать каждую мышцу своего тела, чтобы победить в схватке, из которой он сам вышел с многочисленными побоями по всему телу. Четвертый оказался самым хилым из них. Когда он понял, что битва проиграна, то попытался сбежать, бросив остальных и прихватив с собой все деньги. В итоге, Хоук перехватил его на пути к двери, повалил на пол и закопал лицом в стодолларовые банкноты. Он посчитал правильным, если человек умрет, задохнувшись в бумажках, ради кражи которых рисковал жизнью.

Когда все было сделано, Хоук поднялся с пола и рухнул на диван, на котором еще недавно сидели эти мудаки. Он уперся локтями в колени, и в этот момент произошло самое странное.

Он почувствовал страх.

Страх того, что если бы он потерпел неудачу, то мог никогда больше не увидеть ее.

Не было ни одного дня, ни одной минуты, чтобы Тайлер не возникала в его мыслях. Но никогда так настойчиво, как на этом диване. Хоука очень беспокоило это. И завораживало. Он попытался разобраться в причинах своей растущей привязанности к этой девушке. Это все из-за ее красоты, не так ли? Он попытался убедить себя, что Тайлер потрясюще сладкая штучка, и нет такого мужчины, кому не встречалась бы на жизненном пути красotka, ради которой он готов был бы бросить все. В физическом плане

она обладала всем, о чем только можно мечтать — все при ней. Есть за что подержаться, пока вколачиваешь в нее свой член. Да, все-таки это просто физиология, но... блядь, это не только физиология. Ему нравился звук ее голоса. Нравилось наблюдать за сменой выражения ее лица. Нравилось то, что она говорила. Когда она протянула ему ту мазь, и он наносил ее на эту чертову татуировку... помнится, он подумал, что может слушать голос этой женщины днями и ночами.

Это очень опасно, когда девушка нравится так сильно.

Хоук всегда знал, что она будет не такой, как все, но не настолько же, чтобы пробуждать в нем такое желание. И эта тяга к ней сделала из него параноика.

Чем она занималась?

Не пытался ли Джесс залезть ей между ног, находясь всегда рядом с ней?

Внимательно ли за ней следил Гектор?

Эти мысли одолевали Хоука до тех пор, пока он не зарычал в темноту от злости, что вынужден находиться там, где был сейчас. В итоге Хоук закончил тем, что начал расхаживать по квартире и по очереди пинать мертвых мудаков, просто чтобы выбросить эти мысли из головы.

Он хотел ее. Да, неплохо уже то, что он честно себе в этом признался, но... что значит для него хотеть ее? Просто иметь ее? Внезапно в его памяти всплыли ее слова, которые пробрали его до самых костей.

Что, если в один прекрасный день ты захочешь меня? И что, если будет уже слишком поздно?

Твою мать, девчонке было пятнадцать, когда она задала ему этот вопрос, и теперь, по прошествии времени, он больше походил на долбаную угрозу. Угрозу, которая вызывала у Хоука серьезные проблемы с контролем гнева.

Для этого никогда не поздно. Даже если бы она была с кем-нибудь — типа ветреного Джесса — он отбил бы ее. Эта мысль его даже не беспокоила. Моральная сторона вопроса его вообще не волновала. Наоборот, только благодаря этому он смог так долго продержаться. Даже Бордену — при всей его испорченности — не удалось продержаться столько, и тогда Хоук был вынужден принимать все сложные решения, когда тот потерял связь с реальностью.

В конечном итоге, Хоук решил немедленно связаться с Борденом.

— Что? — рявкнул Борден на противоположном конце линии.

— Ты свободен?

— Блядь, Хоук, на дворе полночь, — возразил он. — Тебе больше

делать нехер, кроме как звонить мне посреди ночи?

— Я нашел тех мудаков, которые совершали грабежи.

Борден вздохнул.

— Твою мать, Хоук, давай разберемся с ними утром, ладно?

— Я уже разобрался.

— Когда?

— Двадцать минут назад.

— Один?

— Да.

Борден снова выругался.

— Хоук, тебе бы нужно наладить половую жизнь. А ты все продолжаешь свои попытки навести порядок на улицах, словно какой-то ночной, наводящий ужас мститель. Хочешь стать супергероем?

— А супергерои убивают преступников?

На заднем фоне Хоук услышал мягкий голос Эммы, спрашивающей у Бордена, что случилось.

— Ничего, котенок, иди спать, — пробормотал он ей и снова обратился к Хоуку: — Хоук, вызови чистильщиков, и давай дадим парням возможность самим разобраться с этим. Что-нибудь еще, гребаный психопат?

— Да, я уезжаю, — сказал Хоук. — Возвращаюсь в Норвич, чтобы контролировать вопрос с поставкой.

— Я думал, поставка должна быть только через три недели.

— Да.

Борден замолчал. Хоук услышал шарканье его шагов и звук закрывающейся двери. Свист ветра в телефоне дал понять, что Борден вышел на улицу.

— Брат, у тебя все в порядке? — спросил он, и в его голосе звучало беспокойство.

— Я должен быть уверен, что с ней все хорошо, — ответил Хоук.

— Совсем размяк из-за девчонки?

— Нижняя часть моего тела говорит, что затвердел.

Борден усмехнулся.

— Слабак хренов!

Хоук выдавил из себя улыбку.

— Я видел ее в клубе, — задумчиво сказал Борден. — Девчонка очень симпатичная, Хоук, но она до усрачки испугалась, увидев меня.

— Правда?

— О, да. Уверен, она решила, что я собираюсь добавить ее в одно из

своих массовых захоронений или думала о чем-то подобном.

— Именно так Тайлер, скорее всего, и подумала.

— Поезжай, повидайся с ней, Хоук, но не бросай меня надолго, ладно?

— Я и не подозревал, что мы с тобой в отношениях, Борден.

— Иди на хер, — возразил Борден. — Я серьезно. Ты не можешь бросить меня, мужик. Ты нужен мне по жизни. Мы же вместе прошли через ад.

— Да, ты охуенно рисковал своей башкой, вытаскивая меня из тюрьмы.

— Это было сделано за деньги. Тогда мне было похер, выживешь ты или нет. Я говорю не об этом. Я говорю обо всем, что мы пережили. Я твой должник.

— Да.

— Тогда поезжай и... научи своего брата хоть каким-то гребаным манерам.

— Ладно, мужик, — Хоук задумчиво почесал бороду. — Кстати, из твоих источников нет новой информации?

Борден помолчал.

— Не так быстро. В эту систему охуенно сложно найти лазейку. Я еще не сталкивался со столь охраняемой информацией.

— Ты сможешь раскопать ее?

— Блядь, мужик, когда-то ты смог раскопать мою девочку, и я тоже справлюсь.

Хоук благодарно кивнул.

— Спасибо, Борден.

— Увидимся, когда все закончишь.

На этом Хоук выключил телефон, запрыгнул на свой байк и помчался в Норвич. Последнее, чего он ожидал, это новые проблемы. И новые трупы.

Это действительно были люди Абрама? Он просто не мог понять. Такая глупая хрень не в стиле Абрама, но если он все же...

Это означало бы войну.

Войну из-за убийства его чертового братца, этого ублюдка-наркомана. Хоук выругался себе под нос и начал отскребать кровь. Он взял розовое мыло Тайлер, и в нос тут же ударил фруктовый запах. Хоук издал хриплый смешок. Буквально только что он убил девять человек и вот теперь стоит в ванной, полной всякой розовой херни, и отмывает кровь со своих рук, чтобы они стали пахнуть *фруктами*. И в эту самую секунду ему вдруг стало не до смеха. Он согнулся пополам, закрыл глаза и, глубоко дыша, старался сдержать подкатившую к горлу кислую рвоту.

Слышишь, мудака, прокрути все в памяти и выброси из головы.

Хоук втянул в себя воздух и задерживал его в легких, пока в груди не появилось жжение. Медленно выдохнул и повторил процесс.

Он заставил себя заново пережить каждое убийство, каждую каплю крови. Снова увидеть угасание жизни в глазах каждого. Эти жизни он забрал сегодня ночью.

В крови бушевал адреналин. Хоук вдыхал и выдыхал, пока тело не начало расслабляться, мозг не пресытился, а зловещные образы не начали растворяться, чтобы уйти, как и все им подобные, в небытие.

Кто-то погладил его по спине, и Хоук открыл глаза. Интересно, как долго он стоял, согнувшись над раковиной, выдыхая из себя этот ужас. Взглянув в зеркало, он увидел, что за спиной стоит Тайлер и пытается успокоить его. Она встретила взглядом с его отражением и прошептала:

— Эй, ты в порядке?

Ему хотелось сказать «нет».

— Я в порядке, детка, — пробормотал он, чувствуя себя совершенно обессиленным.

— Повернись ко мне.

Он очень медленно подчинился. Она провела ладонью по его лицу и голой груди, вытирая пальцами засохшие капли крови. Хоук внимательно наблюдал, как они исчезали под ее прикосновениями.

— Нужно смыть все это, — прошептала она, развернулась, включила душ, а потом начала расстегивать на нем джинсы. Это было похоже на ту первую ночь, только роли поменялись — теперь *она* заботилась о *нем*. Красавица не осознавала, что он не нуждается в заботе. Это просто очередной хуевый день в его хуевой жизни.

Расстегнув молнию на джинсах и стянув их вниз, она застыла и подняла на него взгляд.

— Почему?... — начала она, но не закончила предложение.

— Почему что? — настойчиво спросил Хоук. — Почему у меня *стоит*?

Она просто смотрела на него, ее щеки покраснели.

— Ночью ты что-то совершил.

— С чего ты взяла?

— Ты ищешь разрядки.

Он подошел ближе и склонил к ней голову.

— Возможно.

Тайлер посмотрела на его губы, затем в глаза, ее дыхание участилось, и она ответила:

— Ты не в себе, Хоук. И я не хочу, чтобы ты потом сожалел.

Она сказала ему те же слова, что он сам говорил ей недавно, словно анализировала их все эти несколько дней. Вероятно, так и было.

Вместо ответа он взял ее руку и прижал к своему члену. Она обхватила его ладонью, но рука оставалась неподвижной.

— Хоук...

— Хочешь помочь мне прямо сейчас? — оборвал ее Хоук, его голос стал резким. — Тогда сожми меня. Блядь, Тайлер, сделай это, или я окончательно потеряю рассудок.

Она, должно быть, почувствовала, что ему это необходимо, потому что сжала его член, и он резко зашипел, прижимаясь лбом к ее голове.

— Хорошо, Тайлер, охуенно хорошо. А теперь начинай двигать рукой.

Она послушалась.

Двинула рукой вверх.

Затем вниз.

Сжала пальцы вокруг головки.

И по новой.

Со стоном он раскачивал бедрами вперед-назад, контролируя темп. Она трахала его своей нежной ручкой, и он, просто наблюдая за движениями ее ладошки, становился тверже и толще. Второй рукой она провела по его животу, потом вверх, по груди. Подняв на него опьяненный взгляд, Тайлер обвела пальцем его сосок. Девчонка хотела его, но с таким туманом в голове он не смог бы достойно с этим справиться. Хоук чувствовал, что не до конца пришел в себя, и она была права — он пытался отвлечься, чтобы не вспоминать больше сожженные трупы или лицо, вжатое в кучу денег. Хоук хотел Тайлер. Хотел, чтобы она обхватила его член губами и сосала, пока он не кончил бы ей на язык.

Под влиянием наслаждения он схватил ее за шею и притянул к себе. А потом впился поцелуем в этот сладкий рот, заставляя раскрыть губы, чтобы попробовать на вкус ее язык. Она застонала и сильнее сжала его член. Он застонал в ответ и обхватил свободной рукой грудь Тайлер, сжимая ее через ткань майки. Она смотрелась настолько сексуально, что он почти умирал от желания оказаться внутри нее и почувствовать, как ее стенки сжимаются вокруг его члена.

— Блядь, Тайлер, ты совершенство. Я не могу выбросить тебя из головы... — он видел, как участилось ее дыхание, как она облизала губы, глядя на его член. Хоук уже сейчас мог запросто кончить, но... вашу мать, у него не хватало силы воли отказаться от удовольствия быть в ней.

Трахнуть ее сейчас было бы ошибкой.

Он прекрасно понимал это.

Она же потом возненавидит его.

В этом он был уверен.

Но... он неистово хотел ее.

Резким движением он сорвал с нее майку, и в этот момент всё — вся херня сегодняшней ночи, все прошлые сожаления — отошло на задний план.

Он хотел ее.

Она хотела его.

И только это было важно.

Все остальное — это проблема завтрашнего дня.

В ту же секунду Хоук накрыл губами ее сосок и с силой втянул его в рот. Она выгнулась, задохнувшись от собственных ощущений. Тайлер была так возбуждена, что он мог бы просто дунуть ей на соски, и она кончит.

— Сними шорты, — приказал он, тяжело дыша.

Она тут же разделась — покорно и нетерпеливо одновременно. Он сбросил джинсы и переступил через них. Хоук был не в силах отвести взгляд от полностью обнаженной Тайлер. Шагнув ближе, он снова поцеловал ее, и на этот раз поцелуй получился жестким и более плотским. Он двигал рукой между ее ног, касаясь клитора и медленно обводя его круговыми движениями, пока ее удовольствие не возросло настолько, что она с трудом уже могла отвечать на его поцелуи. Хоук изо всех сил старался сдерживать себя, чтобы не взять ее грубо, как ему того хотелось. Поэтому на несколько коротких мгновений сосредоточился только на ее удовольствии — на том, как она выгибает спину, пока он сосет ее идеальные сиськи.

А потом...

Он увидел безжизненные глаза и кровь...

Гребаное море крови.

Девять. Трупов.

Монстр.

Монстр.

Мон...

Сердце подпрыгнуло к самому горлу, и Хоук сглотнул тяжелый ком, возвращая его обратно чудовищу, сидящему внутри.

— Повернись, — хрипло сказал он, не в силах скрыть в голосе боль. Он даже помог ей сделать это побыстрее, чтобы она не успела увидеть выражение его лица. Уязвимость — удел слабаков. Это чувство не для него. Он просто хотел трахаться, не ощущая себя человеком, бегущим от

собственного прошлого.

Ему действительно нужно остановиться. Он не должен был обнимать ее или позволять своей руке снова скользнуть к этой потрясающей обнаженной киске. Не должен был вынуждать нагнуться, чтобы прижаться своим членом к ее вздернутой вверх заднице.

Но он сделал это.

Хоук направил свой член к ее входу — ему нестерпимо хотелось оказаться в ней. Все его тело сотрясилось дрожью, горя желанием сделать это, но...

Ведь он использует ее.

Хоук не хотел ее использовать. Он никогда не простит себе этого. Развернув Тайлер кругом, он встретился взглядом с ее удивленно распахнутыми глазами.

— Твоя рука, — он скрипнул зубами, лишая себя возможности почувствовать ее тугую киску. — Только твоя рука, Тайлер.

Она без промедления снова обхватила ладонью его член и начала двигать рукой, как раньше, но на этот раз ее взгляд был изучающим. Хоук задумался, заметила ли она его отчаянную потребность сбежать от действительности, забыться и просто отдаться чувствам?

Протянув свободную руку, Тайлер нежно погладила его по щеке. Он снова поцеловал ее, но это уже не было продиктовано гневом. Адреналин все еще бурлил, но его уже можно было сдерживать. Присутствие Тайлер сделало все более терпимым.

Облизнув, она втянула в рот его нижнюю губу, когда Хоук начал перекачивать между пальцами ее возбужденно торчащий сосок. Во всем теле чувствовался жар и напряжение... такое охуенно сильное напряжение, что все мышцы стали словно каменные. Дыхание остановилось и...

Он кончил.

Жестко.

Прямо ей в руку.

Но она, продолжая сжимать его член, не останавливала движений своего кулачка по всей его длине. Хоук задрожал от удовольствия.

Только вот... здесь было не только удовольствие.

Отвращение тоже.

К самому себе и к тому, на что способны его руки.

Даже стон его прозвучал мучительно, и Тайлер посмотрела на него так, словно понимала это. Он не стал смотреть ей в глаза, а, вздохнув, отвернулся. На душе пока легче не стало, но в голове... ох, слава Богу, мозг очистился. Хоук знал, что это временная передышка. Но лучше так, чем

ощущать, что вокруг сердца будто змея обвивается и сжимает его.

— Я липкая, — услышал Хоук голос Тайлер.

Он посмотрел на нее и увидел, как ее ноздри непроизвольно дрогнули от запаха спермы, покрывающей ее ладонь.

— Если бы ты была моей, я приказал бы тебе слизать все до капли, — сказал он полусерьезно, полушутливо.

Тай улыбнулась и вытерла руку о его грудь.

— Вот, забирай все обратно. Когда решишь, что я твоя, приму все это в рот.

Ты уже моя.

Он взял ее руку, нежно поцеловал и совершенно серьезно сказал:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что поддержала меня. Помогла отвлечься.

Она опустила взгляд.

— Конечно.

Хоук провел рукой по ее шее.

— Что не так?

Тайлер сжала губы.

— Если бы здесь находился кто-то другой, ты попросил бы сделать то же самое? Ну, Шей или Холли, или шлюхи, которые здесь околачиваются...

Он прервал ее очередным поцелуем.

— Замолчи, Тай. Я попросил об этом *тебя*. А не кого-то еще.

Не сказав ни слова, она коротко кивнула. Хоук повел ее в душ, но струйка текла еле-еле, потому что он был включен хер знает сколько времени, и горячая вода почти закончилась. Но ему нужно было вымыть ее, и это сделало его странно довольным. Любой мужчина пожертвовал бы левым яйцом за одно лишь прикосновение к ней, а тем более за возможность смывать свою сперму с ее покрасневшейся кожи.

Хоук знал, что она все еще возбуждена. Он заметил, как то и дело подрагивали ее бедра рядом с ним, поэтому притянул Тайлер к своей груди, чтобы брызги льющейся воды покрыли их обоих, и пальцами довел ее до оргазма. Она вскрикнула, сжимая колени, и он, крепко обняв ее, прижался губами к тому маленькому сладкому местечку у основания ее шеи.

Чуть позже он обтер полотенцем ее влажную кожу и уложил Тайлер в постель. Прижавшись щекой к его груди и свернувшись калачиком, она уснула за считанные минуты.

Хоуку с этим повезло меньше.

Глава 29

Тайлер

На следующее утро, когда я проснулась, Хоук все еще лежал рядом. Я ощутила, как пальцами он пробежался сверху вниз по моей голой спине. Лежа рядом, я чувствовала сильные, гулкие удары его сердца, и это давало мне успокоение.

— Ты уезжаешь от меня? — я отстранилась от него, горло сжалось при мысли, что он снова уйдет.

— Нет, — нежно ответил он.

Я расслабилась и провела рукой по его широкой груди, не в силах сдержать желание прикоснуться к нему — к этой гладкой коже и твердым мышцам пресса. Взяв его руку в свою, я покрыла ее поцелуями. Он напрягся — даже вторая его рука перестала двигаться по моей спине.

— Что-то не так? — спросила я.

— Детка, это моя изуродованная рука, — еле слышно ответил он.

— Значит, твоя изуродованная рука заслуживает больше поцелуев, — я продолжила свое занятие, на этот раз целуя каждый шрам, и мышцы его пресса напряглись. Хоук приподнял голову, чтобы посмотреть на меня. Немного выждав, он сгреб мои волосы в кулак и потянул меня к себе на грудь, чтобы наши губы соприкоснулись. Он целовал меня долго, неспешно исследуя мой рот, словно уговаривая меня своим языком. Это было искусное соблазнение, и Хоук делал это осознанно.

— Так будет всегда? — спросила я после того, как он отстранился, и мое лицо оказалось на уровне его глаз.

— Так — это как?

— Вот так хорошо. Или со временем все приедается?

Какое-то время он смотрел на меня нежным взглядом.

— Не думаю, что с тобой это когда-нибудь начнет приедаться. Тайлер, ты потрясающая, с яркой индивидуальностью.

Я подавила смех.

— С яркой индивидуальностью?

— Мне это нравится.

— Я нравлюсь мистеру Хоуку — байкеру! — за свою яркую индивидуальность? Никто не поведется на это!

Он усмехнулся.

— Ну, не только за яркую индивидуальность.

— Нет?

— У тебя такая аппетитная задница — кажется, с ней это как-то связано — и такие охуенно красивые сиськи, что, думая о них, я могу кончить за день раз десять.

— Очаровательно.

— Я умею быть очаровательным.

— Хотя сиськи у меня маленькие.

— Они идеальны.

Я покраснела.

— Перестань, ты вгоняешь меня в краску.

— Я знаю, и это придает тебе обманчиво невинный вид.

Я приподняла брови.

— Обманчиво?

— М-м-м, — протянул он, не прекращая ухмыляться. — Имея такое соседство, ты насмотрелась всего, чего только можно. Полагаю, о сексе ты знала уже годам к двенадцати?

Я хихикнула, и это был совершенно не свойственный мне звук.

— Попробуй начать с десяти.

— Нет.

— Да.

Он застонал.

— Как?

— Тебе лучше не знать этого.

— Ну, хоть намекни.

— Это как-то связано с прятками в шкафах.

Грудь Хоука затряслась, и с его губ слетел низкий бархатистый смешок.

— Черт возьми, Тайлер, какого хрена тебе позволяли столько времени торчать в клубе? Я не понимаю. У многих из наших парней были дети, но они никогда здесь не появлялись.

— Я особенная.

— Да?

— Да.

Он долго смотрел мне в глаза, а потом, расплывшись в довольной улыбке, со вздохом согласился:

— Да.

Чувствуя нарастающее внутри тепло, я прижалась к нему и медленно поцеловала. Прикасаясь рукой к его груди, вечно покрытой синяками и

ссадинами, я почувствовала, как бешено заколотилось его сердце под моей ладонью, когда наши языки встретились.

— Думаешь, нам с тобой это когда-нибудь сможет надоесть? — неожиданно прошептал он изменившимся голосом, внимательно изучая меня.

Кончиками пальцев я провела по дорожке волос вниз и нежно погладила его твердеющий член. Глядя на него честным взглядом, я абсолютно искренне улыбнулась и на полном серьезе ответила:

— Нет.

Хоук сглотнул ком в горле и кивнул на мой ответ — в этот момент он выглядел поразительно открытым. А потом обхватил мои бедра и, потянув на себя, расположил их по бокам своего тела. Я оказалась верхом на нем — моя грудь прижималась к его груди. Двумя руками Хоук скользнул вниз по моей спине и сжал ягодицы, вынуждая продвинуться вперед. Он был уже полностью готов; я почувствовала это, когда потерлась клитором по его твердому члену, отчего застонала ему в рот, мгновенно став влажной от возбуждения.

— Ты до безобразия легко заводишься, — пробормотал он.

— Только с тобой.

Он отстранился, горячо выдохнув мне в рот.

— Тайлер, ты хочешь меня?

Я кивнула.

— Сядь и выпямись.

Я подчинилась.

Одной рукой сжимая член, другой он подхватил меня под ягодицы, располагая над собой. Скользнув взглядом сверху вниз по моему обнаженному телу, Хоук, облизнув нижнюю губу, заставил меня медленно опуститься на него.

— Черт возьми, — простонал он, наблюдая, как его член погружается в меня. — Тай, это охуенное зрелище.

Мои мышцы начали растягиваться вокруг него, но сейчас это было уже знакомое вторжение. Сам он не двигался и удерживал меня над собой так, чтобы проникновение было постепенным. Мне нравилось, что он снова это делает — дает возможность привыкнуть к его размеру, а не прет напролом, как бульдозер, прокладывающий себе путь.

Наблюдая за мной с этой своей ленивой усмешкой, он легонько потер мои соски.

— Тебя не удивит, если я скажу, что вошел в тебя полностью?

Я улыбнулась в ответ.

— Твою мать, нет. Я чувствую тебя везде, Хоук. Я и через несколько часов буду точно знать, где ты был.

— Такая чувствительность даже через несколько часов? Мне реально нравится, как это звучит.

Его член запульсировал во мне, доказывая, насколько сильно ему нравится это слышать. Когда я начала двигаться, Хоук начал кружить пальцем вокруг клитора, заставляя меня стонать и дрожать от удовольствия, которое он дарил. Шершавыми ладонями он плавно скользил по моему телу, стараясь почувствовать на ощупь каждый сантиметр, а взгляд был полон благоговения.

С ним я чувствовала себя самой красивой.

Он позволил мне двигаться самой: вверх и медленно вниз. Было потрясающе чувствовать, как он заполняет меня. Такое ощущение, что он касался каждого нерва внутри, отчего по телу пробегали мурашки. Мне хотелось чувствовать его глубже. С громкими шлепками я резко опускалась на него, пытаюсь добиться, чтобы он коснулся того источника взрывного удовольствия внутри меня — как потом объяснил мне Хоук, это была точка G. Я запрокинула голову, и он резко сел. А потом, накрыв губами мой сосок, толкнулся внутрь под таким идеальным углом, достигая того самого места...

— Ты сжимаешься вокруг меня, — прошептал он, оставляя яростные засосы на моей коже. — Трахни меня, Тайлер.

Обхватив его за шею руками, я раскачивалась на нем — в каждой клетке моего тела бушевало пламя. Всхлипнув, я кончила, выкрикивая его имя, как и прошлой ночью. Я ощутила его губы на своей шее... он лизал и кусал мою обнаженную плоть с такой силой, что оставались следы.

— Как же хорошо, — простонал Хоук, задыхаясь, и с последним толчком кончил, уткнувшись лицом в основание моей шеи.

Хоук повалился на спину, увлекая меня за собой. Не вынимая своего все еще полуэрегированного, члена, он гладил меня по спине, пока наше дыхание не выровнялось. Боже, я могла бы заниматься этим каждый день. Нет, каждый час каждого дня. Хоук дарил моему сердцу ощущение наполненности и боли одновременно. Интересно, он чувствовал ко мне то же самое? Судя по тому, как он смотрел на меня, я склонялась к мысли, что да.

— Как ты планируешь поступить с Абрамом? — спросила я чуть позже, рисуя пальцем ленивые круги на его плече.

Он вздохнул.

— Еще не знаю, детка.

— Это действительно он подослал тех парней?

— Похоже, что да, но... блядь, я никогда не считал его идиотом.

Я нахмурилась.

— А если предположить, что кроме мести за его безмозглого брата, здесь есть еще что-то — что-то, о чем ты не знаешь?

Хоук помолчал, а потом пробормотал:

— Возможно.

Хоук

Он солгал.

Если за этим стоял Абрам, то Хоук точно знал, что ему нужно.

Тайлер.

Глава 30

Тайлер

Я снова ненадолго заснула, а когда проснулась, Хоука уже не было рядом. Я быстро приняла душ, оделась и спустилась в бар, чтобы разыскать его. В зале негромко играла музыка. Маршалл, Шей и Холли наводили порядок, а Джесс заменял разбитые стекла в окнах. Хоука, Гектора и Гаса нигде не было видно.

— Где они? — спросила я у Маршалла.

— После вчерашних показательных выступлений они в комнате для совещаний. Пытаются решить, что делать с этим беспределом, — рассеянно ответил он.

— Ой, а не знаешь, они там надолго?

— Без понятия.

— Войти, естественно, нельзя?

— Тай, они все в таком дерьмовом настроении, что я бы даже близко туда не подходил. Они пытаются связаться с Абрамом, но как-то не очень успешно.

Черт. Это не предвещало ничего хорошего. И все из-за Юрия.

Этот Юрий!

Как все по-идиотски получилось. Я не могла простить себя за свою причастность к этому. Уйди я тогда в свою комнату, ничего бы не случилось. Я чувствовала угрызения совести.

Окинув все вокруг мрачным взглядом, я спросила:

— Помощь нужна?

— Да, дорогуша, помоги с осколками.

Обрадовавшись, что появилась возможность отвлечься от мыслей, я схватила веник и совок и, присев на корточки, начала подметать битое стекло. Холли пристроилась рядом.

— Так все плохо? — тихо спросила она.

— Могло быть и хуже, — ответила я.

— Я слышала, Гектор ранен, но не поняла, насколько серьезно, — ее голос вроде звучал безразлично, но я заметила в лице Холли заинтересованность.

Я кивнула.

— С ним все будет нормально.

После того, как мы убрали с пола все осколки, я осмотрела зал и работающих здесь энтузиастов. Было невыносимо жарко, волосы прилипли к потной коже. Джесс тоже не очень хорошо переносил жару — он разделся до трусов, аккуратно развесив свой костюм на стуле. Холли подтолкнула меня локтем и, широко улыбнувшись, указала на него.

— Он просто неотразим, да?

Я ответила ей, слегка улыбнувшись:

— Почему бы тебе не составить ему компанию?

Она выпучила глаза.

— О, черт возьми, нет. Джесс в моих глазах стал полным мудаком с тех пор, как... — она замолчала, ее лицо вытянулось.

Я ждала, когда она продолжит.

— С каких пор?

— Эй, сучки, меньше слов и больше дела, — обратилась к нам Шей, перекидывая музыку.

Холли закатила глаза и отошла в сторону, и Шей тут же заняла ее место.

— Когда Гектор вернется, ему понадобится обезболивающее.

— Спасибо, что сообщила, — саркастически ответила я.

— Он серьезно ранен. Я могу приготовить ему завтрак, ведь ему это будет приятно, правда?

Выпрямившись, я посмотрела на нее.

— Разве ты сама не говорила: меньше слов и больше дела?

Она указала на Холли.

— Это было сказано той маленькой шлюхе. Видишь, с какой злостью она на меня смотрит?

Холли даже не поворачивалась в ее сторону.

— Шей, она не смотрит.

Шей с издевкой усмехнулась и посмотрела на меня.

— Я думала, ты на моей стороне, тигрица-Тайлер.

Я застонала, а она улыбнулась.

— Видишь, как я придумала тебя называть? Тигрица-Тайлер. (Примеч.: Шей назвала Тайлер *Ty-ger*. *Ty* — сокращенно от *Tyler*, *tyger* — тигр).

— О, да, я оценила.

— Круто, да?

— Очень остроумно.

Шей выглядела по-настоящему довольной собой, и я быстренько свалила от нее под предлогом того, что должна отнести Джессу воды. И

действительно сделала это, чтобы предлог не выглядел банальной отмазкой.

Джесс отложил в сторону рулетку и, взяв бутылку, одним махом выпил добрую половину, а остальное вылил себе на голову. Со своего места я заметила, как Холли с тоской вздохнула, и улыбнулась ей в ответ.

— Помощь нужна? — спросила я его.

Взглянув на меня, он расплылся в улыбке.

— О, да-а-а.

— Что мне нужно сделать?

— Сесть мне на лицо.

— Хорошо, Джесс, — раздраженно ответила я. — Я не в том настроении.

— О, черт, да ты хмуришься, — участливо проговорил он. — Что стряслось, сладкая?

— Ничего.

— Ничего? — он заглянул мне в глаза. — На ничего не похоже. На самом деле... дорогуша, мне кажется, тебя надо немного взбодрить.

— Нет, Джесс, даже не пытайся. Мне не нужна ни жалость, ни твои разговоры о том, какой у тебя огромный стояк — ничего из того, что, по твоему мнению, может меня взбодрить.

— Тай, я не собираюсь обсуждать свой член. Если только ты сама этого не захочешь.

— Джесс, прекрати.

— Да что с тобой такое?

— Я расстроена, потому что этот долбаный спектакль с Абрамом произошел по моей вине.

Джесс бросил на меня непонимающий взгляд.

— Как это, по твоей вине?

— Потому что Юрий хотел меня, но он не начал бы настаивать, если бы меня не было рядом.

— Это глупость, Тай. Я думал, ты умнее. Юрий был полным мудаком, и ты ни в чем не виновата. Теперь я точно уверен в том, что тебя надо взбодрить.

— Нет, Джесс.

Не обращая на меня внимания, он посмотрел на девочек и сказал:

— Включите что-нибудь более подходящее! Я должен поднять настроение моему радужному котенку.

— «Металлика»? — восторженно воскликнула Шей, начиная перебирать лежащие рядом со стереосистемой диски.

— Какая нахер «Металлика»? — брезгливо поморщился он в ответ. — Как, блядь, «Металлика» может развеселить?

— Это было просто предположение.

— Херовое предположение, Шей. О чем ты только думала?

У Шей вытянулось лицо.

— Многие просили меня включать ее, — резко ответила она.

— Ой, нет. Да ладно?

— Да.

— В любом случае, Шей, мне похер. Я пытаюсь развеселить Тайлер, а не тебя. И мне насрать, что ты при этом чувствуешь. А теперь я хочу услышать что-нибудь зажигательное. Музыка, под которую я смогу танцевать. Дамы, я офигенно талантливый танцор. И чертовски нуждаюсь в подходящей мелодии.

Холли уже нажимала на кнопки, выбирая нужную песню. Когда нашла то, что хотела, она подняла в нашу сторону большие пальцы и включила музыку. Uptown Funk. (*Примеч.: песня британского автора-исполнителя Марка Ронсона и американского певца Бруно Марса*).

— То, что нужно! — крикнул Джесс и провел пальцем по моему лицу. — Давай-ка избавимся от этого угрюмого выражения, Кексик.

Сначала мне показалось, что он не двигается. Я в замешательстве смотрела на Джесса, пока не увидела... нет, вернее, почувствовала это. Опустив взгляд вниз, я увидела, как он подергивает бедрами в такт музыке. Одновременно с этим он начал прищелкивать пальцами.

— О, мой Бог, — пробормотала я, теперь уже глядя в сторону. — Джесс, ты серьезно?

Джесс быстро переместился в поле моего зрения, не сбиваясь с ритма и двигаясь настолько синхронно с музыкой, что складывалось впечатление, будто он заранее репетировал. Его движения смотрелись до безобразия сексуально. Особенно когда она начал подпевать и покачивать бедрами, склоняясь ко мне своим полуголым блестящим телом.

О, Боже.

Он бешено вращал глазами и строил мне такие рожи, придавая важности своему лицу, что я не могла удержаться от смеха. Этот парень чокнутый. Я отпихнула его, толкнув в грудь, когда он слишком уж приблизился, но это, кажется, только добавило ему воодушевления. Обходя меня кругом, он сгреб в кулак мои волосы, одновременно приближая свои губы к моему уху.

— Я хочу развеселить *тебя*! — прорычал он.

Я снова оттолкнула его, но на этот раз он развернулся ко мне спиной и,

наклонившись вперед, исполнил своей задницей идеальный тверкинг. Я смущенно закрыла глаза и буквально взорвалась таким приступом хохота, что ребра заболели.

— О, Боже, ты сумасшедший! — выкрикнула я ему.

Джесс выпрямился, чувственным жестом провел ладонями по своему татуированному телу, после чего взял меня за руку и притянул к себе. Он продолжал шевелить губами, изображая пение, и сохранял все такое же важное выражение лица. Я уже была пунцовая от смеха, и даже сама удивилась тому, что начала непроизвольно покачиваться всем телом в ритме Джесса. Этот ублюдок заразил меня и запросто смог заставить забыть обо всем.

— А теперь улыбочку! — ободряюще крикнул он, обхватывая меня за бедра.

Джесс был прав.

Он до чертиков рассмешил меня.

Невероятно.

Я вовремя успела ухватиться за него руками — как раз тогда, когда он, поддерживая под спину, выгнул меня назад почти до пола. Я с благодарностью обняла его, и Джесс, обняв меня в ответ, оставил поцелуй на моей шее. После чего отстранился и перенаправил свои чувственные движения в адрес Холли и Шей. Девчонки растаяли, как эскимо на солнышке.

* * *

Парни вышли из комнаты заседаний через час. К этому времени помещение бара практически привели в порядок — только Джесс все еще возился с окнами. Когда они входили в дверь, я стояла рядом с ним и хохотала над тем, как он периодически подергивал бедрами в такт музыке, негромко играющей в зале.

Гектор выглядел дерьмово, Гас был в бешенстве, а Хоук... ну, был просто Хоуком. Он вошел в зал, быстро нашел меня глазами, после чего перевел свой взгляд на Джесса, отмечая, насколько близко тот ко мне стоит, как до сих пор покачивает бедрами, по-прежнему потный и раздетый до трусов.

— Дистанцию, — строго приказал Хоук, направляясь к дальнему столику. Он развалился на стуле, и к нему тут же поспешила Шей с пивом в руках.

— Гектор, малыш, — демонстративно заворковала Шей, обнимая сидящего на табурете Гектора, — я принесла тебе обезболивающее. Хочешь таблеточку?

Гектор стряхнул с себя ее руки и оттолкнул.

— Прекрати.

— Но я специально заходила в аптеку. Подожди, я принесу тебе пару таблеток...

— Как ты заебала, Шей! Мне нужно найти какое-нибудь гребаное убежище, где ты не сможешь СТОЯТЬ У МЕНЯ НАД ДУШОЙ!

Эй, эй, эй, потише.

Шей уронила руки и испуганно вытаращила глаза. Честно говоря, мне хотелось, чтобы она залепила ему пощечину за то, что он наорал на нее. Потому что, как бы нелепо не выглядела ее одержимость им, она всего лишь хотела помочь. Но вместо этого она с извиняющимся видом кивнула и ответила:

— Тебе больно, поэтому ты нуждаешься в пространстве, где можешь побыть один, — эта девчонка рядом с ним становилась совершенно безвольной.

Я поежилась, а Холли посмотрела на меня широко распахнутыми глазами — от ее улыбки не осталось и следа — и направилась обслуживать Гаса, только что рухнувшего на стул рядом с Хоуком.

— Кто-нибудь приготовит нам пожрать? — спросил Гас, глядя на меня. — Хотя бы яичницу с беконом. Поройтесь в холодильнике, дамы, и придумайте, что вы сможете нам приготовить. Кто-нибудь? Тайлер?

Я согласно кивнула.

— О, да. Просто изменю свое имя на «Половая тряпка» и буду счастлива помочь.

Джесс и Холли засмеялись, и Гас сердито посмотрел на меня.

— Тайлер, временами твой гребаный язык переходит все границы дозволенного.

— А я теперь должна себя контролировать в твоем присутствии?

— Я нихрена не шучу. Прекращай это, мать твою. Нам и без тебя хватает. На горизонте война с гребаным отморозком, который хочет сравнять клуб с землей, а тут еще ты встаешь, блядь, в позу! В ближайшее время сюда заявятся эти самонадеянные мудаки-тараканы и будут требовать еще денег. И не просто денег, а такую кучу, которая не пролезет в эту гребаную дверь! Как будто мы их рожаем, да? — он грохнул кулаком по столу.

Всем стало не до смеха.

— Я что-нибудь приготовлю, Гас, — ласково сказала ему Холли и поспешила к задней части бара, а следом за ней и Шей.

Я была убеждена, что они согласились бы и унитазы вычистить зубной щеткой, лишь бы убратъся подальше отсюда. Из-за внезапно возникшего напряжения, гневного высказывания Гаса и нечитаемого выражения лица Хоука, я обнаружила, что постепенно переместилась в более безопасное место — обратно к Джессу.

— Что я сказал о дистанции? — неожиданно спросил Хоук.

— Ну, ты просто сказал «дистанцию»... — еле слышно ответила я, прищурившись и разглядывая стену у него за головой. — Это слово можно по-разному истолковать.

Судя по виду, этот ответ его не впечатлил, и вся эта ситуация начала меня потихоньку подбешивать. Сегодня что, день нападок на Тайлер?

— Кажется, хм... пойду-ка я к девочкам на кухню, — я заставила себя сдвинуться с места, но тут раздался голос Хоука:

— Подойди сюда, Тайлер.

С пылающим от гнева лицом я направилась в его сторону, переводя взгляд с Хоука на Гаса в попытке понять, что, черт возьми, происходит. Дойдя до них, я остановилась в ожидании.

— Ты ни в чем не виновата, — мягко сказал Хоук. — Мы просто немного не в себе, вот Гас и бросается на всех, но на самом деле он имел в виду совсем не то, что сказал.

Мои плечи расслабились.

— Что случилось?

— Раз Абрам не отвечает на наши звонки, значит, он причастен к событиям прошлой ночи. Кроме того, мы должны подготовиться на случай очередного нападения, а это означает, что мы должны тратить деньги, которых у нас на самом деле нет, чтобы усилить безопасность и здесь, и на складе, если он решит устроить еще один обстрел. А еще нас будут прессовать тараканы, желая вытянуть еще больше денег. И этого будет достаточно, чтобы практически обескровить клуб.

Я посмотрела на Гектора. Он сидел не двигаясь, обхватив голову руками.

— Итак, — медленно протянула я, — как вы планируете решать вопрос с тараканами?

Хоук взял меня за руку и притянул к себе. Этот жест пробрал меня до самого сердца.

— Детка, наши дела могут стать совсем плохи.

Внезапно раздался скрип барного стула, и Гектор, соскользнув с него, с

силой пнул его назад. Стул упал, и Гектор, нагнувшись, поднял его, но лишь для того, чтобы снова отшвырнуть и понаблюдать за его громким падением. Потом, все еще не удовлетворенный результатом, он снова схватил стул и с силой начал долбить им по краю барной стойки, пока у несчастного предмета мебели не отлетело сиденье и он не раскололся. В итоге, стул превратился в кучу деревянных обломков, и Гектор смотрел на них так, словно они каким-то образом своим видом оскорбляли его.

— Круто, — сказал ему Гас.

— Это охуенно глупо, — прорычал, глядя на них, Гектор. — Хотелось бы, чтобы вы уже просто, блядь, сказали это! Я облажался. Я охуенно здесь налажал! Просто скажите это, мать вашу!

Никто не проронил ни слова.

Он скрипнул зубами.

— На хер все это, да? Во всем виноват я. Я устал, мужики! Мне осточертело это! Поэтому... пошло оно все на хер! — он выбежал из бара, оттолкнув Маршалла плечом, а я стояла и смотрела на разбросанные по полу обломки стула.

— Твою мать, — пробормотал Джесс себе под нос, привлекая мое внимание. — Ничего себе утро, да? Гектор слетел с катушек. Похоже, ему нужна полная промывка мозгов, иначе его не отпустит.

Гас вздохнул.

— Он казнит себя за все это. Гектор накручивает себя, и это его разрушает. Будет лучше просто дать ему немного побыть одному. Но мы должны решить, что делать дальше. Нам нужно больше денег, Хоук. Если ты знаешь способ... — его слова затихли.

Хоук не ответил. Судя по виду, он был где-то далеко, в своих мыслях, но по его лицу невозможно было ничего прочесть. На место Хоука вернулся привычный конспиратор. Такое чувство, будто мне снова тринадцать лет, и я, как и тогда, практически вижу, как вращаются шестеренки в его голове. Наши с Хоуком взгляды встретились, и он по выражению моего лица понял то, что я не решилась сказать вслух. Сейчас творился полный беспредел, и Хоук был необходим нам.

Он стиснул зубы и медленно вздохнул. Затем, притянув меня к себе на колени, обнял и поцеловал в затылок, не обращая внимания на то, что остальные парни смотрят на нас с удивлением.

Хоук ставил на мне свою метку.

— Вот черт! Гас не ошибся, — сказал Джесс через пару секунд, понизив голос и глядя в окно. — Парни, тараканы уже здесь. Только что подъехала машина, и из нее вылез этот урод Даггард. Как ты собираешься

поступить?

Словно не заметив этих слов, Хоук погладил мои руки своими ладонями, и я почувствовала его губы возле своего уха. Он шепнул всего одно слово, но от него у меня остановилось дыхание.

— Хорошо.

Затем он снял меня с коленей, встал и направился напрямик к двери.

— Парни, берите оружие, — приказал Хоук. — Мы не сдадим своих позиций.

— Что ты собираешься делать? — спросил Джесс — на этот раз встревоженно — когда Гас и Маршалл вытащили свои пушки.

Хоук схватил оставленную Гектором большую бутылку рома и зажигалку, после чего прорычал:

— Я собираюсь разобраться с этим раз и навсегда!

Глава 31

Тайлер

Едва Даггард подошел к двери, как она с грохотом распахнулась, и на улицу вышел Хоук. Парни последовали за ним, а я встала у окна, не зная, чего ожидать.

Увидев перед собой Хоука, Даггард, сбитый с толку, остановился, после чего сказал:

— Мне нужен Гектор...

— Нет! — рявкнул Хоук, хватая его за шею и отталкивая с такой силой, что тот упал на землю. — Тебе нужно еще денег, но ты их не получишь.

Даггард попытался отползти подальше, но безуспешно.

— Ты просишь нас прикрыть пять трупов! — прокричал он дрожащим голосом. — Это непростая работа, и она стоит дороже.

Не дав продолжить, Хоук наступил ему ботинком на грудь, открыл бутылку и начал выливать ее содержимое на офицерскую форму Даггарда. Второй коп вышел из машины, но не стал приближаться, а, подняв руки, закричал:

— Что ты делаешь? Оставь его! Мы приехали сюда просто договориться...

— Никаких переговоров! — выкрикнул Хоук. С убийственным выражением лица он сильнее вдавил свой ботинок в грудь Даггарда и указал на второго таракана. — Вы, блядь, воспользовались нашим гостеприимством, решив, что можете нами командовать, но хочешь узнать кое-что, ты, хренов мудак? Мы много лет вели запись того, как ты, урод, пытаешься выжать из наших карманов побольше денег. И теперь, блядь, мы сыграем на пару, ты, гребаный червяк. Сдай нас властям, и сам сядешь в тюрьму вместе с нами, но тогда уже мы не будем такими добренькими.

— Это же просто бизнес!

— Это вымогательство!

Таракан согласился, крича, что Хоук прав и что они не будут просить доплаты. Но Хоук его не слушал. Он продолжал поливать ромом корчившегося под его ногой Даггарда.

— Нет, — сказал Хоук, и в его голосе появились мрачные нотки, — вы из тех людей, которые не соглашаются, если им не преподать наглядного

урока. Вы именно такие. Вы прессуете и, блядь, будете продолжать ПРЕССОВАТЬ! — после чего наклонился и чиркнул зажигалкой.

Форма Даггарда мгновенно вспыхнула, и он истерически завопил. А Хоук просто развернулся и вошел в клуб, бросив по пути зажигалку на барную стойку. Я в шоке уставилась на него, и он бросил на меня жуткий, полный решимости взгляд.

— Говоришь, ты хочешь, чтобы я вернулся, — медленно начал он, его голос стал мрачным, — тогда с подобным придется мириться, детка. И не говори, что я тебя не предупреждал.

* * *

Даггард не пострадал. С помощью напарника он сбросил с себя горящую одежду и забрался в машину. Они быстро убрались подальше отсюда, и на территории «Военных Баронов» воцарилось гробовое молчание.

Все понимали, что сделал Хоук.

Он вызвал *страх*.

А страх, как он учил меня, — это власть.

И страх этот передался даже мне. Я снова боялась Хоука и того, на что он способен. Я знала, что он никогда не причинял и не причинит мне боли, но все же. Этот парень готов идти до конца и не остановится ни перед чем. Гектор на такое не был способен.

— Я говорил тебе, что это случится, — мрачно сказал Хоук. — Что мне придется действовать не самым лучшим образом, чтобы вернуть себе место лидера. Это единственный возможный способ.

— Как долго? — спросила я.

— Столько, сколько потребуется.

На Даггарде Хоук в этом деле не остановился. На следующий день они с парнями нанесли визит таракану и всем его приспешникам — на этот раз, чтобы пересмотреть условия договора. На протяжении всех этих лет они постоянно менялись — тараканы выкачивали из клуба убийственную сумму денег — и Хоука это не устраивало.

Я не знаю, что он там сделал, но парни вернулись со слегка зеленоватым видом, тогда как лицо Хоука было, как обычно, каменным. Однако, то, что он сделал, дало свои результаты, и тараканы выполнили свою часть сделки — скорее всего, по принуждению, нежели добровольно.

Теперь новости звучали так: пятеро «пьяных» придурков (по

счастливой случайности все с криминальным прошлым) были убиты при попытке угнать автомобиль. Услышав это, я закрыла лицо руками. Угон, в результате которого пять трупов и сгоревшая машина? Эти копы-взяточники не могли хотя бы *попытаться* придумать что-нибудь получше? Но дело в конечном итоге замяли. Когда сюжет прекратили показывать в криминальной хронике, через пару недель эта новость потеряла свою актуальность.

А, те убийства... Да просто кучка безбашенных сопляков, решивших изобразить из себя крутых, но, в итоге, поплатившихся за это собственными головами. Ничего особенного.

Мне снова и снова вспоминалось предупреждение Хоука тогда, в машине. До сих пор я почти не придавала значения его словам.

— *Думаю, ты вряд ли понимаешь, Тай, каким бы я стал, если бы вернулся, — сказал он тогда. — На этот раз тебе не захотелось бы видеть меня президентом.*

— *Почему?*

— *Мне пришлось бы стать беспощадным и принимать меры — насильственные меры — чтобы не допустить среди нас предательства.*

— *Я понимаю.*

— *Нет... не понимаешь.*

Он был прав. Я не понимала. После этих событий все резко изменилось.

Изменился клуб.

Изменилась я.

Хоук вернул себе контроль над территорией, и Норвич снова превратился в дикий запад.

Глава 32

Тайлер

Хоук терзал меня, не переставая. Я кончала, наверное, безостановочно. Он втянул губами мой клитор, и я, с силой сжав в кулаках его волосы, с воем буквально взорвалась изнутри. Все тело сотрясилось дрожью.

Поцелуями он проложил дорожку по моему животу и груди, затем обратно к моим измученным губам — распухшим, искусанным и, кажется, уже онемевшим к тому моменту, когда он снова безжалостно обрушился на них своим ртом.

Хоук устроился между моих ног и в очередной раз вошел в меня. Он двигался медленно, ленивыми толчками входя и медленно выходя из меня — видно, сказывалась усталость. Хотя член его каким-то образом снова был твердым. Последние шесть часов он, как будто по команде, выключал и снова включал его, трахая меня всю ночь. Хоук кончил трижды. А я... сбилась со счета.

Он стонал и рычал.

Говорил, какая я красивая. Что благодаря мне он чувствует себя самым собой.

Я поняла, что слова эти произносились неосознанно.

Как будто ему нужно было до смерти себя затрахать, чтобы избавиться от какой-то внутренней тьмы, и, находясь во мне, он чувствовал облегчение. Возможно, я помогала всему плохому исчезнуть.

Я поняла единственное — это определенный ритуал, к которому мне придется привыкнуть. Каждый раз, когда он совершит что-то плохое — в данном случае это поджог человека и визит к тем парням, после которого половина членов клуба вернулась с зелеными лицами — ему просто необходимо будет оказаться во мне. И вся моя жизнь в течение многих месяцев будет подчинена этой аксиоме, пока Хоук не восстановит права клуба и не заявит об этом на весь город.

Его потное тело двигалось на мне. В комнате не развеивался густой запах нашего секса. Понятия не имею, как ему удавалось делать это снова и снова, но мое тело выгнулось под ним, и я непроизвольно застонала, когда Хоук довел меня до очередного оргазма. Ему нравились мои стоны. Нравилось, как я сжималась вокруг него, потому что, издав гортанный рык, он начал трахать меня жестче, вколачиваясь так, что гребаное изголовье

кровати громко ударялось о стену. А потом он кончил, излив в меня свой очередной оргазм.

С отяжелевшими веками, ловя воздух широко открытым, пересохшим ртом, я, словно сквозь туманную пелену, наблюдала за проникающими в комнату первыми лучами утреннего солнца.

* * *

После всего произошедшего мне всю неделю было запрещено ходить на работу. Хоук был непреклонен. Я должна оставаться в клубе, потому что за его пределами по-прежнему был тот, кто стоял за нападением. И, кем бы он ни был, я должна находиться под присмотром, пока все не прояснится. Не знаю, как долго это будет продолжаться, но я была не настолько глупа, чтобы идти против его приказа.

Таковы правила. Я усвоила их много лет назад.

Следующее утро после разборок с полицейскими выдалось напряженным. Большинство парней собралось в комнате для совещаний, совершая необходимые телефонные звонки. Один из них был Абраму, и его возмущенный громкий голос было слышно даже за пределами комнаты.

— Ты гребаный идиот! С какого хера я стал бы посылать своих людей на твою территорию? — в пяти метрах от двери Холли испуганно вздрогнула от его злобных выкриков. — Если бы я хотел вас убить, вы давно уже были бы покойниками. Я тебе не трусливый осел, чтобы расстреливать из-за угла твое крысиное гнездо. Это оскорбление. Ты ни хрена не разобрался, но оскорбляешь меня своими подозрениями. Не смей больше обвинять меня в этом, иначе я на самом деле сотворю какую-нибудь херню!

Ничего себе.

Хоук вышел из комнаты для совещаний с задумчивым видом, тогда как Гас был в бешенстве и выкрикивал в адрес Абрама обвинения во лжи.

— Он не делал этого, — просто сказал Хоук, затыкая ему рот.

Явно не согласный, Гас покраснел от гнева.

— Это он, Хоук, и самое правильное сейчас — это наведаться в гости к этому мудаку и преподать ему хороший урок.

Джонни и Маршалл с согласным видом кивнули головами, но Хоук ничего на это не ответил. Он сел в дальнем конце бара — шестеренки в его голове снова завращались. Затем он перевел взгляд на меня, и что-то в выражении его лица пробудило во мне необъяснимую тревогу.

Что-то здесь было не так.
Я чувствовала это нутром.
Хоук чего-то мне не договаривал.

Глава 33

Хоук

После той заварухи с пятью трупами прошла неделя. И четыре дня с того момента, как тараканы сбежали отсюда, поджав хвосты. Сегодня Хоук получил сообщение от Боргена.

Б.: Ты не вернешься, да?

Хоук долго смотрел на текст, но оставил его без ответа. Все произошло так внезапно. Он чувствовал себя словно на распутье, где должен был выбрать между Боргеном и своим клубом.

Он не выбрал ни того, ни другого.

В конце концов все сводилось к Тайлер. Он отчаянно хотел ее в своей постели. Она вызывала у него такие чувства... Не какое-то одно конкретное, а целую гамму эмоций. Хоуку в голову никогда не приходило, что он может испытывать подобное. В добавок ко всему, без него жизнь клуба скатилась под откос. А он бы мог навести здесь порядок, дав пинка под зад всем лохам и вернув в семью преданных людей. Он запретил бы здесь наркотики, навешал бы повсюду гребаных камер, а потом ввел бы единые для всех правила — Господи, да это место нуждается в гребаной дисциплине, как ни одно другое!

Он показал бы всем, что эта жизнь — гораздо большее, чем вечеринки, попойки и бесконечный трах.

Эта мысль давала ему цель.

— У меня словно огромный камень с души свалился, — сказал Гектор, узнав, что его брат возвращает себе свои полномочия. Он пришел к нему в комнату совещаний.

Хоук сидел один во главе стола из красного дерева, просматривая бухгалтерские книги и изучая доходы клуба. Он поднял взгляд на Гектора, который положил перед ним свой жилет, возвращая его законному владельцу, но Хоук даже не взглянул. Все его внимание было приковано к младшему брату. Встретившись с Хоуком взглядом, тот с трудом сглотнул. Сегодня Гектор был трезв и выглядел абсолютно дерьмово, но Хоук решил, что это даже хорошо. Чтобы измениться к лучшему, нужно ощутить себя полным дерьмом.

— Я никогда не хотел этого титула, — тихо сказал Гектор, глядя на свою порезанную руку. — Мне известно, о чем они говорят уже много лет. Ходили слухи, что я продал тебя или сделал что-то не менее дерьмовое, но это не пошло мне на пользу — я стал эгоистичным мудаком, пытающимся утереть тебе нос. Но не потому, что я украл этот пост у тебя или что-то в этом роде, а потому, что пытался быть лучше тебя, хотя знаю, что мне этого не дано. И никогда дано не будет. Но, черт возьми, Хоук, я никогда бы не отдал тараканам то видео. Я никогда не хотел избавиться от тебя ради этой идиотской нашивки на спине. Я искал виновного много лет, но так и не смог найти. Знаю, это не аргумент, но... я даю тебе слово.

Хоук отложил бухгалтерские книги.

— Гектор, почему ты именно сейчас об этом говоришь?

— Потому что это не дает мне покоя уже много лет. Думаю, где-то в глубине души мне хотелось, чтобы ты так думал. Ну, типа, я такой безжалостный, что смог так с тобой поступить. Чтобы ты перестал считать меня бесхребетным.

— Я никогда даже на секунду не думал на тебя, — ответил Хоук совершенно серьезно. — Ты слишком меня любишь, хотя и не признаешь этого.

Гектор поморщился.

— Ну да, конечно. В данный момент я загнал тебя в дерьмовое положение. Какая уж тут любовь!

— Все не так уж плохо.

— Мы практически обескровлены, — Гектор указал на книги. — Такими темпами мы долго не протянем.

Хоук медленно покачал головой.

— Это не совсем так.

— Что ты имеешь в виду?

— Тайлер.

Гектор замер, а потом с протяжным вздохом сел на ближайший стул.

— Я думал, этого не должно произойти, — сказал он с недоумением.

— Через неделю ей исполнится двадцать один.

— Но она нихера не знает, а мы даже представления не имеем, как добраться до этого счета.

— Люди Бордена работают над этим.

С тяжелым вздохом Гектор покачал головой.

— Мы не можем рассказать ей правду, Хоук. Это разобьет ей сердце.

— И что я должен делать?

— Соврать. Сделай так, чтобы это не прозвучало так жестоко.

— Я больше не могу врать, Гектор.

— Тогда она перестанет смотреть на тебя так, как сейчас. Она чертовски сильно возненавидит тебя, мужик.

Хоук поскреб зубами нижнюю губу, пытаясь подавить нарастающую в душе панику. Разве у него есть другой выход? Он хочет ее, но не желает, чтобы между ними были секреты.

— Значит, пусть возненавидит меня, — сказал он поникшим голосом. — Но она моя, и я не отпущу ее. Наварро всегда получают то, чего хотят, а я хочу Тайлер, и мне плевать, что может произойти.

А потом он взял телефон и написал ответ Бордену.

Х.: Нет, я не вернусь.

* * *

Они вооружили клуб, установили камеры и организовали круглосуточную охрану. С того случая больше не было попыток нападения, а на улицах не было слышно ни слова о том, кто мог за этим стоять, хотя Хоук подключил все имеющиеся связи и вытянул из людей все, что они знали, в надежде найти хоть какую-то зацепку, потому что Абраму не было никакого смысла устраивать такое.

Несколько дней Хоук собирался с мыслями, чтобы поговорить с Тайлер. На душе у него скребли кошки, потому что утро было прекрасное, и она мирно спала в постели, выставив задницу на его обозрение.

Сколько раз он трахал ее?

Очень много.

Его член словно не уставал.

Когда их тела переплетались, мир, казалось, переставал существовать. Это был идеальный способ сдерживать его внутреннего монстра. Но с момента разговора с Гектором Хоук не прикасался к ней. Он держал дистанцию, изначально чувствуя вину за то, что всего лишь прикоснется к ней. Это казалось ему окончательным предательством.

Он не знал, как это произошло и что им в тот момент двигало, но в итоге он оказался стоящим перед зеркалом и отрезающим свою бороду. Твою мать, да он зарос, как черт. Хоук не стал сбривать ее совсем, но подстриг так, что она стала длиной всего несколько сантиметров. Затем он завязал волосы в хвост и, вернувшись в кровать, легонько потряс Тайлер, чтобы разбудить.

— Эй, — шепнул он и, не в силах удержаться, нежно погладил это прекрасное лицо.

Тайлер медленно открыла глаза, несколько раз моргнула и, увидев его, замерла. На ее лице отразился шок, но больше было недоумения, словно она не понимала, на кого сейчас смотрит.

— Хоук? — недоверчиво пробормотала она.

Губы Хоука изогнулись в улыбке.

— Тебе потрясающе идет растерянный и смущенный вид.

— А ты выглядишь, как Кхал Дрого, только без подводки на глазах, — ответила она, и тут же потянулась рукой к его лицу. *(Примеч.: Кхал Дрого — персонаж серии романов «Песнь льда и пламени», воплощенный на экране актером Джейсоном Момоа).*

— Это очередной литературный персонаж?

Тайлер поперхнулась от смеха.

— Да, конечно.

— Я решил, что мне пора привести себя в порядок.

— В порядок? Господи, Хоук, я теперь могу видеть *столько* тебя. Я просто... вау.

Ему нравилось, как ее грудь начинала вздыматься чаще при одном только взгляде на него. Этот ее гребаный взгляд... Господи, разве он может когда-нибудь надоесть? Хоук взял ее за руку, нежно коснулся губами ладони и сказал:

— Думаю, мы можем прокатиться. Я хочу тебя на заднем сиденье моего байка, Тайлер. Очень этого хочу.

Ее щеки покраснели, и она лучезарно улыбнулась ему.

— Я тоже этого хочу.

Он попытался улыбнуться в ответ, но внутренний монстр, извивающийся в груди, заставил Хоука напрячься и отвести взгляд.

— Я буду ждать тебя внизу, — сказал он, убирая ее руку от своего лица, а потом встал и вышел из комнаты, не в силах избавиться от переполняющего его чувства страха.

Не пройдет и нескольких часов, как мир Тайлер будет разрушен.

Глава 34

Хоук

Твою мать, и почему сегодня утром она выглядит особенно сексуально? Хоук мысленно застонал и, запрокинув голову, устремил взгляд в небо, чтобы только не смотреть на девушку, которая только что вышла из клуба: в коротеньких шортах и белой облегающей майке. И еще с этой улыбкой на лице — такой ослепительно-ангельской.

Неужели он сможет это сделать?

Может быть, есть другой способ спасти клуб?

В душе начали зарождаться сомнения, особенно когда она, надев на голову шлем, запрыгнула на байк позади Хоука и обхватила его своими изящными руками. На какое-то мгновение он сжал ее ладонь, а потом завел мотоцикл и, выехав со стоянки, направил его к дороге. Опустив голову ему на спину, Тайлер тесно прижалась к нему бедрами. Как же приятно ощущать рядом с собой ее тело. Хоук пересекал улицу за улицей, мчась все дальше — очень далеко.

Ему не нужны свидетели.

Он должен все рассказать ей.

Другого выхода нет.

* * *

Они остановились позавтракать в небольшом уютном заведении. Хоук постоянно оглядывался по сторонам, всматриваясь в каждого входящего и выходящего человека, ни на минуту не позволяя себе потерять бдительность.

— Ты должен заказать себе клубничный молочный коктейль, — сказала Тайлер, когда они закончили есть. — Раньше ты всегда его брал.

Он усмехнулся.

— Время от времени я и сейчас себе его позволяю.

— Ага, в конце концов, ты будешь похож на гризли, поедающего ягоды.

В итоге Хоук так и не заказал себе коктейль, но Тайлер взяла. А потом сделала эту глупость — достала телефон и сфотографировала свой

коктейль. Хоук никогда не понимал, зачем люди это делают, но у Тайлер это выглядело так мило... Поэтому какая разница? Хоук наблюдал, как она расправляется со своим десертом и чувствовал в груди невыносимую тяжесть. Интересно, у Бордена было так же? Он просто узнал, что эта девушка его по тому, как сжималось сердце? Может, это просто какое-то долбаное сердечное заболевание или что-то в этом роде? Ага, больше смахивает на *Синдром Золотой Киски Тайлер*.

Она перехватила его пристальный взгляд и застенчиво улыбнулась.

— У тебя такой взгляд, Хоук.

— У меня какой-то взгляд?

— Да, и он приводит меня в замешательство.

Сейчас она на себе испытывала то, что чувствовал он сам, и Хоук даже попытался улыбнуться, но из этого ничего не вышло. Его проклятые губы словно онемели, и Хоук просто продолжил смотреть на нее. Возможно, все *тем же взглядом*.

Она покраснела и, опустив взгляд на коктейль, сосредоточенно перемешивала его трубочкой, делая вид, что его обжигающий взгляд не производит на нее никакого эффекта.

— Ты мне нравишься, Тайлер, — неожиданно сказал Хоук тихим голосом. — Ты действительно чертовски сильно мне нравишься.

*Чертов трус. Это не то, что ты на самом деле чувствуешь. Потому что в действительности ты чертовски сильно любишь ее. Ты **любишь** ее.*

Тайлер облизала губы и серьезно кивнула в ответ.

— Ты тоже чертовски сильно, по-настоящему мне нравишься, Хоук.

Да, она тоже его любит.

* * *

Спустя какое-то время они уже снова были в пути. Погода была просто шикарная, так что невозможно было отказать себе в приятной прогулке по городу. Но, положив руку на сердце, Хоук делал это, желая немного оттянуть неизбежное. Наконец он привез ее к небольшому ручью на опушке леса в тихом безлюдном местечке за городом. Заглушив двигатель, они слезли с мотоцикла и подошли к воде. Тайлер разулась и опустила ноги в ручей, а Хоук сел на зеленую траву недалеко от края — в такую жару он комфортнее чувствовал себя в тени деревьев. Между тем, Тайлер искала прохлады у ручья, сидя под палящим солнцем, отчего ее кожа покраснелась, а темные волосы буквально сияли.

— Надо приехать сюда с парнями, — задумчиво заметила она. — Неплохое место для барбекю.

Хоук рассеянно кивнул, погруженный в созерцание ее красоты и в собственную тяжесть на сердце. А потом Тайлер подошла, с сексуальной улыбкой сбросила с себя майку и плюхнулась на колени к Хоуку, обняв его за шею. Прежде чем он успел сообразить, она поцеловала его, и Хоук инстинктивно обнял ее, притягивая ближе к себе.

Блядь.

Все должно было пойти не так.

Тайлер разорвала поцелуй и подняла голову, подставляя ему свою шею. Хоук поцеловал ее, зная, как ей нравится, когда он посасывает и покусывает ее кожу. Ее дыхание стало учащенным и прерывистым, бедра задрожали.

— Сними с меня лифчик, — нетерпеливо приказала она.

Но Хоук, стянув вниз бретели, уже присосался ртом к ее напряженному маленькому соску. Она застонала и прижала ладони к его лицу, не позволяя отстраниться.

— Хоук, — простонала она, раскачивая бедра взад-вперед, — как хорошо.

Он зарычал, почувствовав через джинсы прикосновение ее руки к своему члену. Он был уже чертовски твердым. А чему удивляться? Каждый их с Тайлер сексуальный опыт оказывался лучше предыдущего, поэтому не требовалось много времени, чтобы у него встал.

— Черт, Тайлер, — пробормотал он, проводя ладонями по ее телу и отстраняясь, чтобы взглянуть на ее вздымающуюся и опадающую грудь. — Проклятье.

Хоук был не в себе. Он пытался уговорить свое тело не следовать желаниям, но было уже поздно. Тайлер обладала способностью затуманивать его рассудок и притуплять чувство ненависти к самому себе, ведь он вбил себе в голову, что она может быть с ним. И вот сейчас она сидит у него на коленях — с голой грудью и покрасневшимся лицом — а его член твердый, как камень. Но он не может себя заставить сделать это, а в голове вертится одна только мысль: *«Господи, какого хера ты творишь? Расскажи ей все, как было. Мать твою, она имеет право знать»*. Он закрыл глаза и замер без движения.

— Хоук, — неуверенно прошептала она. — С тобой все в порядке?

Он покачал головой.

— Нет, Тайлер. Не в порядке.

— Что не так?

Он открыл глаза и, избегая встречаться с ней взглядом, подтянул лямки ее бюстгальтера, возвращая его на место.

— Я должен кое-что тебе сказать, — наконец, произнес он, поднимая с земли и передавая ей майку. Тайлер прижала ее к груди, смущенно глядя на него.

Воцарилась тишина.

Он же не сделает этого, да?

— Хоук, — настойчиво повторила она, — это что-то плохое.

— Да, — ответил он.

— Насколько плохое?

— Очень плохое.

— Это имеет какое-то отношение ко мне?

Хоук поскреб зубами нижнюю губу.

— Это полностью касается тебя.

Ее поведение полностью переменялось. Похоть в глазах сменилась страхом, и Хоук увидел, как задрожали ее пальцы, сжимающие майку. Секунды таяли, а она не произносила ни слова.

После этого ничто уже не будет прежним.

— Я солгал тебе, — наконец, сказал Хоук, чувствуя, как заходится его сердце. — О Юрии. Думаю, я знаю, почему он хотел заполучить тебя, и это не из-за твоей внешности.

Ее глаза округлились. Она по-прежнему молчала, и из-за этого все становилось еще труднее.

— У тебя есть деньги, — продолжил он. — Охеренная куча денег, спрятанных на секретном счете, доступ к которому ты сможешь получить в свой двадцать первый день рождения.

Тайлер нахмурилась, сбита с толку.

— О чем ты говоришь? Почему я об этом не знаю?

— В клубе об этом знает только Гектор и еще... Борден.

— Почему?

Вот теперь начиналось самое трудное. Эта часть разговора разобьет ей сердце.

— Это деньги клуба, — выдохнул Хоук, грудь словно сдавило тисками. — Миллионы долларов, украденные и положенные на твое имя. Нам стало известно об этом счете. Мы знаем о его существовании и о том, что получить эти деньги можешь только ты, но нам неизвестно ни где они, ни как связаться с ответственным лицом банка. Банковская система, работающая на мафию, а не на простых смертных, это очень преступный бизнес.

С поникшим лицом Тайлер еще сильнее прижала майку к груди.

— Теперь я вообще ничего не понимаю, Хоук. Почему деньги клуба лежат на каком-то счету, который открыт на мое имя.

— Твой отец украл их. И собирался с ними сбежать.

Тайлер застыла. В одно мгновение он увидел у нее целую гамму эмоций: замешательство, недоверие, гнев.

— Этого не может быть, — ответила она. — Зачем отцу красть у нас деньги? Он не стал бы. Ты ошибаешься...

— Он сам сказал мне, — серьезным голосом прервал ее Хоук. — Перед смертью он беспрестанно повторял, что сделал это. Почему, ты думаешь, нам приходится так хитрить и изворачиваться? Мы в долгах, детка. Дела совсем плохи, и нам нужны эти деньги, чтобы мы могли все выплатить и поправить дела клуба.

С бледным лицом и дрожащими губами она отвернулась, соскользнула с его коленей и, отодвинувшись в сторону, вцепилась руками в траву.

— Этого не может быть, — прошептала она. — Отец никогда бы не сбежал. Он никогда не стал бы красть у клуба. Этого просто не может быть. Ты обманываешь меня, — ее голос сорвался. — Пожалуйста, скажи, что ты обманываешь меня.

— Я не обманываю тебя.

Слезы потекли по ее щекам, когда она с ужасом посмотрела на него.

— Почему он сказал это тебе? Зачем ему было воровать, Хоук?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь?!

— Нет, детка, я не знаю.

Ее дыхание участилось.

— Ты... ты убил его?

— Нет, я нашел его истекающим кровью в номере мотеля. Он не сказал мне, кто его убил. Он был при смерти и едва ли уже что-то понимал.

«Не доверяй». Старик повторял это снова и снова. «Не доверяй».

— Незадолго до этого он вел себя довольно странно, — тихо пояснил Хоук, — и затем, когда однажды ночью он без предупреждения исчез, я обнаружил, что наши счета пусты. Я узнал, где его искать, потому что он был с одной из своих любимых девчонок.

Дэннис никогда не мог устоять перед красивой женщиной.

— Почему ты не рассказал мне? — бросила ему Тайлер переполненные гневом слова. — Почему ты не рассказал мне, Хоук? Ты скрывал это от меня и от клуба *столько лет!*

Хоук прищурился.

— Ты представляешь себе, какая охеренная буча поднялась бы, скажи я клубу, что твой старик обчистил нас до нитки? Ты можешь себе представить, до какой степени у них может снести крышу от злости? Ничто не остановило бы Джонни, или ненормального Кирка, или Маршалла от того, чтобы вломиться к вам домой и убить тебя и твою мать за его преступление. Я скрыл это от них, чтобы *защитить* тебя. Потому что, если ты не заметила, Тайлер, нам, блядь, закон не писан, и некоторые из нас — полные отморозки.

— Поэтому ты до сих пор скрывал это!

— А какой, блядь, у меня был выбор?!

Тайлер даже подскочила, испуганная его громким криком. У Хоука вытянулось лицо, и он тут же пожалел, что наорал на нее.

— Тайлер, — с раскаянием в голосе сказал он. — Прости.

Она вздрогнула и прижала руки к груди, словно ощущала физическую боль. Все эти годы она восхищалась своим отцом, и Хоуку не хватало духа рассказать ей о том, что он сделал.

— Этого не может быть, — повторила она дрогнувшим голосом. — Зачем ему класть деньги на мое имя? Какая, черт возьми, в этом логика, Хоук?

— У него были деньги на собственном счету — достаточно, чтобы долгое время быть в бегах. Нам удалось вернуть их. Я думаю, остальную часть он положил их на твоё имя на тот случай, если его убьют. Просто чтобы быть уверенным, что ты останешься обеспеченной.

Она покачала головой.

— Нет, этого не может быть.

— Тайлер...

— Это не так! — выкрикнула она. — Все это время я думала, что ты знаешь его! А ты ни черта не знаешь о моем отце, Хоук!

С болью в сердце он покачал головой и грустно ответил:

— Детка, не думаю, что ты сама его знала.

Она задохнулась от рыданий и, встав на ноги, пошатываясь, побрела от него прочь. Тайлер бесцельно шагала босыми ногами по кромке ручья, вцепившись руками себе в волосы и рыдая. Она всхлипывала, задыхалась, и Хоук не мог сидеть и просто смотреть на нее. Ему хотелось сделать что-нибудь. Что-то, из-за чего ей стало бы лучше. Он поднялся и направился к ней. Медленно приблизился сзади и обхватил ее своими руками. Тайлер тут же завизжала, выкрикивая, чтобы он отпустил ее. Хоук опустил руки, но она развернулась и оттолкнула его. На смену слезам пришел гнев.

— Мать твою, я ненавижу тебя, — взорвалась она, ударяя его в грудь.

— Я пиздец как ненавижу тебя за это!

Хоук просто кивнул.

— Я знаю.

— Нет, ты нихрена не знаешь!

— Я знаю, ты ищешь, на кого выплеснуть свою ненависть.

— Пошел ты! — закричала она, продолжая отталкивать его, словно боролась с ним, хотя Хоук и не думал сопротивляться. Он просто стоял, принимая ее удары и агрессивные выкрики, потому что понимал — сейчас ей это необходимо. — Я доверяла тебе! — не унималась она. — Я, блядь, доверяла тебе!

Хоук не знал, обращалась ли она сейчас к нему или к своему отцу.

— Ненавижу тебя-я-я, — с громким плачем простонала она. — Все это время? Все это время ты знал и даже не сказал мне!

— Ненависть твоя не продлится долго, — тихо сказал Хоук, когда Тайлер немного отошла. Она прищурила глаза — в них бушевала ярость. — Но ты вернешься ко мне, когда поймешь, что в этой ситуации злодей не я. И я буду ждать.

— Пошел ты, — ответила она. — Я ненавижу тебя.

— Да, дорогуша, естественно, ненавидишь.

Это еще больше разозлило ее, и Тайлер снова налетела на Хоука, колотя его руками по груди и крича еще сильнее о своей ненависти. О том, что он монстр и убийца.

— Но ты и так это знала, — спокойно ответил он. — Ты знала, что я именно такой, но все равно хотела меня.

Когда его слова проникли в ее сознание, Тайлер всхлипнула и затихла. По ее глазам он понял, что был прав. Она сдалась, и на смену недавней ярости вернулась скорбь.

Тайлер отошла от него, но, не сделав и пяти шагов, рухнула на землю и закрыла лицо руками.

Глава 35

Тайлер

Я столько лет страдала по Хоуку, больше всего на свете желая только одного — чтобы он вернулся. И вот теперь я яростно хотела, чтобы он исчез.

На обратном пути я едва прикасалась к нему. Лучше уж свалиться с мотоцикла на крутом повороте, чем притронуться к его телу.

А еще мне было ненавистно, что я по-прежнему хотела его.

Весь этот день был спланирован ради того, чтобы рассказать мне правду. Он увез меня из клуба, чтобы я, потеряв голову, не выдала бы потом эту информацию всем остальным. И это было правильно, потому что я понимала: новость о том, что мой старик совершил нечто настолько ужасное, вызвала бы разброд среди старейших членов клуба, ведь они до сих пор относились к нему с почтением.

Даже теперь я хотела защитить его имя.

Насколько прискорбно это оказалось для меня?

Если бы не торговля наркотиками, отец погубил бы клуб, втоптал бы в грязь имя «Военных Баронов», а я все еще хотела защитить его?

Как и Хоук. Я ненавидела его за то, что он скрывал от меня все это, но на самом деле не хотела, чтобы он уходил. Я просто разозлилась. Реально очень сильно разозлилась. И день за днем продолжала держаться за эту злость, избегая его прикосновений и совсем не разговаривая с ним. Разве что просила убираться вон, когда он устраивался спать рядом со мной. Но он ни разу не ушел. Просто ложился в постель, обнимал меня и прижимал к своей груди.

— На самом деле ты не хочешь, чтобы я уходил, — прошептал он однажды, целуя мое обнаженное плечо. — Ты хочешь, чтобы я был здесь.

— Нет, не хочу, — выпалила я со злостью.

— Хочешь. И знаешь, откуда *мне* это известно? — он втянул губами кожу на моей шее. — Потому что ты по-прежнему смотришь на меня *этим* своим взглядом, Тайлер.

Я сглотнула ком, пытаясь не поддаваться теплу, возникшему в груди от его прикосновений.

— Знаю, это больно, — продолжил он, и его голос смягчился. — И ты можешь отталкивать меня столько, сколько захочешь, но я знаю, что нужен

тебе так же, как и ты нужна мне. В данный момент я бросил все, чтобы быть здесь. Закон никто не отменял, и я рискую своей шеей только ради того, чтобы ты была в моей постели. Но я хочу тебя, Тайлер. Черт, я до боли хочу тебя.

Он был прав, но я не была готова признаться в этом, поэтому просто слушала. И продолжала противиться его прикосновениям, но это только подстегивало Хоука не сдаваться. В глубине души мне не хотелось, чтобы он отступил.

Я должна была взглянуть на ситуацию его глазами. Насколько тяжело ему было сказать мне об этом. А я находилась во власти гнева и желала выместить его на Хоуке, обвиняя его. Хотя на самом деле это ведь мой отец предал всех нас. Однако я изо всех сил отказывалась соглашаться с этим. Мой отец был так горячо привязан к этому клубу. Он был так счастлив, так активно включен в эту жизнь. Я много думала об этом. Может, были какие-то знаки, которые я упустила? Может, он вел себя как-то не так? Может, его что-то разозлило? Я не могла вспомнить ничего необычного.

В конце концов, мне пришлось заставить себя смириться с тем фактом, что мой отец был совсем не тем, кем я всегда его считала.

Хоук

Уже семь дней, как она отталкивала его. Как долго это будет продолжаться? Все свое разочарование она сосредоточила на нем, а не на Гекторе. Как этот мудак не попал в поле действия ее радара, для Хоука оставалось загадкой.

Хоук понимал, что все это бесит и разочаровывает ее. Черт, сколько времени прошло с тех пор, как Дэннис умер у него на руках, но... блядь, он никогда представить себе не мог, что будет испытывать такое опустошение, когда его отталкивают каждую ночь.

Почему люди хотят отношений, когда вместе с ними в жизни начинается полная фигня? Можно было легко избавиться себя от проблем и вести одиночную игру, просто трахаясь и не заботясь о благосклонности той дырки, в которую вставляешь свой член. Да, эта мысль возникла у него на целых две секунды, но потом исчезла так же быстро, потому что... да, он чертовски сильно хотел ее. И не важно, что в данный момент вся власть была в ее руках. Каждый раз, когда Хоук обнимал ее, по его венам растекалось такое блаженство, ради которого можно стерпеть что угодно.

В течение дня он не нарушал ее личного пространства. Хоук не мог рисковать и разрешить ей выйти на работу, поэтому Тайлер околачивалась в

клубе и проводила большую часть времени в обществе Холли и Шей, всячески избегая его.

Между тем, он не терял времени даром и превратил клуб в настоящую крепость. Он заключил сделки и возобновил связи с теми, кто очень долгое время оставался не у дел. Далее он собирался проверить каждого имеющего нашивку клуба и определить, так ли уж необходима их роль здесь. Потому что, черт возьми, среди членов клуба было слишком много таких, кто не делал ничего, но претендовал на деньги, чтобы обеспечивать свой образ жизни за пределами этих стен. И это бесило Хоука больше всего.

И центральное место среди них занимал Гектор, который все еще приходил в себя и старался воздерживаться от выпивки, и Хоук понимал, что это требовало от него серьезных усилий. Но он изменился, и без алкоголя его приступы бешенства стали возникать вдвое реже.

— Вместо того, чтобы ждать, пока она привыкнет к этому, может быть, тебе стоит увезти ее отсюда, — сказал он Хоуку, когда они стояли перед зданием клуба и наблюдали, как Джонни и Джесс устанавливают на окна дополнительные решетки.

Хоук усмехнулся.

— Тайлер не позволяет мне приблизиться к ней даже на шаг.

— Через неделю у нее день рождения. Свози ее к маме. Каждый раз, когда я ездил туда, она с удовольствием бывала у нее. Может, после этого она оттаит.

— Мама может рассказать ей только о том, среди какого дерьма я рос.

Гектор ухмыльнулся.

— Возможно.

— Гребаные женщины, Гектор.

Брат покачал головой.

— Да, вот поэтому я и не влюбляюсь, мужик. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на боль.

Хоук с улыбкой кивнул и ответил:

— На самом деле, боль — это лучшая ее часть.

Гектор вздохнул и как-то странно посмотрел на своего брата.

— Твою мать, мужик, ты превращаешься в одного из тех слюняев? В тебе есть какая-то женская жилка, о которой я не знаю?

— Пошел на хер.

— Нет, ты хочешь, чтобы на нем была Тайлер.

— Да, хочу.

— Дочь Дэнниса, хочу добавить.

— Она самая.

— Эта раздражающая маленькая засранка на гребаном трехколесном велосипеде, от скрипа которого мы все готовы были лезть на стену?

— Да, она.

Не скрывая в голосе недоверия, Гектор на всякий случай уточнил:

— Тайлер.

— *Моя Тайлер.*

Как только произнес это, Хоук увидел, как Джесс напрягся всем телом. Ублюдок слышал их, и на его лице промелькнуло выражение боли, хотя он изо всех сил пытался скрыть его. Гектор тоже это заметил и, толкнув Хоука в плечо, прошептал:

— Мужик, он смирится с этим. Это просто сумасбродное увлечение.

Но, судя по реакции Джесса, это не было похоже на простую увлеченность. Совершенно ясно, что Тайлер ему далеко не безразлична, и, возможно, это могло бы взбесить Хоука, окажись на месте Джесса кто-то другой. Но Джесс был горячо преданным парнем. Он ни за что не встанет на пути Хоука или Тайлер. Это не в его характере.

Их прервал звук подъезжающего автомобиля. Хоук оглянулся через плечо как раз в тот момент, когда свернувший с дороги черный «Мерседес» медленно остановился перед ними. Хоук прищурил глаза и протяжно вздохнул.

— Блядь.

Открылась пассажирская дверь, и показавшийся из машины мужчина с холодным, как лед, лицом взглянул на Хоука.

— Борден, — сказал Хоук, в его голосе послышалось напряжение.

— Нам надо поговорить, — ответил Борден. — Я получил ответы.

— Пойдем внутрь, — но не успел он повернуться, как Борден с размаху врезал ему кулаком в лицо. Голова Хоука резко дернулась в сторону, в ушах зазвенело.

— Это за то, что бросил меня, — прорычал Борден.

Хоук не собирался возражать, потому что да, он охренеть как заслуживал этого.

Глава 36

Хоук

Борден захотел поговорить с ним наедине, поэтому Хоук отвел его в комнату совещаний и запер за собой дверь. Борден бросил на стол папку и повернулся к нему — его губы были плотно сжаты, взгляд холодный и злой.

— Прежде всего, — начал он, раздувая ноздри, — мог бы давно сказать мне, что ты этого хочешь.

Хоук скрестил на груди руки и, прислонившись спиной к двери, ответил:

— Я сам не знал, что захочу этого.

— Но невозможно просто однажды проснуться и снова захотеть стать президентом клуба.

— Нет, невозможно.

— Тогда что случилось? Разве можно так поступать из-за какой-то девчонки?

В груди Хоука вспыхнул гнев, и он стиснул зубы, пытаясь сдержаться.

— Разве не забавно, как вдруг поменялись роли? — спросил он. — Насколько я помню, на твоём месте когда-то стоял я и задавал тебе тот же самый гребаный вопрос.

— Это другое. Эмма была одинокой бедной официанткой, таскающей с собой дешевый складной ножик. Твоя девчонка живет среди байкеров, которые умоляют тебя вернуться.

— И теперь я вернулся.

— А как насчет всех наших разговоров о том, что ты на моей стороне, а не с ними?

— Мы с тобой по-прежнему на одной долбаной стороне.

— Мы будем деловыми партнерами... а хочешь знать, сколько раз подобная херня разрушала все между людьми, Хоук? Видишь, я уже сейчас против.

— На это есть основания.

— Черт, да, на это есть просто охуенные основания! — крикнул Борден, теряя свою холодность. Хоук никогда его таким не видел. — Ты что, нихрена не понял, что кроме тебя, Эммы и моей семьи у меня больше ничего нет! Я не хочу, чтобы что-то стояло между нами.

Хоук подошел к стулу и, рухнув на него, раздраженно потер лицо.

— Господи, Борден, ты думаешь, я когда-нибудь захочу пойти вразрез с тобой? Подобного не случится никогда.

— Тогда дай мне свое гребаное слово!

Хоук посмотрел на него уверенным твердым взглядом и сказал:

— Я даю тебе свое слово.

Но напряжение Бордена меньше не стало. Он буквально дымился, лицо было перекошено гневом.

— Ты сказал это необдуманно. Ты ослеплен своими чувствами...

— Я не отдам ее.

— Ты готов ввязаться в войну? Увидеть, как один за другим будут умирать твои люди? Мы тоже потеряли некоторых, но насколько тяжело было после этого жить дальше? Ты же не хочешь, чтобы смерть людей, которые что-то значат для тебя, оказалась на твоей совести?

— На моих глазах никто не умрет.

— Нет, пока ты, блядь, не прочитаешь то, что я тебе покажу.

Хоук замялся, взглянув на лежащую на столе папку, а потом на Бордена.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что нельзя отбиться от угроз, если ты даже не знаешь, кто за ними стоит. И, Хоук, одну из них ты уже просмотрел.

Хоук замер, почувствовав волну тревоги, прокатившуюся по его телу, когда снова покосился на папку. Ужасные мысли закружились в его голове: обо всех его подозрениях, обо всем том, что он слышал. Неужели слухи окажутся правдой? Неужели за всем этим стоит Гектор? Это был его вечный кошмар, а ответ на него лежал на расстоянии метра.

— Насколько все плохо? — спросил Хоук напряженно.

Борден нахмурился, на лице его мелькнуло выражение беспокойства, и ответил:

— Пиздец как плохо.

* * *

Несколько минут Хоук наблюдал, как Тайлер разговаривает с Джессом. Ему удалось рассмешить ее, и это было добрым знаком. Парни действительно относились к Тайлер, как к члену семьи. Это было сильно заметно — они испытывали к ней любовь и уважение. Но мудака Джесс снова был без рубашки. Вероятно, пытаясь заставить ее пускать слюни или

что-то в этом роде. Только Тайлер едва обращала внимание на его тело, в отличие от Холли, которая разносила пиво парням, сидящим на улице. Когда она подошла к Гектору и протянула ему бутылку, тот категорично покачал головой, и Холли, казалось, была этим очень довольна.

Гектор оглянулся и заметил смотревшего на него из окна Хоука. Он вопросительно прищурил глаза, но Хоук отвернулся, пока не готовый к разговору о том, что узнал в этой комнате.

Он думал, что окончательно свихнется после прочтения содержимого папки, но... странно, его наоборот охватило спокойствие. Он чувствовал какое-то оцепенение и полагал, что это лучше, чем ярость.

Возможно, будь он рядом с клубом, то давным-давно обо все догадался бы.

Возможно... он смог бы предотвратить очень много страданий.

Монстр внутри него извивался, настойчиво требуя действовать немедленно, не выжидая, но... Хоуку сначала надо переварить все это.

В это время Тайлер подняла глаза и встретила с его холодным взглядом. Ее улыбка исчезла, и снова появился тот самый взгляд, который она изо всех сил старалась скрыть. К сожалению, Хоук не хотел его видеть. Он не хотел, чтобы это чертово оцепенение проходило. Он нуждался в нем. Это были его доспехи. И единственный способ хладнокровно разработать план атаки.

Поэтому он отвернулся и отошел от окна.

* * *

В итоге Хоук оказался один в своей комнате. Он сидел, закрыв лицо ладонями. Свет был выключен, тишина оглушала. *«Это другое, — он пытался убедить себя. — Здесь дверь, которая открывается. Свет можно включить и выключить. И не слышны эти... эти крики».*

Но этого оказалось недостаточно, и монстр внутри разволновался, как только он оказался в четырех стенах.

В одно мгновение Хоук снова вернулся туда.

В одиночную камеру.

К расписанным кровью стенам.

Над ним флуоресцентная лампа — единственный источник света для него, символ безвременья, потому что он никогда не менялся, никогда не мерцал и никогда не гас.

Крики — черт возьми! — он все еще мог слышать, как они эхом

раздаются в его голове.

Это была чертова преисподняя. Та, что вызывала у него желание разорвать ногтями собственное горло и вырвать легкие.

Он должен был это сделать. Должен был сдохнуть в луже собственной крови. Тогда он не вернулся бы сюда.

Президентом.

Влюбленным в женщину, которая теперь его ненавидит.

Вынужденным снова убивать всех вокруг, чтобы заставить мир бояться

Последние пять лет он только и делал, что прятался и вел бессмысленную и пустую жизнь.

И теперь это.

Он представлял, как ходит кругами по этому чертову гадюшнику, потом валится на пол, флуоресцентный свет слепит глаза, а в голове повторяются только два слова.

Не доверяй.

Не доверяй.

Глава 37

Тайлер

Борден принес какие-то дурные вести, потому что после его ухода Хоук стал другим. Глаза стали пустыми, движения резкими, а взгляд настороженным. Если я считала, что прежний Хоук вселял ужас, то это было заблуждением. Очень большим заблуждением.

Он дистанцировался ото всех, включая Гектора, и сидел в дальнем конце зала. Шестеренки в его голове вращались, и он всматривался в лицо каждого присутствующего в баре взглядом, полным недоверия и подозрений. Это был первый раз, когда я даже подумывала об уходе. Не навсегда, конечно, но до тех пор, пока он снова не станет нормальным. Потому что я знала этот взгляд — Хоук замышлял что-то недоброе.

В течение следующих нескольких дней он не ложился ко мне в постель. По факту, он постоянно ездил куда-то с парнями, вытрясая из фирмачей свою долю, от уплаты которой те слишком долгое время уклонялись. В какой-то момент он дошел до того, что приказал сжечь парикмахерскую, владелец которой отказался платить. Естественно, в ту же секунду, как парни начали свое грязное дело, он пошел на уступки и предложил Хоуку даже больше. Хоук отказался. Джесс рассказывал мне, что Хоук сказал тому мужику: «Один раз ты уже сказал «нет», и на этом все. Никаких поблажек».

С Хоуком шутки плохи.

Затем, в последующие дни, он занялся тем, что вышвырнул трех парней, которые почти не появлялись в клубе, но имели нашивки. Хоук сжег их нашивки на глазах у всех, после чего остальные парни вернулись к выполнению своих обязанностей.

Он не упоминал о нападении на клуб. Не отдавал приказа выяснить, кто за этим стоял. Он просто забросил это дело, словно оно больше не имело для него значения, а потом дал Джессу добро на то, чтобы я вернулась на работу.

Я удивилась, но была рада своему освобождению. Мне нужно было держаться подальше от беспредела Хоука. Я понимала, что это были необходимые меры, но понимать и видеть все это — две разные вещи. Хоук возвращался к своим истокам. Он показывал мне: для того, чтобы утвердить свою власть, он вынужден принимать очень-очень жесткие

меры.

* * *

Напряженность между нами достигла апогея спустя несколько дней после моего выхода на работу. Джесс привез меня в клуб на машине, потому что Хоук, по-видимому, запретил ему возить меня на заднем сиденье его мотоцикла. Это было вполне объяснимо. Мы вышли из машины, и я потянулась забрать вещи с сиденья, когда заметила, как Джесс напряженно замер, пристально глядя на что-то.

— Что такое? — спросила я.

Не ответив, он просто кивнул прямо перед собой. Я остановилась рядом с ним и проследила за его взглядом. В дальнем углу стоянки был припаркован красный грузовик Кирка. Увидев его, я тотчас застыла, и мне потребовалась минута, чтобы оправиться от потрясения. Рядом с грузовиком на земле сидела Шей: спиной к колесу и с прикованными к ходовой раме руками. На ней не было ничего, кроме лифчика и трусиков. Я поняла, что она весь день провела под палящим солнцем. Ее кожа выглядела, как дубленая шкура: местами коричневая, местами красная, вся потрескавшаяся. Было не понятно, в сознании ли она, пока Шей с трудом не повернула голову в нашу сторону.

У меня отвисла челюсть.

— Какого. Хера.

— Сам в шоке!

Я сделала попытку направиться в ее сторону, но Джесс схватил меня за руку, вынуждая остаться на месте.

— Не надо, — сказал он жестко. — Если она так привязана, значит, на это есть причины.

— Похоже, она весь день провела на солнце.

— Я это понял.

— Но это же полный пиздец.

— Согласен.

Я вздохнула.

— Мы не можем просто так ее бросить.

— Знай свое место, Тайлер, — резко возразил он. — Это не твое дело. Оставь ее.

Он отпустил мою руку и прошел мимо. Дойдя до входа в клуб, Джесс остановился и оглянулся, ожидая, когда я последую за ним. В его взгляде

читалось предостережение, и я знала, что он не просто так сказал мне отступить. Джесс не хотел, чтобы я ввязывалась, потому что переживал о последствиях. Но я не послушалась и не пошла за ним. Каких, к черту, последствий можно было ожидать от Хоука? Вместо этого я снова переключилась на Шей — на ее спутанные волосы и обгоревшую кожу — и быстро направилась к ней.

— Тайлер! — позвал Джесс, но уже напрасно. — Не вздумай!

Я проигнорировала его. Подойдя к Шей, я опустилась на колени и взглянула на нее. Лицо выглядело ужасно: тушь размазана по щекам, глаза опухли от слез, губы потрескались и побелели. Господи-Боже, ей совсем плохо. Протянув руку, я коснулась ее плеча, и она вздрогнула от боли.

— Прости, — тихо сказала я полным сожаления голосом. — Я не хотела сделать тебе больно.

Шей не ответила, но ее губы дрогнули, и она медленно моргнула. Я не стала спрашивать, что случилось и кто это сделал. Джесс был прав, когда сказал, что это меня не касается. Подобное вполне ожидаемо, учитывая образ жизни клуба, и у меня нет права ставить это под сомнение. Но, врать не буду, временами было чертовски тяжело. К жестокости привыкнуть сложно, а я ненавидела притворяться, что у меня хватает сил справляться с этим. Я и раньше видела некоторые ужасные наказания — однажды на глазах у всех порезали подозреваемого в краже денег из кассы — но каждый раз, когда происходило нечто подобное, мои внутренности сжимались от страха, и я старалась держаться подальше. Только вот, сталкиваясь с подобным лицом к лицу, не могла пройти мимо и всегда хотела хоть чем-нибудь помочь.

Я взглянула на Джесса — он стоял, скрестив руки, и злился на мое непослушание.

— Воды! — громко сказала я и жестом указала на вход.

Его лицо еще больше помрачнело, но я бросила на него упрямый взгляд, давая понять, что отступать не намерена, и снова повторила свою просьбу. Он стиснул зубы и скрылся внутри.

Не прошло и минуты, как Джесс снова появился, держа в руке бутылку холодной воды. Он подошел, отвел взгляд в сторону и протянул ее мне. Я взяла бутылку из его рук, открутила крышку и, прижав горлышко к сухим губам Шей, начала понемногу вливать воду ей в рот. Она тут же ожила и, раскрыв губы, начала жадно глотать. Все это время я внимательно рассматривала ее — синяков и следов побоев не было заметно, значит, ее не били. Но кожа выглядела просто отвратительно.

— Достаточно, Тайлер, — сказал Джесс, по-прежнему не глядя на нас.

— Если ты не хочешь, чтобы мне дали под зад коленом за то, что разрешил тебе эту херню.

— Тогда оставь меня, — прошипела я. — Я не просила тебя торчать здесь.

— Я не оставлю тебя!

— Черт возьми, почему нет?

— Блядь, да потому, что ты мой друг, Тайлер. Пусть лучше виноватым буду я, чем ты, даже если она и заслужила все это.

— Что за херню она могла совершить, чтобы заслужить *такое*? — чувствуя себя как на иголках, я дала ей допить воду и встала. — Спасибо, — буркнула я Джессу, но теперь мой голос смягчился. — Я очень ценю это, Джесс.

Его лицо расслабилось, и он кивнул.

— Все нормально.

Шей подтянула колени к груди и опустила на них голову. Джесс взял меня за руку и повел прочь. Мы дошли до входной двери, и он, оглянувшись на Шей через плечо, с ухмылкой сказал:

— Знаешь, в этом есть свои плюсы.

Я бросила на него непонимающий взгляд, когда он открывал передо мной дверь.

— Ты о чем?

— По крайней мере, остальные части ее тела наконец-то будут сочетаться с цветом ее лица.

— И очень скоро, Джесс, — с неодобрением ответила я. — При таком раскладе очень скоро.

* * *

Едва появившись в баре, я сразу узнала, что натворила Шей. По-видимому, когда сегодня утром Гектор, как обычно, выставил ее из комнаты, у нее окончательно снесло планку. Шей истерила, как никогда раньше, крича, что она ему не подстилка и настало время, чтобы Гектор сделал ее своей женщиной. *Естественно*, Гектор сказал «нет». Вернее, он сказал так: «Сука, убирайся на хрен с глаз моих долой! Нехер указывать, что мне делать!».

А пото-о-о-ом... она слетела с катушек. Будто слова Гектора оказались искрой, разбудившей в ней адский огонь. Шей ринулась вниз и напала на Холли. Разбив бутылку, она направила на бедняжку отколотое горлышко и,

кажется, ранила в грудь. На крики Холли примчался Кирк — даже этот дегенерат взревел, чтобы Шей остановилась. Первыми на подмогу примчались Джонни и Маршалл. Они оттащили Шей и уволокли обратно наверх, к Гектору.

И вот тут... начался полный кошмар.

Она орала на него. Говорила, что расскажет обо всем, что творится на территории клуба (ох, мальчики). И даже утверждала, что все слышала и знает, что Хоук сделал с Юрием. Угрожала сдать его «тараканам из полицейского участка», совершенно не врубаясь в то, что все копы в полицейском участке на откупе у клуба.

Мне пришлось практически с пола поднимать свою упавшую челюсть, когда парни закончили свой рассказ. Шей совсем из ума выжила! За такой проступок обычно полагался смертный приговор, и Гектор даже навел на нее пистолет, чтобы убить, но вмешался Хоук. Он сказал: «Под этой крышей больше никаких смертей».

По-прежнему только в лифчике и трусах, она стояла в коридоре и выла, как пожарная сирена, и подошедший Хоук сгреб эту орущую дуру в охапку, выволок на улицу и приковал к грузовику, чтобы преподать ей урок. К моменту моего появления она просидела прикованной уже шесть часов. А день был жаркий. Не просто жаркий, а охрененно жаркий — это к разговору о времени. Конечно, то, что она сделала — это жесть. Я понимала это. Но... Господи, если в ближайшее время ее не освободить, она умрет от теплового удара.

Я отправилась на поиски Хоука и нашла его в комнате для совещаний. Он сидел один, тупо уставившись перед собой. Его грудь вздымалась и опадала в неестественном ритме, и я остановилась. Интересно, это в нем все еще бурлит адреналин после того, что он сделал? Я закрыла за собой дверь и повернулась к нему.

— Хоук, — осторожно начала я, — ты должен отпустить Шей.

Он перевел взгляд на меня, и в нем промелькнула теплота. Но Хоук быстро спрятал ее и ответил:

— Это не от меня зависит.

— От тебя.

— Она угрожала клубу, и, насколько мне известно, это решение было принято клубом.

— Но решать, что с ней будет, в первую очередь должен ты.

— Мне не нужно еще одного убийства в стенах клуба.

— Ей очень плохо.

— Тайлер, мне все равно.

Я изумленно уставилась на него.

— Раньше ты никогда не поступил бы с женщиной подобным образом! Это безумие!

Он сухо усмехнулся.

— Тайлер, ты, видимо, совсем не врубаешься, да? Я сохранил ей ЖИЗНЬ! — последнее слово он буквально проревел.

— Она недолго продлится там, на жаре!

Резко вскочив со стула, Хоук подошел ко мне. Гневно сверкнув глазами, он прорычал:

— Она хотела порезать Холли. Она угрожала выдать секреты клуба. Насколько мне известно, будь она мужиком, сдохла бы в ту же секунду, как открыла свой гребаный рот.

— Гектор постоянно водил ее за нос...

— Прекрати защищать ее.

— Со мной ты поступишь так же, Хоук? — спросила я с горечью. — Знаешь, я дала ей воды. И что ты теперь сделаешь? Тоже привяжешь к грузовику и оставишь жариться на солнце? Твою мать, ты что, совсем бесчувственный?

Он сделал круговое движение головой и обвел взглядом помещение.

— Где, по-твоему, ты сейчас находишься, Тайлер? Потому что как только я убеждаю себя, что ты вроде начинаешь что-то понимать, ты задаешь мне по-настоящему глупый вопрос. Не надо хлопотать передо мной за эту девку, словно она не сделала ничего особенного. Если бы это было так, она не сидела бы сейчас там. А если ты ищешь великодушия, то не в том месте, дорогуша.

Я пристально посмотрела на него, чувствуя, как сердце начинает набирать обороты, и раздраженно сказала:

— Жаль, что ты его лишен. В тебе слишком много тьмы.

— Я всегда был таким, Тайлер.

— Нет.

— Я предупреждал тебя, что буду вынужден поступать именно так, чтобы снова восстановить этот клуб. Или ты хочешь увидеть, как он будет тонуть? Ты хочешь, чтобы по городу разгуливал какой-то другой клуб, устраивая на улицах беспредел? У нашего клуба, по крайней мере, есть хоть какой-то, пусть хреновый, но кодекс. Мы не достаем и не трогаем людей, если только они первые не начинают доставать нас. А придет другой клуб? Ты понятия не имеешь, как они себя поведут. Не представляешь, что они будут заставлять тебя делать себе в угоду. Единственный способ удержать власть в своих руках — стать заклтым

врагом самому себе.

На это мне нечего было сказать.

Я чувствовала себя в полной растерянности. С одной стороны, жестокость, охватившая клуб, сводила меня с ума. С другой стороны, убивало то, что жестокость эта была необходимой.

Возникшая между нами тишина напрягала сильнее, чем когда-либо. Хоук изо всех сил старался держаться за возведенными вокруг себя стенами, но боль в моих глазах заставила его дыхание ускориться. Он покачал головой и потер лицо.

— Блядь. Тайлер, ты хочешь знать, зачем я делаю все это? — сказал он и посмотрел на меня измученным взглядом. — Я делаю все это ради тебя. Чтобы получить возможность быть здесь... с тобой. Мне не нравится все это. Я, блядь, ненавижу это. Этот гребаный адреналин, дорогуша, который прорывается и заполняет меня. Мне хочется вырвать на хер из себя этого монстра, который питается моей яростью, — тяжело дыша и сверкая глазами, он сделал шаг назад и рухнул на стул. — Я ненавижу это, — повторил он, — чертовски ненавижу. Мне хочется вытащить уже эти деньги с твоего счета, чтобы нам всем больше не приходилось иметь дело с этой... херней. Очиститься и начать все сначала. Вот, чего я хочу. И всегда хотел. Но на это нужно время, — Хоук выглядел совершенно разбитым, словно силы его были на пределе. Видеть то, что он вынужден делать, было одинаково ненавистно и для меня, и для него.

Я двинулась к нему, ведомая его болью, желая только одного — избавить Хоука от нее. Подняв руки, я прижала ладони к его лицу, и он закрыл глаза, когда я погладила его по щекам. Борода у него снова начала отрастать, и я, пропустив ее сквозь пальцы, села к нему на колени и прижалась лбом к его лбу. Его дыхание стало глубже, он скривил лицо и крепко зажмурил глаза. Хоук обнял меня, удерживая в кольце своих рук, дыша со мной одним воздухом.

— Прости, — прошептал он. — Я так сожалею обо всем... о своей лжи...

— Ты лгал, чтобы защитить меня, — прервала я его, прижимаясь губами к его губам. — Я все понимаю.

— Ты ненавидишь меня.

— Я пыталась найти причину ненавидеть тебя, Хоук, но на самом деле никакой ненависти не было.

Он медленно поцеловал меня. Боже, как же приятно вновь почувствовать соединение с его губами. Руками он провел вниз по моей спине и опустил ладони на задницу. Крепко сжав ее, он мягким скользящим

движением погрузил свой язык мне в рот.

— Я знаю, что ты делаешь, — пробормотал он, и я почувствовала, каким твердым он стал подо мной.

— А что я делаю? — выдохнула я, подставляя ему шею для поцелуя.

— Ты пытаешься отвлечь меня.

Я кивнула, даже не пытаюсь скрыть этого.

— Да, Хоук. Именно так. Ты хочешь, чтобы я остановилась?

Поглаживая, он начал поднимать руку вверх по моему телу, положил ладонь мне на грудь и сжал ее.

— Черт, Тайлер, нет.

Какое-то время мы просто целовались, и Хоук не обошел своими ласками ни один сантиметр моего тела, приговаривая, как сильно он тосковал по этому.

А потом он снял меня со своих коленей. Судя по виду, Хоука немного отпустило, и он взял себя в руки. Покинув комнату, он приказал парням отпустить Шей, а потом велел Маршаллу собрать ее вещи, сунуть ей в кошелек немного денег и сказать, чтобы она убиралась из города. Он понимал, что ее одержимость Гектором сродни помешательству, но и она сама не должна была терять голову.

Гектор чувствовал себя полным дерьмом. Он винил себя в том, что довел ее до такого.

И это само по себе уже было чудом.

Глава 38

Тайлер

Тем же вечером, но позже, Хоук взял меня прокатиться. На улице похолодало, поднялся ветер. В воздухе пахло приближающимся дождем, и я была рада такой передышке после этого жаркого ужасного дня.

Меня должно было насторожить, когда он свернул к тому самому ручью, возле которого сообщил сокрушительную новость. В конце концов, это место только напомнило бы об ужасной правде. О том, кем был мой отец. Но я была слишком счастлива провести время с Хоуком, чтобы допустить вторжение в голову плохих мыслей.

Спрыгнув с мотоцикла, я поспешила к ручью, а Хоук внимательно наблюдал за мной. Сегодня я села у воды, скинула обувь и носки и, опустив ноги в ручей, подняла взгляд к небу. Вспыхнула молния, и я начала отсчитывать секунды до раската грома.

Три, четыре, пять...

БА-БАХ!!!

Вот и гром.

Хоук опустился на землю за моей спиной, и я оказалась сидящей между его ногами. Я откинулась назад, закрыла глаза и расслабилась в объятиях Хоука, окруженная запахом кожи и его одеколону.

— Мы должны делать это почаще, — сказала я ему. — Так мне не придется постоянно видеть, как ты ведешь себя, словно людоед.

Он провел ладонями по моим рукам.

— Я ведь уже говорил, что это...

— Необходимо, я знаю.

— Осталось не очень долго.

Я понимающе кивнула.

— А до тех пор, Тайлер, перестань возводить меня на пьедестал.

— Думаешь, я делаю именно это?

— Я не совершил ничего грандиозного.

— Ты упорно забываешь о тех грандиозных ощущениях, которые даришь мне.

— Когда не вру.

Я тихо засмеялась и кивнула.

— Да, когда не врешь.

Еще одна вспышка молнии разрезала небо, и в этот раз я считала вслух, пока над головой не раздался грохот. Это так прекрасно: быть здесь, в уединенном месте, в объятиях мужчины, который мне дорог, которого люблю, которого считаю своей опорой.

Весь мир вокруг словно исчез. Все проблемы, вся творящаяся в клубе херня, насилие, отчаяние... все это ушло на задний план. Остались только Хоук и я.

— Можно спросить тебя кое о чем? — поинтересовалась я чуть позже.

— Тот факт, что ты спрашиваешь разрешения задать вопрос, уже сам по себе вызывает беспокойство, Тайлер.

Я закатила глаза.

— Ну, я имела в виду, спросить кое о чем личном.

— Что ты хочешь узнать?

Я повернула голову, чтобы взглянуть на него. Взгляд его темных глаз встретился с моим, и я спросила:

— Кто та красивая женщина, которая вышла из твоей комнаты много лет назад?

Он нахмурился.

— А поконкретнее?

— Блондинка в реально шикарных туфлях на платформе.

Он удивленно выдохнул.

— Черт возьми, Тайлер, этого вопроса я ожидал меньше всего.

— Упс.

— Как ты вообще узнала об этом?

— Я видела ее.

— И сколько тебе тогда было лет, маленькая проныра?

Я рассмеялась и толкнула его локтем в живот.

— Не так уж и мало.

— Сколько? — спросил он.

— Боже, я не помню. Может, одиннадцать?

Он застонал и тихо выругался.

— Ну и на что это похоже? Скажу тебе честно, когда у нас появятся свои дети, этот гребаный клуб будет последним местом, где я позволю им находиться.

Я старалась не обращать внимания на тепло, разлившееся в груди, когда он сказал о наших предполагаемых детях.

— У меня было неплохое детство, помнишь?

— Ты ненормальная.

Я ахнула, делая вид, что возмущена.

— Как это я ненормальная?

— Потому что спрашиваешь о девчонке, которая была в моей постели десять лет назад. А я еще думал, что это у Шей съехала крыша.

Я снова толкнула его — на этот раз достаточно сильно — и Хоук резко выдохнул. Тем не менее, он рассмеялся, отодвигая мой локоть в сторону от своего живота. Меня раздражало, что мой вопрос вызвал у него смех, и я снова попыталась ткнуть его другим локтем. Он перехватил его и притянул меня к себе, обняв поверх груди.

— Эта девушка ничего для меня не значила, — прошептал он мне на ухо. — Но мне льстит, что ты ревнуешь к ней даже спустя десять лет.

— Я не ревную, — начала спорить я.

— Лгунья.

— Мне просто любопытно. У тебя было не так уж много девушек после того, как ты возглавил клуб, и мне интересно узнать почему.

Он ослабил объятия, позволяя мне развернуться, чтобы обнять его за шею. Хоук посмотрел на меня, нетерпеливо ожидающую ответа, и расслабленно улыбнулся.

— Потому что я устал от притворства в постели, — в итоге сказал он после минутного молчания. — Рано или поздно это все равно случилось бы, Тай. Мне хотелось хотя бы небольшой внутренней связи.

— Ты чувствовал такую связь с ней?

Хоук поскреб зубами нижнюю губу и покачал головой.

— Господи, а что будет, если я начну упрекать тебя за твоего придурка из школы?

— Ты уже это делал.

— Я не уточнял деталей.

— Ну, если тебе интересно, делала ли я ему минет, то я...

Хоук зажал мне рот ладонью, заставляя замолчать, после чего очень мрачно взглянул на меня.

— Я ни хрена не желаю знать ни о том, что ты делала с этим мальчишкой, ни о том, что этот сопляк делал с тобой, Тайлер. Ты поняла? У меня закипает кровь от одной только мысли об этом, и я не хочу слышать ничего такого, из-за чего придется нести ответственность за его смерть. Поняла?

Я кивнула, и он опустил руку. Судя по виду, он бесился, и я заулыбалась, как дурочка.

— Ну, и кто теперь ревнует? — спросила я.

Теперь он вышел из себя.

— Да, блядь, я ревную! Потому что хочу, чтобы твое тело было только

моим. Мне ненавистно осознавать, что к тебе прикасался какой-то посторонний мудака. В глубине души мне хотелось бы вернуться назад, чтобы стать для тебя первым. Чтобы я мог сказать: «Я — это все, что тебе нужно». Но такого в обозримом будущем не предвидится. Поэтому раздевайся, чтобы я мог трахнуть тебя и забыть все, о чем ты только что сказала.

Я захихикала, пытаюсь бороться с ним, но он уже ухватился за мою футболку и стягивал ее с меня. Хоук откинулся вместе со мной назад, а потом перевернул меня спиной на землю, нависая сверху и раздевая, пока я смотрела в небо и наблюдала, как очередная вспышка молнии озаряет бескрайнюю тьму над головой. Через несколько секунд грянул гром, и мое тело содрогнулось в унисон с его раскатом, потому что Хоук захватил губами мой клитор, лаская его языком.

* * *

А потом мы лежали голые на траве — утомленные и довольные — приветствуя падающие на нас прохладные капли дождя. Я никогда не знала, что мир может быть таким. Никогда в жизни не чувствовала себя настолько счастливой. Но момент был разрушен его словами:

— Тай, теперь, когда я трахнул тебя, мне нужно кое-что тебе сказать.

Улыбка исчезла с моего лица, едва я осторожно, со страхом, взглянула ему в глаза.

— Это что-то плохое?

Хоук встретился со мной взглядом и тихо ответил:

— Будет больно. Снова.

Черт.

Он опять увез меня сюда умышленно. Но на этот раз я твердо решила держать себя в руках, не терять голову и ни при каких обстоятельствах больше не допустить в душу ненависть к нему.

Глава 39

Хоук

Когда подошел срок сделки с Абрамом, Хоук решил сам отправиться к нему, прихватив с собой Гаса и Гектора.

— После истории с Юрием я ему не доверяю, — пояснил он Гасу. — По крайней мере, на этот раз не должно быть никаких сюрпризов.

Гас согласился, и они выехали, на всякий случай вооружившись.

В поместье Абрама было все по-прежнему: полно девушек с безжизненными лицами и охранников. Сам Абрам был на заднем дворе своего огромного дома. Он сидел на шезлонге перед бассейном, любуясь на одиноко плавающую там девушку. Судя по его виду, он был полностью погружен в созерцание, когда подошли охранники, сопровождая идущих следом байкеров. Едва взглянув в их сторону, Абрам сказал:

— Твои деньги принесут через пару минут. Ты обдумал мои требования о прекращении поставок моим конкурентам?

Хоук кивнул и отвел взгляд от изящных ног пловчихи.

— Обдумал. И я соглашусь, если мы кое-что получим взамен.

Абрам повернул к нему голову — его глаза были скрыты солнцезащитными очками — и сказал:

— И что же это будет?

Несколько секунд Хоук обдумывал ответ, глядя на сбитого с толку Гаса и раздраженного Гектора, после чего сказал:

— Это ведь ты банкир.

Уголки губ Абрама приподнялись.

— Ты обращался к Бордену, чтобы докопаться до этого.

Это не был вопрос. Он знал.

Хоук кивнул.

— Да.

— И ты пытаешься прибрать к рукам счет той девчонки. Боюсь, мне потребуется ее личное присутствие здесь, и, судя по тому, что говорит календарь, до ее дня рождения остались считанные дни.

Хоук сухо усмехнулся.

— Сегодня я здесь не из-за денег. Сколько там, кстати? Миллионов семь?

— Восемь.

— Ладно, с Тайлер мы приедем в другой день. Сегодня я здесь из-за Юрия и нападения на мой клуб.

— Твой клуб, — ухмыльнувшись, повторил Абрам и снял солнцезащитные очки. — Приятно снова видеть тебя в жилете президента, Хоук. Но опять же, если ты здесь, чтобы обвинить меня в нападении на ваш гадюшник, то я этого не делал. Мне проще просто пристрелить тебя.

— Я знаю, что это не ты, — спокойно сказал Хоук. — В прошлый раз ты сказал, что хочешь «око за око». Я здесь, чтобы удовлетворить твоё требование.

— Око за око?

— Мы убили Юрия, а ты убьешь Гаса.

Прежде чем Гас успел среагировать, Гектор схватил его за шею, удерживая на месте.

— Ты охренел? — не веря в происходящее, прохрипел Гас, его лицо побагровело. — Что за херня, Хоук?

Хоук даже не взглянул на него. Он внимательно посмотрел на Абрама и сказал:

— Твой двоюродный брат знал о счетах, не так ли?

Абрам перевел взгляд с Хоука на Гаса и кивнул.

— Он знал о банке, который я контролирую, и о многих счетах, которые я веду для разных опасных людей.

— И на одном из таких счетов Дэннис спрятал деньги клуба.

— Мы не интересуемся происхождением денег.

— Но ты знаешь.

Абрам пожал плечами.

— У меня были свои подозрения, но под моим надзором слишком много счетов, так что, на самом деле, мне было похер. Кроме того, тут я бессилен. Я держу свое слово в отношении каждого договора с каждым человеком или группировкой, которые сливают свои наличные в мой банк.

— Где этот банк?

— Ну, на самом деле, это не совсем банк. Просто место, куда стекаются их деньги. По факту, несколько мест.

— Юрий знал о них?

— Нет, но мне известно, что он знал о девушке. Скорее всего, он был связан с кем-то из вашего клуба.

Хоук утвердительно кивнул и указал на Гаса.

— И этим человеком был вот этот хрен.

— Я не говорил Юрию, чтобы он схватил Тайлер той ночью! — закричал Гас с мольбой в голосе. — Хоук, он сделал это сам! Он

действовал за моей спиной. Я никогда даже подумать не мог, что он так поступит. Этого не должно было произойти. Блядь, он был под сильным кайфом, под наркотой. Я сказал ему, что как только деньги вернутся в клуб, мы поделим их. Мы никогда не планировали похищать ее. Никогда! Я бы ни за что не навредил Тайлер!

— Как не навредил Дэннису, выстрелив, блядь, ему в спину, после того, как узнал, что именно он украл деньги клуба?

Гас замолчал, едва дыша — Гектор по-прежнему крепко сжимал его шею.

— Ты украл полмиллиона долларов, — уточнил Хоук ледяным тоном. — Борден нашел твой счет за границей, открытый на имя держателя контрольного пакета акций какой-то несуществующей фирмы в Панаме. Это те самые полмиллиона долларов, которые исчезли прямо перед тем, как Дэннис спрятал на счету остальные деньги, чтобы защитить клуб. Он догадался, что среди нас вор. Но ты не знал, что денег у него на руках уже не было, пока не застрелил его, да?

Гас не ответил. Его глаза панически блеснули, и он не переставая тряс головой.

— Ты ждал дня рождения Тайлер, — продолжил Хоук, делая шаг к Гасу и жалея, что не может прямо сейчас собственноручно пристрелить старика. — Вот почему ты так упорно убеждал меня, что она должна жить в клубе, и рассказывал, насколько важно заботиться о ее безопасности в наше время. Я был глупым идиотом и не замечал, что творится прямо у меня под носом. Ты, долбаный ублюдок, пытался столкнуть нас с Абрамом, наняв тех мудаков-отморозков, для нападения на клуб. Чтобы мы ввязались в войну, грохнули Абрама, а ты добрался бы до всех данных о счетах, которые он контролировал!

— В итоге ты переключился на моего брата, — прошипел Гектор в ухо Гасу, еще сильнее сжав руку на его шее, отчего тот прямо взревел. — Это ведь ты продал его, не так ли? Пытался избавиться от него, чтобы он не смог докопаться до правды.

Гас задержался в его хватке — кислород почти не поступал в легкие, и старик едва мог стоять. Хоук зажмурился, чувствуя внутреннюю боль из-за его предательства, и с грустью отметил:

— Когда что-то одно всплывает на поверхность, остальное начинает складываться само собой. Ты предал нас, Гас. А Дэннис так старался сказать мне, что среди нас есть предатель. В итоге, он даже не знал, что это ты, да?

Позаботься о Тайлер.

Не доверяй.

Не верь.

Взгляд Гаса потускнел, из глаз потекли слезы, когда открывшаяся правда разрушила один за другим годы доверия. Годы любви. Годы братства. И все ради денег.

Абрам встал, переключив свое внимание на Гаса. Он был в ярости. Личное горе отчетливо читалось на его лице. Очень тихо Абрам сказал:

— Отпусти его. Око за око. Я лишу его глаз и прикончу ублюдка. Он отнял у меня Юрия, и его семья все еще жаждет мести, — глядя в глаза Гасу, он подошел ближе и добавил: — Сначала я вырву твои глаза, как случилось с моим братом. А потом буду резать кусками, и тебя, в отличие от него, ждет небыстрая смерть. Я собираюсь сделать так, чтобы ты медленно истек кровью.

На этих словах Гектор отпустил Гаса, и тот мешком рухнул на землю, задыхаясь и крича, чтобы Хоук остановился и выслушал его, чтобы не поступал с ним так и не бросал его.

Но Хоук и Гектор уже шли к выходу.

— Пожалуйста, Хоук! Просто выслушай меня! Просто выслушай!

Старик не понимал, что слушать тут больше нечего.

Деньги погрузили в багажник фургона, сопровождавшего их весь обратный путь.

Назад, к Тайлер, все еще потрясенной новостью о том, что ее отец оказался ни в чем не виноватым.

Глава 40

Хоук

Закрывать ото всех — это не решение проблем.

Тайлер.

Черт, она опустила его с небес на землю. Она и есть решение.

Той ночью он сделал для нее ванну. Они сидели в воде вместе: она откинулась спиной ему на грудь и лопала пальцами мыльные пузыри. Он думал рассказать ей о том, что случилось с Гасом. Тайлер знала, что Хоук уезжал, чтобы разобраться с ним, но была не в курсе, что он отдал старика Абраму. Ему предстояло ошарашить этой новостью весь клуб, потому что все уже спрашивали, куда девался Гас. Блядь, и это одна из многих сложностей, которые встают на пути, когда снова становишься президентом, да? Иметь дело с бурной реакцией членов клуба, узнавших о том, что один из них был предателем.

Да, эта хреновая новость может подождать еще денек. Хоук был решительно настроен не портить момент их уединения. Не сейчас, когда он до боли хочет оказаться в ней и наполнить ее своим семенем. Может, стоит сказать ей, чтобы перестала пить противозачаточные? Он удовлетворенно вздохнул, представив себе Тайлер с округлившимся животом, в котором растет их ребенок. «*Это будет самое верное и окончательное твое клеймо на ней*», — прошептал живущий внутри него дикарь.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы иметь детей? — спросил он, целуя Тайлер в плечо и не отрывая взгляда от ее выглядывающих из воды грудей. Такими темпами долго он сдерживаться не сможет.

— Пару раз, наверное, — ответила она, поворачивая к нему свое мгновенно вспыхнувшее лицо. — Но не в ближайшие несколько лет. Для начала я хочу какое-то время насладиться тобой.

— А чем дети могут в этом помешать?

Она засмеялась.

— О, Боже. Ты не просто так спросил об этом.

— Да.

— Не то чтобы они будут портить твой день. Думаю, они просто заполнят его. Разве ты больше не хочешь, чтобы твой член был во мне? Потому что при наличии кричащего младенца такая возможность у тебя станет появляться вдвое реже.

И то правда.

— Хорошо, тогда я вернусь к этому вопросу через несколько лет, — сказал он.

Она подарила ему широкую улыбку.

— Ты так уверен, что к тому моменту все еще будешь хотеть меня?

Он улыбнулся в ответ, и при виде его улыбки в ее взгляде появилась нежность.

— Детка, я хотел тебя еще тогда, когда тебе было пятнадцать. Но просто не понимал этого.

Глаза Тайлер предательски заблестели, в горле возник ком, и она попыталась отвернуться. Не дав ей этого сделать, он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. Хоук провел кончиками пальцев у нее под глазами, вытирая счастливые слезы. Держа ее в своих объятиях, он чувствовал, как его сердце переполняется, и он способен на все, когда она смотрит на него этим своим взглядом, полным какого-то гребаного благоговения. И он то же самое чувствовал к ней. Он обожал Тайлер. Обожал каждую ее великолепную частичку.

Хоук привык считать это проблемой. Такая степень привязанности к кому-то делает человека слабым. Но как могло это ослаблять, когда он чувствовал, сколько силы придает эта любовь?

Все еще поглаживая Тайлер по лицу, он наклонился и поцеловал ее. Другую руку уже опустил на ее грудь и заскользил вниз, к плоскому животу. Как только он добрался до клитора, она дернулась в его сильных руках и, со стоном закрыв глаза, задышала чаще. Хоук медленно ласкал клитор Тайлер и скользил пальцем вперед-назад внутри ее влажного тепла, неторопливо возбуждая. Она положила голову ему на плечо, и он не останавливался, посасывая ее шею, пока не довел до оргазма. Широко раскрыв рот, она издала протяжный стон и кончила так сильно, что он почувствовал, как сжимаются вокруг его пальцев ее мышцы.

Черт, это никогда ему не надоест.

Он немедленно вытащил палец и развернул ее. Хоук взял в руку член, направил его к ее входу и, не дав Тайлер опомниться, быстро погрузился в нее. Она снова ахнула и вцепилась руками ему в плечи. Хоук толкнулся в нее несколько раз, и вода из ванной начала выплескиваться через край. Гребаные волны все больше начинали раздражать. Он двигался осторожно, придерживая ее за бедра и медленно опуская на себя. Но всего этого было недостаточно.

Он хотел глубже, быстрее, жестче.

Не вынимая из нее члена, Хоук вылез из ванной и, оставляя на полу

лужи и заливая все вокруг стекающей с их тел водой, отнес Тайлер в свою постель. Разорвав связь их тел, он положил ее на живот, а потом поставил на колени. Скользнул ладонями по ее спине, затем вниз, к сексуальной округлости ягодиц. Хоук поглаживал головкой члена ее влажные складки, наблюдая, как она вздрогнула и вцепилась в простыни, ожидая, когда он возьмет ее. Ему хотелось трахнуть ее сзади. Быстрыми, целенаправленными ударами довести их двоих до оргазма, чтобы через час или около того взять ее снова.

Только вот... он хотел видеть ее лицо, хотел снова сделать все медленно, только чтобы увидеть, как она кончает.

— Ляг на спину, Тай, — мягко приказал он ей.

Она продвинулась дальше по кровати и перевернулась на спину. Ее влажное тело блестело в свете лампы. Она выглядела божественно.

Она моя.

Моя.

Он повторил это мысленно и почувствовал себя пьяным от гордости за то, что самая сексуальная из всех женщин в мире принадлежит ему. И хочет его так же сильно, как и он ее. Перемещаясь по кровати вслед за ней, Хоук поцеловал ее ногу, изгиб бедра, пупок, ложбинку между этими охуенными, сводящими с ума грудями и, наконец, добрался до рта.

Тайлер раздвинула ноги, встречая его, и Хоук поцеловал ее, упиваясь этими сочными губами. Он медленно и неторопливо вошел в нее, чувствуя, как сжимаются вокруг его члена стенки ее киски и ощущая каждый свой сантиметр, заполняющий ее. Эта медлительность сводила ее с ума, даря непривычное чувство неудовлетворенности.

— Придется почаще трахать тебя именно так, — пообещал он, улыбаясь возле ее губ, когда она начала умолять его не останавливаться.

Накрывший Тайлер оргазм был таким мощным, и она так сильно сжалась вокруг его члена, что Хоуку даже не потребовалось дополнительных движений, чтобы кончить вместе с ней.

Спустя час он взял ее снова — на этот раз на коленях. Ритмично вколачиваясь, он вытянул из нее очередной оргазм и оставил в постели совершенно обессиленной. На этом можно было бы остановиться, но он не сделал этого. Его желание к ней было поистине ненасытным. Он словно впал в зависимость от ее оргазмов, поэтому взял ее еще раз — теперь между ее ног трудился его рот.

В итоге, абсолютно истощенная, она улеглась, устроив голову на его груди, и Хоук начал руками выводить круги вокруг татуировки эмблемы клуба на ее спине. Только на Тайлер эта чертова татуировка могла

смотреться так женственно.

— Хоук? — выдохнула она, практически засыпая.

— Да, детка? — ответил Хоук. Его глаза уже тоже слипались.

— В чьей ты постели?

Уголки его губ дрогнули и приподнялись, а сердце чуть не разорвалось, когда он ответил:

— В твоей, детка.

Эпилог

Тайлер

В мой двадцать второй день рождения мы устроили барбекю в доме матери Хоука. Все были в сборе: толпились на заднем дворе и наполняли шумом ее дом, так долго живший в постоянной тишине.

С тех пор, как мы с Хоуком стали официальной парой, Аделла неприлично часто намекала нам на свадьбу, на внуков и на все то, о чем я еще даже не думала.

Хоук попросил выйти за него несколько месяцев назад, когда отвез меня на курорт, где мы все время проводили либо в постели, занимаясь сексом, либо загорая у бассейна. В его предложении не было никакой романтики. Хоук не вставал на одно колено. Он сделал кое-что получше — подарил мне бешеный оргазм, после которого я, задыхаясь, рухнула ему на грудь. А он погладил меня по спине, поцеловал в лоб и прошептал:

— Выходи за меня.

Естественно, я сказала «да» и была потрясена, получив восхитительное кольцо с опалом. Но дату мы не назначили. На самом деле, у меня и в мыслях не было устраивать пышную свадьбу. Я хотела что-то скромное. Что-то более интимное. Даже не уверена, хочу ли, чтобы на ней присутствовал кто-то из парней. Честно говоря, я не уверена даже в том, что хочу законно оформлять наши отношения. В сердце я и так замужем за ним. Разве этого недостаточно?

В течение этого года Хоук возил меня по разным укромным уголкам. Всегда приятно было провести время вдали от клуба, от работы, от шума и лежащих на Хоуке обязательств. Ему это нравилось. Мир Хоука снова обрел цель. Мы вытащили деньги с моего тайного счета и вернули их клубу. Хоук сократил количество нелегальных сделок, решив действовать законно. Процесс оказался небыстрым, главным образом потому, что было очень много деловых партнеров, зависящих от поставок клуба. Но Хоук был настроен в ближайшие пять лет сделать их бизнес совершенно чистым. А дальше... кто знает? Мы могли бы, наконец, остепениться, купить дом и подумать о создании семьи. Это не было окончательным решением, ведь жизнь такая непредсказуемая штука. Ее невозможно спланировать, невозможно знать наверняка. Мы жили сегодняшним днем.

Все стало еще лучше, когда в один прекрасный день появился Борден и передал Хоуку какую-то папку. Хоук вопросительно посмотрел на него, и Борден пояснил:

— Это твое новое удостоверение личности. И, блядь, не смей злиться на меня за имя. Вариантов было немного.

За это имя Хоук возненавидел его.

Ричард Кокс.

Но такое уж ему досталось имя, и я несколько часов хохотала без остановки. Гектор безжалостно его дразнил, и даже Джесс вставил свои пять копеек:

— Разве Дик — это не сокращенное от Ричард? Так ты теперь Дик Кокс, братан? Отличное сочетание! — за что и отхватил от Хоука по физиономии. (*Примеч.: dick, cock — на американском сленге оба слова обозначают «член»*).

Как бы то ни было, это были совершенно законные документы, и Борден, безусловно, заплатил за них целое состояние, подключив все возможные связи, чтобы сделать это для Хоука.

— Я в долгу перед тобой, — сказал Хоук. Их с Борденом братская привязанность стала сильнее прежнего.

Тот лишь хлопнул его по спине и ответил:

— Нет, теперь мы квиты. Это за все, что ты для меня сделал.

Борден тоже был приглашен на мой день рождения, но так и не появился. Что не удивительно. У него была своя семья, и я в глубине души была рада, что мне не придется находиться в его обществе. Этот мудака до сих пор вселял в меня сильный страх, и я по-прежнему относилась к нему довольно холодно.

— Твой отец гордился бы тобой, — сказала Аделла, слегка касаясь моей руки и глядя через весь двор на Хоука. Он сидел, погруженный в свои мысли, шестеренки в его голове снова вращались. — Он был бы горд за вас двоих.

Я улыбнулась и проглотила ком в горле, угрожающий прорваться наружу слезами. Мой отец был предан своим братьям до самого конца. И для меня это очень много значило. Я избавилась от всех сомнений и теперь знала: где бы ни был сейчас отец, он счастлив, что Хоук сдержал свое слово.

Он заботился обо мне.

Убивал ради меня.

Любил меня.

Словно прочитав мои мысли, он встретился со мной взглядом, нежно

улыбнулся и жестом позвал к себе. Я шла, не отводя взгляда и улыбаясь в ответ, словно глаза мои лучше, чем губы, могли сказать, что я тоже люблю его.

В конце концов, только это и имеет значение.

**** КОНЕЦ ****